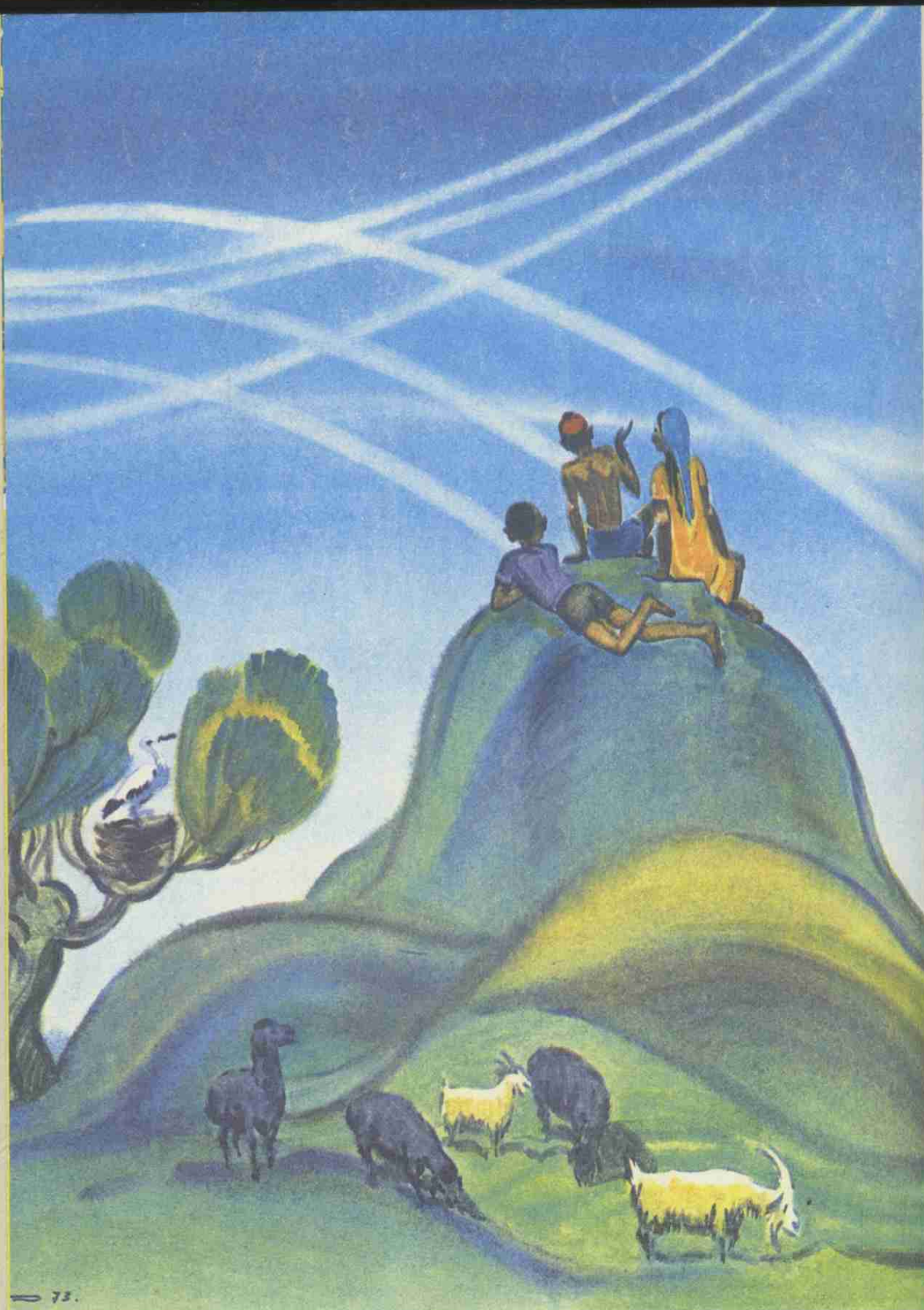

ОХОТЪ

11
1973

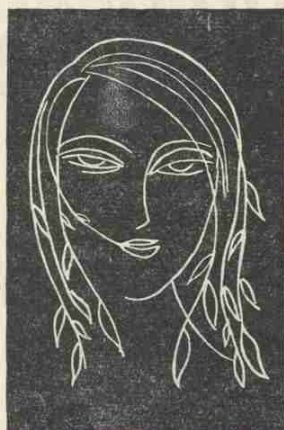

Г. ЧИГАНОВ. (Ташкент).

Самолеты ушли в небо.

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНИК
СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ
СССР

ЮНОСТЬ

Д.В. Смирнов

11 (222)
НОЯБРЬ
1973

Журнал
основан
в
1955
году

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

В НОМЕРЕ

ПРОЗА

Василий ЧИЧКОВ. Эти непослушные сыновья. Повесть 2

Сергей ОСТРОВИЙ. Кинимора. Рассказ 31

Аркадий АДАМОВ. Квадрат сложности. Повесть (Продолжение) 43

ПОЭЗИЯ

Музафер ДЗАСОХОВ. Сердце сердец. Слава. Перевел с осетинского Л. Шерешевский 29

Диомид КОСТЮРИН. Старт. Плотоны. «Когда сгорит последний лист...» 29

Нормурад НАРЗУЛЛАЕВ. Облака. Гблос тишины. Луч улыбки. Перевел с узбекского Р. Фархади 30

Танзиля ЗУМАКУЛОВА. «Кто хочет взять от жизни слишком много...». «Ты говоришь: «Кто и славе не стремится...». «Бросишь камень бестолково...». Колыбельная. Перевел с балкарского Н. Гребнев 39

Сергей ДАВЫДОВ. «Злые встречи с войной...». На киностудии 40

Сергей АЛИХАНОВ. «Ты проходишь, исчезаешь, как звезда...». «Мне стало видаться и думаться прозрачнее...». «И вдруг начнется ливень проливной...». «А зелень выходила вновь в тираж...» 40

Николай АГЕЕВ. «Сизые, простуженные дали...». «Крик протяжный журавлиный...» 41

Владас ШИМКУС. Светящаяся девушка. Начало. В порту. Перевел с литовского Л. Миль 41

Виктор ШИРОКОВ. «Живешь, не замечая нив...». «Не знаю, что может быть легче...». «Как ласточки, брови летели...». «Ау, осенняя деревня...». «На проспекте Руставели...» 42

Леонид ЛАТЫНИН. Разговор в Сургуте. Перед прозой. Стихи о весне, написанные осенью. «Еще не брошена монета...». «Перемена погоды...». Сон о речке Тахе. Первое прощанье. Осеннее Подмосковье 63

Моисей ЕФИМОВ. Ленские писаницы. Перевел с якутского С. Шевков 67

ПУБЛИЦИСТИКА

Марк ГРИГОРЬЕВ. Край, где взрослеют мальчики 70

Михаил КАЗАКОВ. Ищу своего студента 73

КРИТИКА

Виктор ШКЛОВСКИЙ: брайтонские впечатления 77

Владимир АННЕНКОВ. Ответственный перед историей. К столетию со дня рождения скульптора Н. А. Андреева 81

Максим ШТРАУХ. Главная роль 83

Олег ЧУХОНЦЕВ. Избранные стихи Д. Самойлова 91

Круг чтения. Маленькие рецензии и аннотации 92

Юрий КРУГЛОВ. В поисках песен 94

ПИСЬМО НОЯБРЯ

Лидя К. Уволена по собственному желанию. Владимир КОЗЫРИН. Правильно ли поступила Лидя? 72

НАУКА И ТЕХНИКА

Александр ЗАЛЫГИН. Индустрия ферм 73

СПОРТ

Рейма РУХАНЕН. Девушка, родившаяся в Юханнус 99

Владимир СЕРГЕЕВ. Вокруг ГТО 104

ЗАМЕТКИ И КОРРЕСПОНДЕНЦИИ ЗЕЛЕНый ПОРТФЕЛЬ

Ф. КАМЕНСКИЙ. Уточняя Ильфа и Петрова 106

Николай ЕЛИН, Владимир КАШАЕВ. Две юморески: 1. Конец эксперимента. 2. Звезда поэта 108

Л. ТРЕЕР. Поход 109

Главный редактор
Б. Н. ПОЛЕВОЙ

30 Редакционная коллегия:

А. Г. АЛЕКСИН,
В. И. АМЛИНСКИЙ,
В. И. ВОРОНОВ

39 (зам. главного редактора),

В. Н. ГОРЯЕВ,

40 А. Д. ДЕМЕНТЬЕВ

(зам. главного редактора),

Л. А. ЖЕЛЕЗНОВ

(отв. секретарь),

40 К. Ш. КУЛИЕВ,

41 Г. А. МЕДЫНСКИЙ,

В. Ф. ОГНЕВ,

41 С. Н. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ,

М. П. ПРИЛЕЖАЕВА

Художественный редактор
Ю. А. Цишевский.

Технический редактор
Л. К. Зябкина.

81 На 1—4-й стр. обложки
рисунок Виталия ОРЛОВА.

83 Адрес редакции:
101524, ГСП, Москва, К-6,
Улица Горького, № 32/1.
92 Телефон редакции: 251-32-83.
94 Рукописи
не возвращаются.

72 Сдано в набор 5/IX 1973 г.
А 00140.
73 Подп. к печ. 17/X 1973 г.
Формат 84 × 108^{1/16}.
99 Объем 12,18 усл. печ. л.
17,62 учетно-изд. л.
Тираж 2 100 000 экз.
104 Изд. № 2428. Заказ № 1130.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской
Революции
108 типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина,
109 125265, Москва, А-47, ГСП,
111 ул. «Правды», 24.

ПРОЗА

ПОВЕСТЬ

БАСИЛИЙ
ЧИКОВ

ЭТИ НЕПОСЛУШНЫЕ СЫНОВЬЯ

I

Поезд плавно подходил к перрону. Андрей стоял в тамбуре и нетерпеливо переминался с ноги на ногу. Ему хотелось поскорее выскочить из вагона и очутиться на платформе. Но выход загораживал проводник с желтым флажком в руке. Из-за его широкой спины Андрей видел улыбающиеся лица встречающих, букеты цветов. Лица мелькали, как на экране.

Когда поезд остановился и проводник наконец сошел с подножки, Андрей торопливо зашагал к зданию вокзала. В одной руке у него был чемодан, в другой двухкопеечная монета. Он чувствовал в ладони ее маленький жесткий кружок. Войдя в широко распахнутые двери, Андрей быстро оглядел просторный зал ожидания. Взгляд его скользнул мимо газетных и книжных киосков, мимо буфета, вдоль которого стояла очередь. Он не замечал обычной вокзальной сутолоки, людей, сидящих на длинных скамейках, он искал глазами телефонную будку. Она оказалась рядом с входом и была свободна. Андрей вошел, поставил чемодан и плотно закрыл стеклянную дверь. Прежде чем опустить монету, он вытер о штаны мокрые от волнения руки и снял трубку.

Сколько раз за два года он повторял номер этого телефона! Сейчас он набирал знакомые цифры медленно, будто боялся ошибиться.

— Алло! — послышалось в трубке, и он сразу узнал голос Лены. — Слушаю.

— Здравствуй, — робко произнес Андрей.

— Андрей! — раздался удивленный возглас. — Андрюша, откуда ты?

— Здравствуй, Ленка! — радостно крикнул Андрей. — Я звоню с вокзала. Только что приехал.

Рисунки
Владимира
ЮДИНА.

— Обалдеть можно! — слышалось в ответ, и он ясно представил Ленкину улыбку и веселые серые глаза. — Почему ты не сообщил?

— Ты можешь меня встретить на остановке около твоего дома? — не отвечая на вопрос, спросил Андрей.

— Ну, конечно! Сейчас сколько? Три? В половине четвертого, договорились?

Андрей повесил трубку и вышел на площадь. Яркое апрельское солнце ударило ему в лицо. Он на мгновение зажмурился, а потом широко открыл глаза и засмеялся.

— Господь с тобой! — сказала какая-то старушка, проходя мимо. — Что это ты?

— Молись, бабуся! — весело крикнул Андрей. — Моя жизнь начинается!

Все ему сейчас казалось прекрасным. И эта старушка, и мчащиеся автомобили, и голуби, которые кружились над площадью, и деревца, на которых набухали маленькие нежные почки.

Андрей увидел мальчишек. Они бросили на асфальт свои ученические портфели и стали выгребать из карманов мелочь. Самый маленький, с рыжими веснушками на носу, держал раскрытую ладонку.

— Если по одиннадцать копеек на эскимо, — говорил он, — значит, нужно тридцать три копейки. А у нас двадцать шесть.

— Не хватает? — участливо спросил Андрей.

— Семь копеек!

— Угощаю. — Андрей вынул рубль.

— А потом заставишь что-нибудь делать? — спросил паренек в кепке.

— Угощаю просто так.

Мальчишки переглянулись и пошли за Андреем к киоску. Они осторожно разворачивали серебряную бумажку и аппетитно слизывали с эскимо шоколадную корочку.

— Ты, наверное, выиграл? — спросил самый маленький.

— Нет! — Андрей засмеялся.

— Он из армии, — сказал паренек в кепке. — Видишь, под пальто гимнастерка.

— Верно. — Андрей похлопал мальчика по плечу и посмотрел на часы. Стрелки не двигались, как будто они приросли к циферблату. И все-таки Андрей взялся за чемодан.

— Давай мы тебе чемодан до остановки донесем, — предложил совестливый паренек в кепке.

— Не нужно, спасибо, — отказался Андрей и помахал ребятам рукой.

Он ехал на троллейбусе по улицам родного города, поглядывая в окошко, рассматривая знакомые с детства дома. И вдруг обратил внимание на свою соседку, пожилую женщину. Руки ее с набухшими темными жилами недвижно лежали на коленях, бесцветные, без всякого выражения глаза, казалось, ничего не видели перед собой.

Он отвел от нее взгляд. Ее облик как-то не вязался с радостью, переполнявшей его. «Ленке позвонил, а матери даже не сообщил, что приехал».

подумал он вдруг.— Нехорошо! Надо сейчас же позвонить матери».

Вот и его остановка. Андрей взглянул на часы, висевшие на углу. Еще пять минут до условленного времени. Он отыскал глазами телефон-автомат, но в этот момент увидел Лену. Она размашисто шагала, придерживая рукой сумочку на плече.

Лена! Ее фотографию он носит два года в кармане гимнастерки! Лена, десятиклассница с двумя упругими светлыми косичками, непослушно прыгающими при каждом шаге. Но сегодня Лена совсем другая, она похожа на кинозвезду, сошедшую с обложки журнала.

Два парня, стоявшие неподалеку, толкнули друг друга в бок и оценивающе посмотрели на нее.

Андрей крикнул:

— Ленка!

Они взялись за руки. И уже нет ничего вокруг. Ни людей, ни автомобилей, стремительно мчащихся по улице, ни троллейбусов, подвезжающих к остановке. Только они двое — глаза в глаза!

— Тебя просто невозможно узнать,— вымолвил наконец Андрей,— ты похожа на артистку. У тебя даже глаза стали больше.

— Не болтай чепуху,— рассмеялась Лена.— Просит ты меня давно не видел, жил в глуши...

Андрей вынул из кармана пожелтевшую фотографию.

— Ой! — воскликнула Лена.— Смех какой. Косички! И взгляд глупенький, наивный. Спрячь это дитя,— сказала она.— И вообще, что мы здесь стоим? Пошли в Ботанический. Наша скамейка целая.

Рядом с Леной Андрей показался себе неуклюжим. Может, потому, что в руке у него был чемодан, которым он то и дело задевал проходящих, может, потому, что он еще не освоился с шумной жизнью своего города. Он не мог оторвать взгляд от Лены. Когда-то в школе Лена сидела на соседней парте справа. Он всегда видел ее профиль. Андрей хорошо знал каждую черточку ее лица, этот округлый лоб, чуть вздернутый нос, немного припухлую нижнюю губу...

И сейчас она шла справа от него, и он видел тот же милый, знакомый профиль...

В Ботаническом саду было безлюдно и тихо. Уже подсохли дорожки. На большой клумбе чернела рыхлая, по-весеннему влажная земля.

— Вот наша скамейка,— сказала Лена.

— Мы сидели на ней два года назад.

— С ума можно сойти, как давно!

Андрей взял ее руку. Рука была маленькая и мягкая. Ему вспомнилась казарма, которую он покинул всего несколько дней назад. Казарма, где пахло ружейным маслом, кирзовыми сапогами, солдатским потом. Где рано на рассвете начинали звучать резкие, как выстрелы, приказы старшины... В том четком, жестком, мужском мире он мечтал именно об этой расслабленной руке.

— Что это мы молчим? — весело сказала Лена.— Дурачок родился!

— Пусть! — не выпуская ее руки, ответил Андрей.

— До армии ты был разговорчивее!

— Робелю перед тобой! — Андрей улыбнулся.— Раньше ты была девочка, а сейчас... — Он замаялся.

Лена лукаво взглянула на Андрея и спросила:

— Кто я сейчас? Женщина?

— Я не то хотел сказать, но ты повзрослела. Ты стала какая-то другая. Я видел, как парни на тебя смотрят.

Лена рассмеялась. Ей нравилось, что Андрей ею интересуется.

— Ты должен гордиться, что на меня обращают внимание.

— Я и горжусь,— не слишком уверенно ответил Андрей.— Ты меня очень ждала?

— Конечно, да!

— Ни с кем не встречалась?

— Нет, конечно!

Лена опять рассмеялась, подумав о том, что даже самые сильные, уверенные в себе парни, когда начинают ревновать, становятся беспомощными и слабыми, как дети.

— Ну, что ты смеешься? — спросил Андрей.

— Ты приехал, вот мне и весело! — ответила Лена, подсев на минуту смех, но глаза ее смеялись.

— Я два года не расставался с тобой. Я носил всегда при себе твою фотографию. Она мой талисман.

— А ты не боишься, что я могу возгордиться?

— Нет! — Андрей улыбнулся.— Я тебя вознес так высоко, что выше этого ты сама себя вознести не сможешь.

Андрей взял ее за плечи и привлек к себе: лицо девушки было так близко, серые глаза так доверчиво смотрели на него, розовые губы были чуть открыты, и между ними поблескивали зубы. Андрей поцеловал ее по-мальчишески порывисто.

— Нашел место! — воскликнула Лена.— Вдруг кто увидит.

— Я солдат, только что из армии вернулся,— отрапортовал невидимому свидетелю Андрей.

Лена помолчала немножко и сказала:

— Все-таки глупо тогда получилось, что ты не поступил в институт. Два пропавших года. Я уже третий курс кончаю.

— Почему пропавших?! — пожал плечами Андрей.— Потрогай мускулы.— Он согнул руку в локте.

Лена дотронулась пальчиком и воскликнула:

— Вот это да-а!

— Я поступлю в институт,— сказал Андрей.

— В какой?

— В инженерно-строительный. Здорово! Ты педагог, а я инженер-строитель. Пара!

Андрей вдруг подхватил Лену на руки и стал кружиться с нею на узкой дорожке.

— Андрей, перестань! — воскликнула Лена, но в голосе не было протеста, был легкий испуг, который заставлял ее крепче держаться за шею Андрея.

Андрей вдруг остановился. Ленкины глаза глядели в небо и поэтому казались голубыми, а губы были так близко...

— Ну, хватит целоваться,— отвернула голову Лена.— Тебя, наверное, мама ждет...

Андрей опустил Лену на землю и сказал:

— Мама меня сегодня не ждет. Но пора...

Взявшись за руки, они пошли к выходу.

— А чемодан?! — вдруг воскликнула Лена, когда они уже подходили к воротам.

Андрей засмеялся и побежал за чемоданом вприпрыжку, как бегают мальчишки-школьники.

2

Когда они подходили к дому, Андрею попался на глаза телефон-автомат, и снова у него заскребло на душе. Ведь нетрудно было позвонить матери, а еще лучше перед выездом послать телеграмму: «Приезжаю тогда-то».

Андрей первым вошел в полутьму коридора. Он минуту постоял молча, наслаждаясь знакомым с детства, каким-то особым запахом родного дома.

Вдруг дверь их комнаты отворилась, и вышла Полина Ивановна.

— Андрей! — воскликнула она. — Андрюшенька, милый, сыночек! Да что же это такое?! Я жду телеграмму, а он сам явился... И Леночка тут. Да заходите же скорее!!

В дверях появилась Маринка. Она бросилась к брату, обхватила его своими тоненькими ручками и поцеловала в щеку. Андрей легко поднял сестренку на руки.

— Когда я уходил в армию, ты была мне по пояс, — сказал Андрей, поставив Маринку на ноги. — А теперь вон какая вымахала...

Андрей оглядел комнату. На окне по-прежнему зеленели цветы. На комодике красовались друг против друга фарфоровая кошка и собака. В углу стояло кресло, в котором любил сидеть отец. Все было на своем месте, и однако, не так, как прежде. Что же изменилось — этого он сразу понять не мог.

— Я вам подарки привез, — сказал Андрей и раскрыл свой небольшой солдатский чемодан. Он вынул серый пуховый платок и, встряхнув его, накинул матери на плечи. И только сейчас заметил, как посела мать, а ведь когда он уезжал в армию, у нее почти не было седых волос.

— Спасибо, сынок, — сказала мать, запахнув платок на груди, и заплакала.

— Да ты что, мам? — спросил Андрей.

— От радости. Ничего, пройдет. — Мать вытерла слезы и улыбнулась.

Яркий шелковый платок Андрей подарил Лене. Она повертела платок в руках, затем сложила его угольничком и повязала. Синий платок с оранжевыми полосами еще больше оттенял ее золотистые волосы. Лена взглянула на себя в зеркало и радостно засмеялась.

— Ну, а ты, кнопка... — Андрей обнял сестренку. — Тебе я привез шапку и рукавицы из настоящей оленьей шкуры.

Андрей протянул Маринке шапку с длинными ушами и рукавицы. Северный наряд сразу изменил ее. Казалось, лицо стало скуластым, а глаза сузились. Настоящая девчонка с Камчатки.

Маринка, не снимая варежек и шапки, обняла Андрея и звонко чмокнула в щеку.

В дверь негромко постучали, и на пороге появилась соседка Ольга Григорьевна.

Андрей с детства знал Ольгу Григорьевну. И всю жизнь, как он ее помнил, она была одинаковая — ни старше, ни моложе. Она как будто застыла в одном, каком-то неопределенном возрасте. Вид у нее был строгий. Ольга Григорьевна носила роговые очки и всегда была одинаково гладко причесана. Андрей никогда не видел Ольгу Григорьевну небрежно одетой. Даже на кухню она выходила в длинном, модном халате.

— Дай-ка я на тебя посмотрю, солдат. — Ольга Григорьевна вплотную подошла к Андрею, пальцем приподняла его подбородок, в упор поглядела на него. — Хорош! Ничего не скажешь! Взрослый мужчина!

Ольга Григорьевна осмотрела подарки, одобрила их и провозгласила:

— Надо устраивать пир!

— Я уж давно готовлюсь к этому дню, — поспешно отозвалась Полина Ивановна. — Вкусная еда у меня есть, и бутылка портвейна припасена. Давай скорее, Маринка, накрывай стол.

Ольга Григорьевна села в отцовское кресло, закинула ногу на ногу и закурила.

— Ну и какие планы на будущее? — спросила она.

— Учиться пойду в инженерно-строительный.

— Инженером будет, — уверенно произнесла Полина Ивановна.

Она сама, когда была девчонкой, мечтала поступить в институт. Но ее юность пришлось на трудные послевоенные годы. Высшее образование было недоступно Полине Ивановне, так и осталось несбывшейся мечтой.

Зато сын ее непременно станет инженером, по-настоящему интеллигентным человеком. Он будет ходить на работу в хорошем костюме, в белой рубашке. И жена у него будет образованная...

Конечно, нелегко придется жить эти годы. Полина Ивановна работала медсестрой в больнице и получала всего девяносто рублей.

— Сынок, родной! — сказала мать. — Садись за стол. За тебя выпьем, за твой приезд. Радость-то какая!

— Значит, учиться в инженерно-строительный! — повторила Ольга Григорьевна. — Ну, а протекция есть?

— Что он, дурачок, зачем ему протекция? — сказала мать. — У него льготы. Он из армии.

— А что стоят его льготы, если у других — связи, — возразила Ольга Григорьевна. — У моей знакомой был специальный преподаватель, который вел ее мальчика через подводные рифы приемных экзаменов.

— Чего только не придумают! — простодушно сказала мать.

— Надо просить о помощи Алексея Петровича, — посоветовала Ольга Григорьевна. — Он доцент, уже давно работает в пищевом институте. У него, наверное, в приемной комиссии есть друзья. Вот тебе в этот институт и надо поступать.

— Пищевой институт! Это колоссально! — смеясь, сказал Андрей. — Котлеты научусь жарить.

— В пищевом деле тоже инженеры нужны. Важно зацепиться, а уже потом можно смело действовать.

— Это как же? — не понял Андрей.

— Со второго курса перейти в строительный институт. Было бы желание... — Ольга Григорьевна сделала паузу и добавила: — У Алексея Петровича, наверное, есть знакомые и в инженерно-строительном. Это надо бы выяснить, Полина.

— Ничего не надо выяснять. Я в армии подготовительные курсы окончил. Сдам экзамены... Давайте лучше выпьем за маму! — сказал Андрей и поднял рюмку.

Когда выпили, разговор опять пошел об учебе. Андрей прислушивался к этому разговору, но взгляд его постоянно обращался к матери. Как изменилась она за эти два года! Лицо серое, землистого цвета, под глазами набухли мешки, в уголках рта залегли глубокие печальные морщины.

На матери было старенькое платье, уже давно по линявшее от стирки, на воротничке видна небрежная, торопливая штопка. Маринка тоже была одета в какое-то давнее свое платьице, выгоревшее от солнца. Платьице было ей узко в плечах.

— Я не сомневаюсь, что Андрей сдаст экзамены, — говорила Лена. От выпитой рюмки щеки ее зарделись. — Андрей в школе учился хорошо, и аттестат у него вполне приличный. Если бы он тогда не заболел, то после десятого класса поступил бы в институт. И сейчас, конечно, поступит. Да если он даже семнадцать баллов наберет, все равно его зачислят.

Андрей обратил внимание, что тарелка матери пуста и к рюмке вина она не притронулась.

— Мама, а почему ты ничего не ешь? — спросил он. — Селедка вкусная.

— Мне нельзя селедку! — с улыбкой ответила мать. — Да ты за меня не беспокойся. Сам-то ешь, соскучился, небось, по домашней еде.

— Маме нельзя селедку потому, что ей операцию сделали, — сказала Маринка с детской непосредственностью. — Ей живот резали.

— Когда же это? — встревожился Андрей. — Я ничего не знаю.

— Ты, Маринка, всегда лезешь не в свои дела, — упрекнула мать дочку.

— Что же ты мне не написала, мама?

Мать помолчала. Зачем-то посмотрела на Ольгу Григорьевну, будто ища у нее поддержки, и лишь после этого ответила:

— Ну, написала бы я тебе! Мне от этого не легче, а для тебя огорчение.

«Так вот откуда идет этот противный, знобящий холодок тревоги», — подумал Андрей и вспомнил письма матери. Она как бы между прочим, между строк сообщала, что часто болеет, но всякий раз просила не волноваться. Андрей не особенно задумывался над этими словами; он полагал, что ничего серьезного у матери нет — так, какие-нибудь легкие простуды. И сейчас ему было стыдно признаться себе в этом.

— Да что мы сидим, как на похоронах? — наигранно весело воскликнула мать. — Давайте пить, веселиться, Маринка, заводи музыку.

Маринка послушно встала, включила проигрыватель и поставила пластинку. «Ча-ча-ча», — послышался бодрый голос певца.

— Потанцуйте, — попросила Полина Ивановна.

Лена поднялась из-за стола, одернула коротенькое платьице, но, взглянув на Андрея, поняла, что он далек от этого веселого ча-ча-ча.

Лена хлопнула в ладоши:

— Давай потанцуем, Маринка!

— Не умею, — огорченно ответила она.

— Вставай напротив меня и повторяй, — скомандовала Лена.

К Андрею подседа Ольга Григорьевна, легонько тронула его за рукав.

— Ты не расстраивайся, — сказала она.

— Скажите честно, операция была опасной?

В голосе Андрея звучала тревога. И у Ольги Григорьевны зашевелилась в душе зависть. Жизнь ее была уже прожита, а рядом нет человека, который вот так близко к сердцу принял бы ее судьбу. Раньше она не страдала оттого, что у нее нет детей. А теперь ей очень не хватало родного человека.

— Самое страшное позади, — сказала, вздохнув, Ольга Григорьевна. — Мама подлечится. Все будет в порядке. — Она еще раз внимательно посмотрела на Андрея. — У тебя сегодня праздник. Выбрось все грустные мысли из головы. Потанцуй с Леной.

— Я плохо танцую.

— Полина! — позвала Ольга Григорьевна. — Наш герой заскучал.

— Это я его расстроила. — Мать подошла к Андрею и погладила его мягкие, вьющиеся волосы.

— Молодым, наверное, хочется посидеть в кафе, — сказала Ольга Григорьевна, — поговорить. Ведь два года не виделись.

— И правда! — поддержала ее Полина Ивановна. — Интересно ли им тут с нами, старухами, сидеть...

— О чем ты говоришь, мама! — недовольно произнес Андрей.

— Твоя мама права! — воскликнула Лена. — Мы можем пойти в новое кафе «Медведь». Там молодежи полно, танцы...

Андрей взглянул на Лену и понял, что он не может ей отказать.

Полина Ивановна выдвинула ящик комода, достала оттуда пятерку и незаметно сунула ее Андрею в карман.

Они шли по улице, и если бы кто присмотрелся к ним, то сразу бы заметил, что настроение у них разное. Лена оживленно болтала, а Андрей молчал. Он никак не мог отделаться от ощущения беды, свалившейся на него.

— Что ты молчишь? — Лена подхватила Андрея под руку.

— Дома плохо! Ты видела, какой стала мать.

— Закон природы! — бросила Лена с прежней беззаботностью. — Мы взрослеем, родители стареют! К тому же нельзя преувеличивать. Ведь все уже позади.

«Нельзя гиперболизировать», — вспомнил Андрей слова замполита, которые тот повторял при каждом удобном случае, и улыбнулся.

— Наконец-то вижу улыбку на твоём лице. — Лена чмокнула Андрея в щеку. — А вот и кафе «Медведь».

Андрей увидел большие стеклянные двери, на которых был нарисован бурый, косолапый медведь. Казалось, он шагает навстречу посетителю.

Сколько раз за прошедшие армейские годы Андрей мечтал о первом дне после возвращения из армии! В этот день он должен быть обязательно с Леной, в кафе, где не умолкает шум голосов, где табачный дым над столиками, где гремит музыка и лихо танцуют парни и девушки.

Андрей нашел два свободных места, взял меню и только сейчас вспомнил, что денег-то у него совсем мало: восемь рублей. Он сунул руку в карман и обнаружил пятерку, которую положила мать.

«Тринадцать! Несчастливое число!» — подумал Андрей. Но все-таки смелее стал читать названия блюд.

— Бутылку сухого вина, мороженое и кофе, — сказал Андрей официанту.

— Два пирожных, — добавила Лена.

— Четыре! Гулять так гулять!

Официант понимающе кивнул и ушел. Лена вынула из сумочки пудреницу и, открыв ее, внимательно осмотрела в зеркальце свои глаза. На веках, словно тень, лежала тонким слоем голубая краска. От этого глаза казались больше, и у них было загадочное, даже какое-то колдовское выражение.

Еще раз поглядела в зеркальце и, спрятав пудреницу, воскликнула:

— Потанцуем!

Андрей поднялся из-за стола. Рука Лены расслабленно легла ему на плечо.

Оркестр играл какую-то незнакомую мелодию. Она звучала протяжно. Звуки как будто повисали в воздухе. Поначалу Андрей танцевал напряженно, боясь ошибиться и наступить Лене на ногу. Но потом он почувствовал себя уверенно, и ему стало уютно рядом с ней в этом шумном зале... Лена будет с ним и завтра, и послезавтра, и, может быть, всю жизнь... Он заглянул ей в глаза и увидел в них отражение собственной радости.

Музыка кончилась. Андрей взял Лену под руку и повел к столику. Шел он медленно, еще находясь во власти этой тягучей, томительно-дурманящей мелодии.

— Андрей! — вдруг окликнул его какой-то парень и, поднявшись из-за стола, двинулся навстречу.

— Гриша? — удивился и обрадовался Андрей.

Гришу трудно было узнать. Он повзрослел, щегольски одет, и прическа модная.

— Вернулся из армии?

— Да, сегодня!

— А я на третьем курсе института иностранных языков.

Они улыбнулись, похлопали друг друга по плечу.

— Познакомься, Лена,— сказал Андрей.— Это Гриша. Друг детства. Наши отцы воевали вместе. Сегодня дома, за столом как раз вспоминали твоего отца.— Андрей повернулся к Грише.— Он ведь в пищевом институте работает.

— Если по части устройства, мой папа — вполне реальная сила. Меня он закинул в институт запросто.

— Что мы здесь стоим,— сказал Андрей.— Пойдем к нашему столику. Отметим встречу!

Они подошли к столику. Андрей взял бутылку вина и наполнил фужеры.

— Ну что ж, старик! — Гриша поднял фужер.— За встречу! За твою ученую карьеру! Чин-чин!

Гриша выпил вино и закурил.

— А мы, понимаешь, с ребятами сидим, балдеем. Зачет сдали! — Гриша потрогал бицепсы Андрея.— Военная служба пошла на пользу.— Гриша засмеялся и посмотрел на Лену.— Мои приятели за столом на твою девушку глаза пялят. Я им сказал, от такого амбала можно схлопотать. А потом смотрю: это ты.

— Правильно рассудили! — Андрей довольно усмехнулся.

— Ну, а я могу пригласить твою девушку? — спросил Гриша.

— Если она не против.

— Разрешите! — сказал Гриша. Он взял Лену логонько за локоть и подтолкнул вперед. Он шел между столиками небрежной, уверенной походкой.

Андрей посмотрел вслед. В глаза почему-то бросился аккуратно постриженный затылок Гриши и блестящие задники ботинок.

— Вы хорошо танцуете! — заметил Гриша.

— Училась год в хореографическом! — ответила Лена и взглянула на Гришу. Только сейчас она заметила, что волосы у него черные, а глаза синие-синие. Это выглядело необычно и красиво. Гриша перехватил ее взгляд.

— Давно вы знакомы с Андреем?

— С седьмого класса.

— Школьный роман! — Гриша улыбнулся.— А сейчас вы студентка, я правильно понял?

— На третьем курсе педагогического.

— Смотрю на вас и восхищаюсь. Два года ждали Андрея. Очень благородно! Именно таких женщин и воспевал Некрасов!

— Высокопарным словам обычно не верят!

— Я говорю искренне и завидую Андрею белой завистью. В наше время так мало девушек, которые умеют ждать. Помните: «Жди меня, и я вернусь, только очень жди...» А вы поэзию любите?

— Люблю Фета.

— Оригинально! Все молодые люди любят Евтушенко, а вы Фета!

— Я люблю его не потому, что это оригинально. Фет открывает мне такой мир, такие ощущения, которых я сама не поняла бы и не увидела.

— Недурственное суждение. Я недавно прочитал в предисловии к стихам Генриха Гейне, что поэзия дарует нам то, в чем отказала природа: золотое время, недоступное ржавчине, весну, которая не увядает, безоблачное счастье и вечную молодость. Не правда ли, здорово?

— Здорово! — в тон Грише поддакнула Лена.

— А у меня есть томик Фета, дореволюционное издание! — Гриша взглянул на Лену.

— Вы серьезно? — радостно воскликнула Лена, представив вдруг старенькую, потертую книжечку стихов любимого поэта.

— Вполне!

Опять Лена встретила взглядом с его синими глазами.

— А если я попрошу, вы дадите его мне? Ну, хотя бы на один вечер?

— Даже на два,— с готовностью ответил Гриша,— но как я вас разыщу?

— Мой телефон — два сорок восемь двенадцать.

— Ол райт! Не сомневайтесь, запомню.

Закончив танец, Гриша взял Лену под руку и повел к столику, за которым сидел Андрей. Когда он проходил мимо своих друзей, те одобрителем похлопали ему.

— Спасибо! — сказал Гриша Андрею и присел рядом с Леной.— Очень хорошо танцует твоя девушка.

Андрей взглянул на Лену, и у него вдруг вспыхнула маленькая, едва заметная искра ревности. Он тут же погасил ее и в душе посмеялся сам над собой.

— Так, значит, старик, будем науку двигать? — весело говорил Гриша.— В какой институт нацелился?

— В инженерно-строительный! Но сегодня первый день, как я вернулся из армии. Не хочу говорить ни о каком институте. У нас с Леной праздник.

— Bravo,— одобрил Гриша.— Я рад за тебя, старик, и завидую тебе хорошей, белой завистью.

Гриша еле заметно подмигнул Лене и ушел за свой столик.

Больше они ни с кем не общались в этот вечер, хотя сидели в кафе до самого закрытия. Они видели только друг друга. Когда стали гасить свет, они ушли и долго бродили по прохладным весенним улицам, стояли на высоком берегу реки и смотрели на ночной город. Потом сидели на укромной скамейке в парке. Светало, когда Андрей проводил Лену домой.

Еще не шли троллейбусы и трамваи. Пустынный город был едва освещен лучами поднимающегося солнца.

Андрей шел по улице, держа в руках зеленую веточку. Иногда он весело взмахивал ею, разрубая воздух будто шашкой, и этим жестом подтверждал свое счастливое состояние. А в ушах звучало: «Любит! Любит! Любит!»

4

В день, когда должна была состояться встреча с Алексеем Петровичем, мать встала рано. Она вынула из шкафа черный отцовский костюм и тихонько, чтобы не разбудить детей, вышла на кухню. Она почистила костюм, погладила. Вспомнила те дни, когда был жив муж и когда она вот так же, как сегодня, тщательно гладила ему брюки.

Надев пиджак, Андрей удивился. Отлично сидит. А ведь ему всегда казалось, что отец выше ростом и шире в плечах. Он поворачивался перед зеркалом, а мать стояла и любовалась сыном. Ее не покидало чувство гордости. «Мой сын!» Мать вдруг сделала для себя открытие: она вышла замуж за Петра, когда ему было столько лет, сколько сейчас Андрею. Как странно, сын кажется ей в двадцать лет мальчиком. А его отец в эти же двадцать лет был совершенно взрослым человеком.

Полина Ивановна познакомилась с Петром в больнице, где и сейчас работала медсестрой. В то время это был госпиталь для раненых фронтовиков.

«Ты моя сестричка», — ласково говорил Петр, глядя на нее провалившимися от худобы глазами.

У Петра было пробито легкое, и врачам казалось, что дело его безнадежно. «Ну, полегит в госпитале, ну, протянет немножко после госпиталя. А в общем, не жилец на этом свете...» Они, конечно, не говорили об этом Петру. Но тот все читал по их лицам и понимал, что приговорен.

Может, Полина Ивановна из жалости и полюбила его тогда. Она помнит, как он взял ее первый раз за руку. У него была рука холодная, худая, но ласковая. Его большие ясные глаза заглядывали в самую душу.

— Врачи, должно быть, говорят между собой, что я скоро умру. Не скрывай от меня, сестричка! — сказал он ей.

— Нет, нет, все будет хорошо, ты непременно поправишься, — ответила она.

— Вот и правильно, сестричка. Я в это верю. И увидишь, я буду жить.

Петр выжил. Его выписали из госпиталя. Он стоял в вестибюле, одетый в свою солдатскую шинель. За плечами вещмешок. Он не знал, куда ему идти: деревню в Белоруссии сожгли, родных угнали в Германию.

Вот тогда-то она подошла к нему и сказала:

— Пойдем ко мне.

Она привела его домой, познакомила с матерью.

— Кто это? — спросила мать, выйдя с дочерью на кухню.

— Мой жених!

— С ума сошла. Не видишь, на кого он похож? В чем только душа держится!

Петр не слышал этого разговора. Он сидел за столом, с наслаждением вдыхал уютный запах домашнего жилья, от которого давно отвык. И была на его лице непривычная, трудная улыбка.

Когда Полина вошла в комнату, он взял ее за руку и поцеловал. Эта ночь была для него первой домашней ночью после фронта. Утром он пошел в милицию — за паспортом. Милиционер посмотрел на него, почитал выписку из госпиталя и, когда Петр вышел в коридор, крикнул секретарю:

— Выпиши ему бессрочный паспорт.

— Он же молодой! Ему всего двадцать лет.

— Да ты взгляни на него: инвалид, он долго не протянет, — сказал милиционер, и Петр слышал его слова.

Может быть, раньше, до встречи с Полиной, они бы его и не возмутили. Он бы отнесся к ним безразлично, но сейчас, когда родилась надежда, слова милиционера больно задела его. Петр вернулся в комнату, поглядел на милиционера своими провалившимися глазами и сказал:

— Это еще неизвестно, кто из нас дольше протянет.

— Извини, — смущенно сказал милиционер и даже привстал со своего места.

Отец прожил после войны восемнадцать лет. Разве он мечтал об этом в сорок пятом?.. «Это я ради тебя живу, моя любимая сестричка», — часто говорил он жене.

Теперь Полина Ивановна шла с Андреем по той самой улице, по которой много лет назад вела в свой дом его отца. Полина Ивановна с гордостью поглядывала на сына.

В отличие от матери Андрей не вспоминал о прошлом. Да и зачем? Прошлое было коротким. Пожалуй, его еще, в сущности, не было. Но и о будущем не хотелось думать, хотя оно казалось ему таким ясным, когда он ехал домой. Он мечтал встретить Ленку — он ее встретил. Он мечтал поступить в строительный институт. Это тоже возможно.

Но за короткое время пребывания дома в нем что-то пошатнулось, и твердо намеченные линии

будущего вдруг расплылись. И вроде бы ничего особенного не произошло. Просто он увидел свой дом, мать, сестренку. Увидел все как есть на самом деле.

Полина Ивановна взяла Андрея под руку и сказала:

— Ты, Андрюша, будь полюбезнее с Алексеем Петровичем. От него сейчас твоя судьба зависит.

— Перестань, мама! — рассердился Андрей. — Почему от него моя судьба зависит? Я и сам могу поступить в институт.

— Знаю, знаю! Ты все можешь. Но это друг твоего отца. Он хочет тебе помочь. Почему же мы должны от помощи отказываться?

Полина Ивановна кривила душой, говоря о том, что Алексей Петрович хочет им помочь. По правде говоря, она даже не представляла себе, как он их встретит. Они не виделись больше года. Прежде, когда он с семьей жил неподалеку, мать бывала вместе с Петром у них в гостях. После того, как они переехали на новую квартиру, она ни разу к ним не ходила. Алексей Петрович приглашал Полину Ивановну на новоселье, но она отказалась, сославшись на болезнь. На самом деле у нее не было денег на подарок. А без подарка ей показалось неудобным идти в новую квартиру.

Теперь она жалела об этом. «Нашла бы тогда где-нибудь десятку! Сходила бы на новоселье! А то являюсь только, когда нужда заставит».

Вчера Полина Ивановна набралась храбрости и позвонила Алексею Петровичу. «Приходи», — сказал Алексей Петрович, но мать не услышала в его голосе особой радости.

Дом, в котором жил Алексей Петрович Панин, был новый, многоэтажный, совсем непохожий на тот, в котором жили Ермаковы. Полина Ивановна даже немножко оробела, войдя в подъезд. Андрей вызвал лифт, и они поднялись на седьмой этаж.

Дверь открыл Алексей Петрович. Он был одет по-домашнему: теплый вязаный джемпер, спортивные брюки.

— Проходите, — с улыбкой сказал Алексей Петрович и, пропустив вперед Полину Ивановну, похлопал Андрея по плечу. — Вернулся, солдат!

— Да вот, как видите!

— Подрост!

— Немножко, — улыбнулся Андрей.

— А я один дома, — вроде оправдываясь, сказал Алексей Петрович. — Гриша в институте, Лиза на работе. А у меня лекция с двух. Если хотите чаю, сейчас согрею.

— Ты не беспокойся, — сказала Полина Ивановна. — Чаю нам не надо. И времени мы у тебя много не займем.

— Ты на новоселье-то у нас не была? — сказал Алексей Петрович. — Получили мы квартиру из трех комнат.

Алексей Петрович открыл дверь небольшой комнаты.

— Это комната Гриши.

В углу стояла тахта. У окна — небольшой письменный стол, заваленный книжками и бумагами. Под столом валялись гантели. На книжных полках к книгам прислонены фотографии знаменитых кинозвезд...

У Андрея никогда не было с своей комнаты. И он подумал: «Должно быть, это очень здорово — иметь свою комнату. Как положил вещи, так они и лежат». Андрей заметил маленькие игрушечные автомобильчики, которые стояли на книжных полках. Он взял один из них — макетик «Форда» 1905 года.

— Гриша в свои двадцать лет не может расстаться с этими автомобильчиками. Увлечения детства! А

сейчас он влюблен в поэзию и музыку.— Алексей Петрович приоткрыл дверцу книжного шкафа, и Андрей увидел десятки магнитофонных кассет.— Был бы он дома, он бы вас заставил слушать. У него самая, как он говорит, современная музыка.

Алексей Петрович пригласил гостей взглянуть на спальню. Минутку посмотрели и двинулись дальше в комнату хозяина.

Алексей Петрович посадил гостей в кресла и сам сел за письменный стол.

— Да-а! — протянул Алексей Петрович. — Давно ли это было? Лежим мы с Петром в госпитале. И девочка худенькая, глазастая — медсестра Поля — градусники нам ставит, лекарства подает. Я другой раз думаю: как же быстро жизнь проходит! Петра нет в живых, а я уже старик: мне пятьдесят два.

Полина Ивановна вдруг заплакала. Она вынула платок и закрыла лицо.

— Прости, Поля! — Алексей Петрович потянулся за сигаретой. — Прости! — еще раз повторил он.

— Петр посмотрел бы сейчас на сына, радость-то какая, — сказала Полина Ивановна сквозь слезы.

Алексей Петрович прикурил сигарету от зажигалки, глубоко вдохнул в себя табачный дым и тут же резко выдохнул его.

— Что же теперь плакать! Перестань! Петра не воскресишь. Ты лучше скажи, как твоё здоровье?

— Сносно, — сказала мать. — Только не об этом сейчас моя забота. Вот Андрей у меня...

— Что Андрей! В армии отслужил — это хорошо. В армии люди закаляются.

— Хорошо-то оно хорошо, — согласилась мать. — Но твой-то парень третий курс кончает, а мой не начинал!

— Годом раньше, годом позже! — сказал Алексей Петрович. — Разве это главное в жизни? Важно выбрать для себя правильную дорогу.

— Вот и я о том же говорю, — кивнула мать. — В институт поступит, и тогда уж дорога определена будет.

— В какой институт хочешь? — спросил Алексей Петрович.

— В инженерно-строительный.

— Неплохо.

— У тебя, Алексей Петрович, наверное, есть знакомые в этом институте, — сказала мать. — Ты уж помоги. Ведь ему, кроме тебя, не на кого опереться. Был бы жив отец...

Андрею стало неловко от этого просительного тона матери. Он почувствовал себя маленьким, жалким и ни на что не способным. Неужели вся его жизнь зависит от того, скажет этот дядя «да» или «нет»? Андрей сжал руку матери.

Алексей Петрович заметил это и обрадовался. Когда ему позвонила Полина Ивановна и сказала, что вернулся Андрей из армии и они хотят зайти, Алексей Петрович понял причину их предстоящего визита. Выслушивать просьбы знакомых и родственников ему приходилось не раз.

И хотя он к этому привык, предстоящая встреча с Андреем волновала его. Андрей был сыном его фронтового товарища, с которым они воевали в одном окопе и были ранены в одном бою. Алексей Петрович боялся, что придет молодой человек, внешне похожий на его друга, и будет просить бесцеремонно, чтобы он помог ему устроиться в институт. Конечно, Алексей Петрович обязан похлопотать за Андрея. Но Андрей сам за себя просить не должен. Никогда бы не сделал этого Петр. Когда Алексей Петрович заметил, как Андрей сжал руку матери, он понял: Андрей кое-что унаследовал от отца.

— Ты думаешь, легко помочь? — сказал Алексей Петрович. — В этом году в институтах усилен контроль, созданы комсомольские бригады. Они закроют доступ родителям к профессорам и преподавателям. Даже звонить по телефону в институт будет нельзя.

Полина Ивановна насторожилась. Ей показалось, что Алексей Петрович хочет уклониться от помощи ее сыну. Эта мысль обожгла ее обидой.

— Своего-то сына ты легонько в институт устроишь, а за сына своего друга...

— Мама! — воскликнул Андрей и опять взял ее за руку.

— А за такого, как Андрей, не стыдно похлопотать, — продолжала Полина Ивановна, выдернув руку из руки сына. — У него аттестат хороший, он подготовительные курсы окончил, и льготы есть — он из армии...

— Ты успокойся, Полина, успокойся, — прервал ее Алексей Петрович, которого задело за живое упоминание о Грише. Действительно, он помог ему поступить в институт. Сделал это по настоянию жены. А теперь все чаще жалел об этом. Но если бы он сейчас попытался рассказать Полине Ивановне, почему он сожалеет о своей помощи родному сыну, то она не поняла бы его. — Ты не слушаешь до конца, а лезешь в драку, — недовольно продолжал Алексей Петрович. — Я помогу Андрею. Есть у меня знакомые в этом институте. — Алексей Петрович ткнул сигарету в пепельницу. Он посмотрел на Полину Ивановну, на Андрея. Встал из-за стола. — Ты, Андрей, напиши заявление. Когда начнет работать приемная комиссия, найдешь члена комиссии товарища Гаева и вручишь ему заявление. Скажешь, от меня. — Алексей Петрович пожал Андрею руку.

Прощаясь, Полина Ивановна как-то очень мягко, по-родственному сказала:

— Спасибо тебе, Алеша!

— Спасибо вам, — пробормотал смущенно Андрей.

Мать и сын вышли из подъезда и долго шли молча. Мать радовалась. А Андрей не мог забыть изумительный взгляд Алексея Петровича и униженно-просительный тон матери. Ему было стыдно и досадно. — Был бы жив отец, — сказала мать, — порадовался бы за тебя.

— Чему тут радоваться? — буркнул Андрей.

— Он так хотел, чтобы ты учился в институте. Теперь ты точно поступишь. Алексей Петрович — солидный и влиятельный человек, слов на ветер не бросает.

Мать хорошо знала, что отец был для Андрея высшим судьей. Так уж повелось с детства. Отец никогда не навязывал сыну своего мнения. Они обычно разговаривали на равных. Мальчик приходил из школы, рассказывал о своих делах и заботах, а отец слушал, иногда что-нибудь советовал по-дружески. Андрей привык проверять себя «по отцу». И даже, когда его не стало и когда Андрей был далеко от дома, он все равно свои поступки соизмерял с тем, как бы сделал отец.

«Будь на моем месте отец, не пошел бы он к Алексею Петровичу с подобной просьбой. А я не отказался, поплелся, как жалкий мамин сынчек... «Найдешь товарища Гаева и вручишь ему заявление».

Во всем этом было что-то донельзя стыдное.

«Сопляк, — подумал о себе Андрей. — Разве взрослого мужчину мамы водят за ручку к дядям-доцентам! Разве взрослого мужчину пристраивают к учебе, как недоросля! Сопляк», — опять повторил Андрей.

Это слово вдруг пристало к нему, он старался думать о чем-то другом, а оно продолжало вертеться в голове.

— Ты вроде недоволен? — спросила мать, взглянув на Андрея.

— Ты из-за меня унижалась да еще и меня заставляла, — мрачно сказал Андрей.

— Что ты говоришь? Он друг отца.

— Я и без него могу поступить в институт.

— Андрюша, милый! — мать остановилась. — Ты слышал, что Ольга Григорьевна говорила. Все лезут в институт. Без протекции не поступишь, будь ты хоть семи пядей во лбу. Дай ему бог здоровья, если поможет.

Андрей взглянул на мать и увидел ее усталые глаза и седые волосы. И опять, уже в который раз, вспомнил о ее болезни.

Андрей улыбнулся.

— Мама, зря ты волнуешься за меня. Поступлю я...

Оптимизм сына вдруг вызвал у матери тревогу. Ей хотелось сейчас сказать какие-то очень важные слова о жизни, о том, как трудно достичь желанной цели, что никогда нельзя пренебрегать поддержкой друзей. Но эти важные слова не приходили на ум.

— Я знаю, что ты все можешь! — сказала Полина Ивановна, когда они пришли домой. — Знаю... Но обещай, что отдашь заявление Гаеву, как тебе велел Алексей Петрович.

Мать говорила взволнованно. На ее бледных щеках проступил болезненный румянец.

— Хорошо, мама! — успокоил ее Андрей. — Только ты не волнуйся. Отдам заявление Гаеву! Буду готовиться к экзаменам. Впереди два месяца. Только не волнуйся! — Андрей усадил мать на диван. — Полежи, отдохни. А я пойду. Договорился с Леной в пять встретиться.

Мать тяжело поднялась с дивана.

— Дежурю я сегодня. Ужин вам с Маринкой на плите оставляю. — Мать накинула халат и пошла на кухню.

Андрей быстро достал из шкафа белую рубашку и стал повязывать галстук. Все его мысли были уже там, у остановки троллейбуса, куда должна прийти Лена.

Андрей слегка закатал рукава рубашки, взял пиджак и вышел в коридор. Из кухни слышался голос матери. Поначалу Андрей не уловил смысла ее слов, но его поразил тон голоса: опять просительный и униженный. Андрей прислушался.

— Ты меня извини, Ольга Григорьевна, я тебе белье постираю завтра.

— Тебе сейчас некогда, я сама...

— Нет, нет! — резко возразила мать. — Пусть все будет, как договорились — пять рублей за стирку.

— Тебе нельзя физически работать! После такой тяжелой операции в санаторий надо ехать. Если ты этого не сделаешь, все может плохо кончиться.

— Другая у меня забота — Андрей.

— Грудной младенец! — с усмешкой сказала Ольга Григорьевна. — Он будет в институт с портфельчиком ходить, а ты, больная женщина, должна на стирке белье зарабатывать, по ночам в больнице дежурить.

— Я все выдюжу, лишь бы он учился!

Андрею захотелось пойти на кухню, вмешаться, прекратить этот разговор. Но какая-то сила удержала его на месте.

— Мне неловко просить деньги. Я должна тебе двести рублей. — Полина Ивановна перевела дыхание. — Но, может, ты мне еще одолжишь тридцатку?

— Ты удивительный человек, Полина. Ты, наверное, думаешь, я банк или ссудная касса. Пенсия у меня шестьдесят рублей, и на машинке печатаю. Много ли я зарабатываю?

— Не у кого мне больше попросить! — продолжала мать. — А у меня до получки три рубля. Сама знаешь, сколько сейчас расходов!

— Когда ты лежала в больнице, я ничего не жалела для тебя. Но ведь без конца я не могу... Денег у меня нет, да и у тебя тоже. Чем ты отдавать будешь?

Мать ответила не сразу. Может, она подсчитывала что-то в уме, искала какой-нибудь выход из положения. На кухне стало тихо. Андрей боялся пошевелиться. Он испытывал чувство невыразимого стыда. Но не потому, что он стал свидетелем этого разговора. Как же случилось, что он, родной сын, ничего не знает о своей матери, он будто гость в своем собственном доме! «Что подумал бы отец? Наверное, он с презрением отвернулся бы от меня».

— Я достану деньги, — наконец сказала мать. — Я в коммиссионку зимнее пальто отнесу. Зима-то кончилась.

— Ох, Полина, Полина, — со вздохом сказала Ольга Григорьевна. — Не нравится мне все это. Дам я тебе тридцать рублей. Но в последний раз...

Ольга Григорьевна пошла за деньгами. Андрей вернулся в комнату, бросил пиджак на стул, сорвал с шеи галстук и сел на диван.

«Войдет мать — и я ей все скажу».

«Что ты ей скажешь? — спросил он сам себя. — Скажу, что нельзя унижаться».

«Оттого, что ты скажешь, у нее денег не прибавится».

Андрей взглянул на фотографию отца, висевшую на стене в черной рамочке, как бы ища у него поддержку, затем удрученно уставился в пол. Так он и сидел до тех пор, пока не вошла мать. На ее лице была улыбка. В руке три красненькие бумажки. Увидев Андрея, она спрятала деньги в карман.

— Ты еще не ушел? — удивилась Полина Ивановна.

Андрей поднял голову, взглянул на нее, и Полина Ивановна все поняла. Она молча присела к столу.

— Почему ты от меня все скрываешь, мама?

Полина Ивановна заплакала.

— Чем же я виновата? — сквозь слезы сказала она. — Умер отец, и вся жизнь пошла насамарку. Я заболела, в долги залезла. Но ты об этом не думай. Твое дело учиться.

— Я знаю, мама! Отец очень любил тебя. Он говорил, что ты вернула его к жизни, что дом на тебе держится. Отец был тяжело ранен. Но я-то здоровый парень. Что ты печешься обо мне, как о маленьком? Что ты, двужильная, что ли? Я буду в институт с портфельчиком ходить, а ты на стирке белье подрабатывать, по ночам в больнице дежурить?! — невольно повторил он слова Ольги Григорьевны.

Полина Ивановна напряженно смотрела на сына, и тревога сжимала обручем сердце.

Андрей говорил, и, как это часто бывает, собственные слова звучали все более убедительно для него самого. И если несколько минут назад, услышав разговор матери с соседкой, он испытывал стыд и досаду, то теперь у него стало вырисовываться решение.

— Я должен помочь тебе, мама!

— Поступишь в институт! Может, где подработать сможешь. Вот и хватит нам.

— Тебе сейчас не такая помощь нужна.

— Ты что-то задумал? — с беспокойством спросила Полина Ивановна.

— Послушай, мама, почему я должен поступать учиться непременно в этом году? — рассуждал вслух Андрей. — Поработаю годик, а потом поступлю в вуз.

— Андрюша, милый! Не убивай меня, — взмолилась мать. — Я всю жизнь мечтала, что ты получишь высшее образование. И теперь...

— Не делай из этого трагедию, мама!

— Если сейчас не поступишь, потом учиться не захочешь. Я-то поглядела на жизнь, знаю. Женишься, дети пойдут, и закроется дорога в институт. Вспомни Лешку Потапова: был парень как парень, а устроился на завод, дружки завелись. Теперь ему на учебу наплевать. Каждый день выпить norовит.

— Все от человека зависит, мама, — попытался возразить Андрей.

— Если ты не поступишь в институт, я себя проклинаю буду. Значит, я не смогла создать тебе условия.

Опять завертелось это противное слово «сплпак», и он возмущился.

— Ну, а почему ты должна создавать мне условия? — закричал Андрей. — Я не грудной младенец! Ты всю жизнь тянешь ляжку, тянешь!..

— Андрюшенька! — ласково попросила мать. — Ты обо мне не беспокойся...

— Поеду на стройку и там деньги заработаю.

— Нет! Нет! Ни за что, никогда я на это не соглашусь! Не пущу!

Полина Ивановна решительно встала со стула, как будто хотела загородить дорогу сыну.

— Прежде чем в институт поступать, надо в жизни оглядеться. Это тоже немаловажное дело, — сказал Андрей. — А то вдруг поступлю в инженерно-строительный, а мне разонравится. Лучше годик поработаю где-нибудь на стройке, оглянусь, выберу окончательно свою профессию.

— Кого ты обмануть хочешь? Мать родную! За деньгами на стройку поедешь! Деньги! Деньги! Да разве в них счастье? Будь они прокляты!

Мать зарыдала, закрыв лицо руками. Андрей растерянно глядел на нее. Потом схватил стакан и бросился на кухню за водой, но в дверях столкнулся с Леной.

— Ты забыл? Я ждала... — Увидев плачущую мать, Лена оборвала речь на полуслове. — Что случилось?

— Нервный разговор о жизни.

Полина Ивановна перестала плакать.

— Вовремя пришла, может, ты лучше меня разберешься в наших делах, — сказала Полина Ивановна. — Ты объясни ему, объясни, Леночка! Если помогают устроиться в институт, то от этого грех отказываться.

— Какой может быть разговор! — воскликнула Лена.

— Он, видите ли, дармоедом себя почувствовал. Бойтся на моем иждивении оказаться. Да что же это такое! — Полина Ивановна снова запричитала. — Кто я тебе? Мать родная!

— Именно мать, но я не хочу быть недорослем. Я должен помочь семье.

— На дежурство надо идти, а у меня руки дрожат. Света божьего не вижу...

Полина Ивановна встала из-за стола. Она хватала какие-то вещи и тут же бросала их, долго искала сумочку, которая лежала на комоде. Когда, наконец, нашла, зачем-то открыла ее и снова закрыла. Не глядя на Андрея, не сказав больше ни слова, Полина Ивановна ушла, хлопнув дверью.

— Ты можешь объяснить, что произошло? — спросила Лена.

Андрей закурил. С сигаретой в руке он ходил из угла в угол.

— Мама перенесла тяжелую операцию. Ей нужно срочно ехать в санаторий. Денег нет. Она должна соседке двести тридцать рублей.

— В чем твоя вина?

— А в это же самое время, — голос Андрея зазвучал насмешливо, — друг отца хочет устроить меня по блату в институт, как недоросля, как сопляка, как маменин сыночка.

— Успокойся! — сказала Лена. — Не ты первый и не ты последний, кому помогают. Никто от этого еще не умер. Что тут позорного?

— Хожу я в институт по утрам, у матери полтинники выпрашиваю, — в голосе Андрея звучала издевка, — а мать бежит по соседям, займы кланчит. Ей не дают. А я требую. «Мама, может, ты займешь полсотни у Ольги Григорьевны? Ах, она отказала. Тогда попроси у Алексея Петровича. Он друг отца! Ну, что же делать, мама, мне нужны новые брюки!»

— Не юродствуй! — спокойно продолжала Лена. — Не один ты в таком положении. Многие ребята учатся и подрабатывают. В новых домах полы кладут, двери дерматином обивают.

— Да ты пойми! — Андрей остановился перед Леной. — Я должен регулярно помогать матери. Мне не грошовая зарплата нужна.

— Тысячи!

— Мне нужны двести пятьдесят в месяц.

— Инженеры столько не получают.

— А рабочие на больших сибирских стройках получают. Сотни мне на жизнь хватит. Сто пятьдесят я бы посылал матери. За год тысяча восемьсот рублей.

Андрей победно посмотрел на Лену, будто он уже заработал эти деньги.

— Рублики подсчитываешь, — ехидно сказала Лена. — Оказывается, главное в твоей жизни — деньги. Я-то думала, что ты выше этого.

— Всю жизнь стоял выше. «В деньгах ли счастье?» «Презренный металл — деньги!» «Стоит ли говорить о деньгах!» — Андрей с силой ткнул сигарету в пепельницу и закричал, видимо, не в силах себя сдерживать: — А мне сейчас нужны деньги, чтобы помочь матери и выглядеть человеком в своих собственных глазах! Да, представь себе. Андрей Ермаков делает неожиданное открытие — ему нужны деньги, чтобы иметь право уважать себя.

— Гордо звучит, и только...

— Что ты в этом понимаешь? Твой отец, слава богу, жив. «Мам, дай рубль на кино! Мам, у нас в институте вечер — собирают по три рубля!» А ты слышала когда-нибудь, чтобы твоя мать унижалась перед соседкой ради тридцатки? А я слышал. Только что. Но больше слышать этого не желаю!

Андрей снова закурил. Чем больше он доказывал Лене свою правоту, тем больше сам убеждался в ней.

— Сейчас как-нибудь переберетесь, а когда кончишь институт...

— ...у меня заведутся деньги. А мать будет уже в гробу...

— Не говори глупости.

— Для тебя это глупости, а для меня... — резко бросил Андрей.

Лена впервые видела Андрея таким. Это был не тот мальчик, который учился с нею в школе и влюбленно внимал каждому ее слову. Перед ней стоял взрослый человек. Ее радовало это и в то же время пугало. Она не знала, как вести себя с этим, другим Андреем.

Лена подошла к Андрею, положила ему руки на грудь и мягко сказала:

— А обо мне ты забыл! Забыл, что я два года ждала, письма писала... Теперь ты приехал! — и снова... Я, по-твоему, опять должна письма писать, по вечерам одна дома сидеть и твоих ответов дожидаться?

— Лена, милая! — Андрей взял ее за руки. — Я уеду только на один год. Это не очень далеко от нашего города. В каникулы ты ко мне приедешь. Сутки езды на поезде всего. Слышала, на Енгире ГЭС строят? Когда мы демобилизовывались, оттуда уполномоченный приезжал — звал работать.

Лена освободила свои руки и сказала:

— Год! Смеешься?

— Всего двенадцать месяцев, — улыбнулся Андрей.

— В каждом месяце тридцать дней.

— В каждых сутках двадцать четыре часа! — подхватил Андрей.

— Ты еще и издеваешься! — возмутилась Лена. — Теперь я понимаю, чего стоит твоя любовь!

— Леночка! Зачем ты так!

— Мои слова для тебя ничего не значат. Горю о стенку! А я-то, дура, ждала, думала, верила, что я для тебя самое главное в жизни.

— Так оно и есть.

— Понадобились деньги, и меня побоку. Спасибо! — Лена резко повернулась и вышла из комнаты.

Андрей бросился вслед за ней. В коридоре он схватил ее за руку, но Лена вырвалась и выбежала за дверь.

Андрей мог бы догнать ее на улице. Но он так и остался стоять в полутемном коридоре. «Ну, догоню и что ей скажу? Леночка, дорогая, если ты против, я не поеду на стройку! Ну, как-нибудь переберется больная мама! Ну, как-нибудь выйдем из денежного тупика...»

Он не мог сказать ей такие слова.

5

Андрей лежал на верхней полке вагона и смотрел в окно, за которым проносились незнакомая земля — по-весеннему яркие поля сменялись бесконечно длинной темно-зеленой полосой леса. Иногда на пути попадались деревеньки. Домики с цветными наличниками и карнизами казались нарисованными. Однако эти красивые пейзажи не радовали Андрея, не вызвали у него любопытства, которое обычно отвлекает от тягостных мыслей. Вся эта бегущая мимо панорама щедрой природы была по ту сторону стекла, а Андрей со своими тревожными мыслями — по эту. Он не мог отрешиться от состояния мучительной раздвоенности. Поезд мчался на восток, на строительство гидроэлектростанции, а мысли возвращались туда, домой, к близким ему людям.

Колеса отстукивали все новые и новые километры. Каждую минуту расстояние между бегущим вперед поездом и его родным городом увеличивалось. Можно, конечно, взять чемодан и выйти на ближайшей станции. Можно сесть в другой поезд и вернуться домой. Сколько раз уже сжималось сердце от этой

мысли, сколько раз, закрыв глаза, он вспоминал мать, сестренку и Лену! Самые дорогие ему люди. Он бежал от них, едет на стройку, где нет ни одного знакомого человека. Может быть, это мальчишество? Может быть, лучше выйти из поезда и вернуться домой?

И уехал из дома не как взрослый, хорошо продумавший свой поступок человек. Мать была на дежурстве. Маринка в школе. Андрей собрал вещи, уложил их в свой солдатский чемодан и написал записку: «Мама, я уехал на строительство гидроэлектростанции. Устроюсь на работу, сообщу адрес. Пожалуйста, не волнуйся за меня и не переживай. Я буду учиться в институте обязательно, только не сейчас, а через год. Целую».

Андрей представил, как мать пришла с работы, сняла плащ в коридоре, отправилась на кухню. Наверное, поставила на газовую плиту кастрюлю с супом и только после этого вошла в комнату.

Сначала мать переоделась. Завязала узлом тоненький пояс на халате, взглянула на стол и увидела записку. Может быть, поначалу она не придавала значения этой записке, прижатой круглой пепельницей из зеленого стекла. Подумала, что в записке простые слова: «Мама, я ушел в кино...» Присела на диван отдохнуть.

Но какое-то волнение вдруг охватило ее. Она вытащила из-под пепельницы записку и стала читать... Потом долго сидела, опустив руки, и смотрела в пустоту.

Как хотелось на ходу, сейчас же выскочить из вагона, вернуться домой и обнять мать. Успокоить ее. «Чем ты ее успокоишь? — тут же спросил себя Андрей. — Словами успокоишь. До завтрашнего утра. А дальше что? «Мама, дай пяточок на автобус...»

Андрей вышел в коридор и прижался лбом к оконному стеклу.

А колеса поезда стучат, и эхо вторит этому железному стуку. Все ближе конец пути.

6

От железнодорожной станции до стройки ходил автобус. Андрей ехал в нем, поглядывая на часы. Он боялся, что приедет на стройку слишком поздно, когда уже кончится рабочий день. Он не сможет никого застать, и придется ему ночевать под открытым небом.

В начале седьмого автобус остановился около управления строительством, и, к радости своей, Андрей обнаружил, что все еще находится на своих местах. Он быстро нашел дверь начальника отдела кадров и остановился около нее в нерешительности. За дверью слышался громкий разговор.

Андрей поставил чемодан, сел на него и закурил. Сейчас он уже не испытывал каких-либо сомнений, они были позади. Он отрезан от дома тысячами километров пути. Пока что для него было тайной, как сложится его судьба. Хотя Андрей не сомневался, что на стройке нужны рабочие и его с радостью встретит начальник отдела кадров. Ему дадут подъемные и аванс. Из этих денег он уже сможет послать кое-что матери.

— Ты кого ждешь? — спросил пожилой человек, выйдя из кабинета.

— Начальника.

— Заходи!

Пожилый человек пропустил Андрея вперед и вернулся в кабинет. За письменным столом у окна сидел начальник отдела кадров. Лицо у него было усталое,

под глазами тяжелые, темные мешки. Поперек лысой головы старательно зачесана прядь волос.

— Из армии? — спросил начальник и вяло взглянул на Андрея.

— Из армии.

— Десятилетка?

— Да.

— Почему в институт не пошел?

— Не хочу...

— Не хочу учиться, а хочу жениться, — привычно пошутил начальник. Потом взглянул на Андрея и спросил: — Специальность?

— Слесарем могу быть, в армии приходилось.

— Такой работы сейчас у нас нет. Стройка только начинается! Сейчас в основном земляные работы, бетонные, ну и плотничьи. Приезжай через годик.

— Как это через годик? — Андрей решительно поставил чемодан. — Мне сейчас работа нужна. Когда я демобилизовался, ваш уполномоченный звал сюда.

— А ты не кипятишься, — оборвал его начальник. — Не я работу ищу, а ты. Сейчас только разнорабочим могу взять.

— Сколько платить будут?

— Рублей сто выйдет.

— Мало.

Начальник посмотрел на Андрея, и во взгляде его мелькнула усмешка.

— Видел, Семушкин? — сказал начальник мужчине, который привел Андрея в кабинет. — Только оперился, а уже норовит длинный рубль в карман положить.

— Мне этих денег мало.

— Ты бы хоть постеснялся с денег разговор начинать, — упрекнул Семушкин. — Небось, комсомолец! Когда вступал, в заявлении высокие слова писал, а сейчас разговор ведешь, как шабашник... Тьфу!

— Демагогия! — сказал Андрей и, повисив голос, повторил: — Самая пустая демагогия. Я не ворованные деньги хочу получить, а честно заработанные. За деньги я буду вкалывать на совесть. Может, вам нужны такие люди, которые денег не просят, но и работать не хотят?

— Ты нас не агитируй! — сказал начальник. — Мы сами с усами. Сто рублей в месяц — разнорабочим. Все!

— Нет! — твердо сказал Андрей и, взяв чемодан, вышел из кабинета.

Андрей брел к берегу Енгирия и горько усмехался. Он думал, что его здесь иначе встретят, сразу отвалит подъемные и аванс. «Пожалуйста, начинайте работать, товарищ Ермаков, да поскорее!» А ему предлагают должность разнорабочего и «рублей сто». Эти деньги можно было и в родном городе получать.

Андрей сел на чемодан, закурил и стал смотреть на реку. Наверное, где-то там, в низовье, Енгирь широкий и спокойный. Здесь он сжат скалистыми берегами. Противоположный, высокий берег стоит, как стена, и кажется, что упирается в самое небо. Вода проносится по узкому каменному коридору с бешеной скоростью, завихряясь и оставляя на поверхности белые барашки. И от этого хорошо видна ее неумная сила. Андрей вдруг представил плотину на пути этой реки. Какая же должна быть плотина, чтобы противостоять натиску Енгирия!

«В общем, побывал на строительстве ГЭС, — горько усмехнулся Андрей. — Поеду на другую стройку! Строек в Советском Союзе много!»

Андрей вынул бумажник. У него было четырнадцать рублей. Далеко, конечно, на эти деньги не уедешь. Но в чемодане есть приличные брюки, которые можно продать. Бросив окуроч, Андрей пошел на остановку автобуса.

— Эй, солдат! — услышал Андрей чей-то голос: Семушкин, недавний знакомый, окликнул его. — Ищу тебя, понимаешь. Подождать не мог!

— Чего зря ждать?

— Нашли тебе работу в первом звене. Бетонщик там нужен. Ты в этом деле хоть соображаешь?

— Соображаю! А заработки какие?

— Может, двести в месяц получится. Фамилия как?

— Ермаков.

Семушкин вытащил из кармана блокнот, вписал в листок фамилию и отдал его Андрею.

— Вот тебе направление. Видишь, на горе бараки стоят, — Семушкин показал на двухэтажные дома, видневшиеся среди сосен. — Найдешь второй дом, пятая комната, там свободная койка есть! Ну, бывай. Упорный ты парень, однако.

Семушкин еще раз взглянул на Андрея и про себя подумал: «Хорошо, что его направили не в мою бригаду. С таким хлопот не оберешься. А в звене Данилина его быстро обломают. Там собралась публика — не дай бог! Звено все время на последнем месте!»

— Спасибо вам! — с искренней благодарностью сказал Андрей Семушкину.

7

Андрей переступил порог пятой комнаты. Двое лежали на кроватях в одежде, один брился, сидя за столом.

— Здравствуйте, — сказал Андрей. — Свободная койка есть?

— В углу, у окна! — сказал парень, не поднимаясь с кровати.

Андрей поставил чемодан у койки.

— Ты вовремя пришел, солдатик, — сказал тот, который брился, он сразу заметил военную Андрееву гимнастерку. — Сбегай-ка за кипятком. Пойдешь по коридору прямо до конца, увидишь кубовую.

Парень говорил с какой-то ухмылочкой. Глаза у него были маленькие и недобрые. И оттого, что одна щека была не брита, лицо казалось перекошенным.

— Я только вошел, ты меня сразу за кипятком, — сказал Андрей. — Невежливо.

— Ах, скажите, пожалуйста! А может, духовой оркестр должен играть в честь твоего приезда? А ну, давай, валяй за кипятком, да поскорее!

— Не пойду, — упрямо ответил Андрей.

— А если я тебе для начала рожу намылю в прямом, а не в переносном смысле? — сказал парень и ядовито, с прищуром посмотрел на Андрея.

Те двое, на кроватях, приподнялись.

Парень шагнул к Андрею, не говоря ни слова, провёл мыльным помазком по его лицу и громко засмеялся, обнажив металлические зубы.

Андрею стало ненавистно это перекошенное лицо, эти щелочки-глаза и железные зубы. И, наверное, в том душевном напряжении, которое он испытывал в последние дни, это была критическая точка, за которой начинается безрассудство. Он ударил парня по скуле, тот, взмахнув руками, отлетел в угол. Но тут же по-кошачьи быстро поднялся и схватил со стола бритву. Угрожающе держа ее, двинулся на Андрея.

Андрей не сошел с места: он не испытывал страха потому, должно быть, что в свой удар вложил всю накопившуюся в нем злость.

С кровати поднялся второй парень и сказал:

— Стой! Нельзя так встречать гостя. Тебя как звать? — обратился он к Андрею.

Андрей хотел ответить, но почувствовал, что в горле пересохло и язык не двигается.

— Меня зовут Петр, а это Олег, — Петр показал на парня, лежавшего на кровати. — А этот, с бритвой, — Кешка.

— Ну хорошо же, падло! — прошипел Кешка, держась за скулу. — У нас еще будет время, чтобы сквитаться! — Он положил бритву на стол и, взяв стаканчик, ушел за водой.

Андрей стал снимать сапоги. Руки не слушались, дрожали. Разувшись, он лег на кровать и закрыл глаза.

— Значит, отрубил срочную? — спросил Петр, ложась на свое место. — Служил где?

— В ракетных частях.

— Десятилетку кончил?

— Кончил.

— А почему же в институт не пошел? — спросил Олег.

— Не хотелось! — коротко бросил Андрей.

— Такого в наше время не бывает. Всем хочется, только не все могут, — сказал Петр. — Вот, к примеру, Олегу тоже хотелось учиться. Но у него, как видно, одна извилина и та ниже спины. Даже технику закончить не смог. Пришлось идти работать на стройку. Кешка же всю жизнь ищет, где посуше и где рублей побольше...

— А солдатик — просто романтик! — с усмешкой вставил Олег. — Поехал на великую стройку по зову сердца, чтобы внести свою лепту в славные дела...

— Что ты видишь в этом смешного? — спросил Андрей. — Одни едут по зову сердца! Другие — чтобы деньги заработать!

— Насчет денег — это правильно! — Олег соскочил с кровати и пропел: — «А без денег жизнь плохая, не годится никуда». — Потом он подошел к Андрею. — Послушай, выручи меня, друг, до получи. Дай трояк! Вот так нужно! — Олег резанул себя ребром ладони по горлу.

Андрей дал ему три рубля.

— Вижу, настоящий человек у нас появился!

Андрей повернулся к стене. Он слышал, как вошел Кешка и снова сел за стол бриться.

— Здоровая у тебя челюсть, Кешка, — смеясь, сказал Олег.

— Заткни плевательницу!

— Пусть все-таки твоя зазноба проверит соединение челюсти с черепной коробкой, — посоветовал Олег.

Кешка ничего не ответил. Он кончил бриться, обернул лицо полотенцем и вышел, хлопнув дверью.

— На свидание спешит, — пояснил Олег.

В комнате стало тихо. Андрей вслушивался в эту новую, непривычную для него тишину. Вскоре он различил звуки радио, чей-то приглушенный смех.

Петр уснул и стал храпеть тяжело, с переливами. Кажется, заснул и Олег. Андрей лежал и смотрел в стену. Она была белая, шершавая.

Андрей закрыл глаза, пытаясь уснуть. Он хотел припомнить какой-нибудь беспечный день в своей жизни. Всплыло в памяти, как после окончания школы он купался в реке с Леной и другими ребятами. Была ласковая, теплая вода, белый речной песок и обжигающее июньское солнце...

Но как только Андрей уснул, приснилось ему что-то совсем непохожее. Та же река, но вода в ней была свинцово-серой, Андрей плыл куда-то на старом рыбацком баркасе. На берегу мать в черном. Она плакала. Волны становились все выше. Они грозно наваливались на баркас, обдавая холодными брызгами.

Андрей открыл глаза, лег на спину и стал смотреть в потолок. По-прежнему слышались звуки радио, приглушенный смех и отчаянный храп Петра.

На него навалилось ощущение мучительной раздвоенности. Он почувствовал себя маленьким и слабым в этом незнакомом и, должно быть, суровом мире. Ему опять захотелось схватить чемодан и бежать отсюда без оглядки.

Андрей слышал, как среди ночи вернулся Кешка. Андрей притворился спящим. Кешка подошел к его кровати и сказал:

— У-у, гад!

Андрей не шевельнулся.

— Нет! Спящих не бьют, — сказал вполголоса Кешка. — Закон джунглей!

Подойдя к своей кровати, Кешка плюхнулся на нее, не раздеваясь.

8

Рабочие люди встают рано. Андрей вышел из барака и увидел большое красное солнце, которое медленно выплывало из-за сопки. Воздух был наполнен ароматом просыпающейся тайги. Была в этом аромате утренняя свежесть, лесная прохлада и терпкий запах трав.

Рабочие залезли в кузов грузовика, тесно усадились на скамейках из досок и поехали на створ строящейся плотины. Они запахнули покрепче брезентовки, надвинули на лоб фуражки и сидели молча, чем-то напоминая нахохлившихся в стужу воробьев.

Дорога спустилась к реке и побежала вдоль берега.

Над рекой еще низко стлалась серая дымка. Но с каждой минутой она была все выше, обнажая прибрежные скалы.

Чем ближе к створу будущей плотины, тем больше ощущается стройка. Все здесь было в движении, все напоминало Андрею военные маневры. Ревели моторы экскаваторов, огромные двадцатипятитонные самосвалы-«четвертаки» катились по извилистой горной дороге в котлован, подставляя свои могучие спины под ковши экскаваторов.

У небольшого щитового домика-бытовки рабочих встретил звеньевой Данилин.

— Здорово, Данила! — сказал Петр, пожав ему руку. — Новенького привели!

Данилин окинул Андрея оценивающим взглядом.

— Бетонщиком зачислен, — то ли спросил, то ли подтвердил Данилин.

Андрей согласно кивнул и посмотрел на звеньевую. Пожилой человек. Лицо не в меру испещрено морщинами.

Данилин взглянул на Кешку и сказал:

— Ну, что, стилига? Опять с похмелья руки дрожат?

— Ты не волнуйся, на меня адреналин не растрата, — ответил Кешка и нахлобучил фуражку.

— Челюсть у него проверь, — с усмешкой произнес Олег. — Она, наверное, отваливается. Ему вчера солдатик врезал.

Данилин удивленно посмотрел на Андрея и недовольно бросил:

— Ну, ладно, хватит базарить!

Рабочие пошли в бытовку. Расселись на деревянных некрашенных скамейках, которые стояли вдоль стен. Не спеша переоделись. Андрей подобрал себе рабочую одежду из той, что кучей лежала в углу. Он натянул брезентовку, защитный шлем яркого желтого цвета, резиновые сапоги и рукавицы. От этой одежды он стал казаться выше ростом и шире в плечах.

— Пошли, — распорядился звеньевой, бросив окурок в ведро, стоявшее около бачка с водой.

Они приблизились к краю котлована. Большой участок бывшего дна реки был отгорожен от воды перемычками — широкими насыпями из гравия и земли. Там, на этом сухом дне котлована, возводились бетонные блоки — опоры для будущей водосливной плотины.

Вместе со всеми Андрей спустился по деревянной лестнице на дно котлована. Экскаватор, который и сверху казался огромным, вблизи был просто гигант. Он хищно раскрывал свою железную пасть. Стальные зубья ковша, как клыки, вгрызались в твердый грунт.

Человек в кабине двигал рычагами, клыки уходили в землю все глубже, наконец, железная челюсть сомкнулась, и добыча поднята высоко!

Ковш открывает стальную пасть, и грунт летит в порожний кузов огромного «четвертака». И снова человек бросает ковш к земле.

— Эй, парень! — услышал Андрей голос Данилина и только сейчас понял, что все ушли, — а он стоит и смотрит, глаз оторвать не может от этого железного гиганта.

...Не такое уж хитрое сооружение — блок, где предстояло работать. Четыре стены из деревянных щитов. Внутри заливают бетон. Потом опалубку снимают, получается квадратная бетонная опора для водосливной плотины.

Внутри этих четырех стен переплетаются металлические прутья арматуры. Вчерашний бетон уже окреп, хотя резиновые сапоги еще оставляют на нем след.

— Ты бетонщиком работал? — спросил звеньевой.

— Приходилось! — соврал Андрей и при этом подумал: «Тоже мне работа. Ее каждый дурак может выполнить!»

— Вот тебе вибратор, — сказал он. — Так включил, так выключил. Защитный шлем не снимай.

Андрей взял новое орудие труда и прикинул на вес — тяжелая штука, килограммов двадцать будет. Похожа она на трубу, у которой с одной стороны ручка, а с другой — булава. Эта вибрирующая от мотора булава загоняется в жидкий бетон и утрямывает его.

Сверху над головой послышался звук подъезжающего грузовика. Он двинулся задом по узкому металлическому мосту.

Шофер выглядывает в окошко. Стоп! Медленно поднимается кузов, и трехтонная масса бетона с грохотом устремляется вниз, образуя на дне блока островерхую горку. Эту горку нужно выровнять, «расташить» ровным слоем по всему дну.

Рабочие включили вибраторы и начали наступление на бетон. Вибраторы мягко входили в бетон, и он растекался под их упругими частыми ударами.

Андрей включил вибратор и загнал его глубоко в бетон. Потом он выключил вибратор и вытащил его оттуда. Снова включил, и снова вибратор мягко углубился в бетон.

А на железный мост уже въезжает следующий грузовик. «Эй, посторонись!» — кричит шофер и сигнализирует. Три тонны бетона опять с грохотом летят вниз.

— Ребята, нажать надо, — требует звеньевой. — Бетон идет!

Ребята нажимали. Их вибраторы гудели, завывали, визжали. По этим звукам Андрей чувствовал, что работа идет на полную мощность. Но вибратор Андрея не издавал такого лихого звука, как у других. Тяжелый инструмент не подчинялся Андрею. Он вырывался из его рук.

А самосвалы прибывали и прибывали... Откуда их столько? Они наезжали на мост, сигналили и с шумом вываливали бетон.

— Хорошенько растягивай! — кричит Данилин. — Плотину на века строим.

Скоро бетон будет выше голенищ резиновых сапог. Все глубже уходит в бетон вибратор, все труднее его вытаскивать обратно. Из-под защитного шлема струйками течет пот. Он застилает глаза, стекает за ворот рубахи, противно холодит спину. Но Андрей не сдаётся. Он напрягает все силы и продолжает борьбу.

А бетон в блоке поднимается все выше. Холодная серая масса затекла в сапог. Андрей вытащил ногу, переступил раза два. Кажется, он выбрался из бетона. Но когда потянул на себя вибратор, снова оказался по колено в серой холодной жиже. Пытаясь опереться на вибратор, он вытаскивал из бетона ноги. Со стороны казалось, что Андрей проделывает какой-то замысловатый цирковой номер. Но все вокруг были заняты делом. Никто не обращал на него никакого внимания.

«Ну, хоть бы перекур скорей, — подумал Андрей. — Сил нет. Значит, я слабее их. Неужели слабее этого Кешки? Да не может того быть!» Андрей злился на самого себя. Он перестал замечать, что в сапоги затекает бетон. С остервенением вытаскивал из бетона вибратор. Включал его и снова загонял в бетон.

А машины подъезжали и подъезжали одна за другой.

Наступил такой момент, когда Андрей глубоко загнал вибратор в бетон и вытащить его не смог. Он попытался поднять ногу и поднял ее, но сапог завяз прочно. Андрей стоял, как страус, на одной ноге, поджав под себя другую, на которой болталась портянка. Он держался рукой за вибратор. Пот лился по вискам, лицу, застилал глаза.

Только когда смолк гул вибраторов, Андрей услышал смех.

С удивлением он увидел, что рабочие спокойно шагают по жидкому бетону и не проваливаются. Олег и Петр подошли к Андрею, попробовали его вытащить. Но бетон, залившись в сапог, крепко держал ногу.

— Надо краном тащить! — сказал Петр. — А то мы рядом с ним утонем. Крикни крановщику!

Звеньевой свистнул два раза и помахал рукой крановщику.

Большая стрела крана плавно поплыла по небу и остановилась над головой Андрея. Медленно спустился тяжелый крюк.

Андрей зацепился за него правой рукой, левой взялся за вибратор.

— Вира помалуй! — закричал Данилин.

Как в замедленных кадрах кино, Андрей стал чуть заметно подниматься вверх. Второй сапог так же, как первый, остался в бетоне. На ногах, словно флаги, развевались серые портянки.

Крановщик не торопился. Уж слишком забавная была картина.

— Перекур! — скомандовал звеньевой, когда Андрей очутился на сухом деревянном помосте.

Рабочие окружили Андрея.

— Ну, голова — два уха! — сказал звеньевой. — Зачем же ты вибратор выключаешь?

— Он электроэнергию экономил, — сострил Олег. — А то ГЭС еще не построили, электричества не хватает.

— Вы же сказали включить — выключать...

— Выключать в конце рабочего дня. Я думал, ты знаешь! Ну, голова... — протянул звеньевой и засмеялся, обнажив желтые от табака зубы. — И по жидкому бетону надо ходить с умом — все время ногами переступать, тогда не утонешь. Ну да ладно! Научишься. Теперь иди в бытовку. Найдешь там другие

сапоги. А за те, которые в бетоне остались, мы у тебя из зарплаты десятку вычтем.

Подвернув покрепче портянки, Андрей пошел в бытовку. Шоферы проносящихся мимо машин, взглянув в окошко, заодно сигналили Андрею, а крановщик, которому «сверху видно все», нажимал на свой басовитый гудок и весело махал ему рукой.

9

Весь следующий день после ссоры с Андреем Лена ждала его звонка. Как только звонил телефон, она бросалась к аппарату. Но всякий раз это был кто-нибудь другой, и Лена с досадой вешала трубку. Она, конечно, могла бы сходить к Андрею, но... Лена решила выдержать характер: ведь размолвка произошла по его вине!

Лена готовилась к экзамену и, чтобы не отвлекаться от занятий, старалась все остальное выбросить из головы. Она читала учебник, но мысли об Андрее возникали как бы между строк. Наконец Лена решила так: сдам экзамен и пойду к Андрею, даже если он не позвонит. Ей стало казаться, что он заболел или приключилась еще какая-нибудь напасть.

В тот день, когда Лена сдала экзамен, она испытала двойную радость. Последний экзамен позади, и, конечно, она сегодня увидится с Андреем!

Лена пришла домой, бросила на стул сумочку и громко крикнула:

— Ма-ма!

Из кухни вышла Тамара Олеговна.

Лена низко присела в реверансе и сказала:

— Последний экзамен сдала на «отлично». Перед тобой студентка четвертого курса.

Лена бросилась к матери, обняла ее и поцеловала.

— Умница! — сказала Тамара Олеговна. — Теперь отдыхай. Ты хозяйка своего времени. И вот тебе открытка от Андрея.

— Открытка?

Тамара Олеговна вынула из кармана открытку и отдала Лене.

«Здравствуй, Лена! Извини, что не позвонил перед отъездом. Ты готовилась к последнему экзамену, и мой звонок, конечно, помешал бы тебе. А теперь, когда ты уже сдала экзамен и, наверное, на пятёрку, я хочу сообщить о своем отъезде. Завтра начинаю трудовую жизнь на строительстве ГЭС. Определили меня бетонщиком...»

«Боже мой! Андрей — бетонщик!» Она уже привыкла представлять Андрея студентом инженерно-строительного института. И вдруг Андрей — бетонщик! Человек в брезентовой робе и резиновых сапогах. Лене было неприятно думать об этом. Это было крушением всех ее надежд, связанных с Андреем.

— Как глупо он поступил! — сказала Лена матери. — Ему была открыта дорога в институт, и, пожалуй, он уехал на стройку и стал бетонщиком, чтобы заработать деньги. Он мог бы учиться и подрабатывать по вечерам здесь, в городе. Только он к тому же и гордый. Краны в домах чинить ему гордость не позволяет. А бетон месить...

— Успокойся, Ленуся! — мать обняла Лену. — Может, он скоро вернется. Поймет, что неправильно поступил.

Тамара Олеговна успокаивала Лену, однако делала это так, для порядка. Она считала, что ее дочь могла бы найти более подходящего человека, более интеллигентного и из «хорошей семьи». Правда, Тамара Олеговна не выражала открыто своего мнения на этот счет, хотя исподволь, потихоньку внушала дочери, что «свет клином на Андрее не сошелся».

— Андрей — человек очень неуравновешенный, — сказала Тамара Олеговна. — Он какой-то ершистый. Ты не думай, что с ним просто будет. Он сегодня так решил, завтра улетит на Сахалин, а потом на полюс.

— Перестань, мама! — со слезами воскликнула Лена и пошла в свою комнату.

— А ты тоже перестань! — вдогонку крикнула Тамара Олеговна. — У тебя радостный день. Конец экзаменов. А ты нюни распустила.

Лена закрыла дверь и бросилась на тахту, уткнувшись лицом в подушку. Впервые в жизни она испытывала горькое чувство покинутой... Было тоскливо на душе и обидно. Она лежала, не поднимая головы. Зазвонил телефон. Тамара Олеговна взяла трубку. Какой-то мужской голос попросил к телефону Лену. Она хотела ответить, что дочери нет дома, но вопрос был задан таким приятным, отменно вежливым тоном, что она поколебалась.

— Кто это говорит? — спросила Тамара Олеговна.

— Вы меня не знаете.

— Вы можете хотя бы назвать свое имя. С вами говорит мама Леночки, Тамара Олеговна.

— Меня зовут Гриша, — послышалось в трубке. — Мы недавно познакомились с Леной. Сегодня последний день экзаменов. Лена, конечно, получила «отлично». Я хотел поздравить ее.

— Да, Леночка получила пятерку. Сейчас я ее позову. — Тамара Олеговна положила трубку и, постучав в дверь комнаты дочери, громко крикнула: — Ленуся, тебя к телефону.

— Кто? — не поднимаясь с тахты, спросила Лена.

— Какой-то Гриша!

Лена села на тахту и в первую минуту не могла сообразить, кто это такой Гриша.

— Ленуся! Ты идешь к телефону? — опять позвала мать.

— Иду! — Лена нехотя подошла к телефону, взяла трубку: — Слушаю!

— Леночка, здравствуй! — услышала она веселый голос. — Это говорит Гриша. Помните, в кафе нас познакомил Андрей?

— А-а, Гриша! — довольно безразлично протянула Лена.

— Я вас поздравляю, Леночка, с окончанием сессии и отличной оценкой.

— Спасибо! — вяло ответила Лена.

— Почему я слышу грустный голос?

Лена помолчала, раздумывая над тем, стоит ли говорить Грише об отъезде Андрея. Но ведь они друзья.

— Андрей уехал, — сказала Лена.

— Куда?

— На стройку!

— Он что, идиот? — воскликнул Гриша. — Мой отец согласился ему помочь. Это значит, его дело в институте — верняк.

— Уехал! — повторила Лена. — Сегодня я от него открытку получила. Устроился бетонщиком на строительство ГЭС.

— Ну и идиот! — повторил Гриша и, немножко помолчав, уже другим тоном добавил: — Вам, конечно, тоскливо. Давайте встретимся, посидим в кафе. Легонького винца выпьем и потанцуем.

— Нет, — сказала Лена. — Кафе, вино — не то настроение.

— Тогда поехали купаться! Такая жара! К тому же я вам принесу обещанный томик Фета.

Гриша сделал паузу, но Лена не отвечала. Ей неловко было сказать «да». И в то же время ей не хотелось сидеть одной весь вечер и чувствовать себя покинутой.

— Леночка! Почему вы молчите? — спротивил Гриша.

— Задумалась.

— Перестаньте, Леночка. От дум морщинки появляются.

«Гриша — товарищ Андрея, — рассуждала Лена. — Отец его хочет помочь Андрею. Почему бы не встретиться и не поговорить о судьбе Андрея? К тому же он принесет Фета!»

— Ладно, поехали!

...Через час они встретились на троллейбусной остановке и сразу узнали друг друга. Вернее, они сразу заметили друг друга, потому что оба выделялись среди прохожих.

На Грише был легкий светло-серый костюм. Из-под пиджака выглядывала яркая, цветастая рубашка. Гриша курил сигарету, поглядывая на прохожих.

Когда он увидел Лену, то сейчас же бросил сигарету и пошел навстречу.

— Ваше сообщение об Андрее просто поразило меня, — горячо начал Гриша, едва поздоровавшись с Леной. — Я понимаю, у него есть причины, довольно печальные обстоятельства, и все-таки кому он нужен без высшего образования?

— Вы бы написали Андрею письмо, — предложила Лена. — Ваш отец бы пару слов прибавил. Если Андрей вернется, он еще успеет сдать экзамены.

— Пожалуйста, — немедленно согласился Гриша. — Но это мы сделаем завтра. А сегодня, Леночка, давайте отвлечемся.

— Как я его убеждала! — сказала Лена. — Ведь ваш отец ему помог бы?

— Конечно, помог бы. Отец — верный человек. Если он скажет — значит, сделает.

— Вот видите! — воскликнула Лена.

— Но оставим это, мой долг исправить ваше настроение. Хотя бы на сегодняшний день. Пошли на пляж.

Когда они переходили улицу, Гриша взял Лену под руку. Он боялся, что она попытается высвободить руку. Но она как будто не заметила.

Гриша был из тех молодых людей, которые всюду ищут знакомств с новыми девушками. Встретит — и сейчас же старается узнать ее телефон «на всякий случай».

Лена интересовала его не больше других. А позвонил он ей сегодня, потому что скучища была жуткая. Красотка Ирочка уехала на дачу, Галка вечером работает, Ляля зубрит сопромат, завтра пересдает. Может быть, если бы выяснилось, что Андрей в городе, Гриша не рискнул бы. А так... «не жена она ему пока, что тут такого в самом деле».

— А вы тоже сдали экзамены? — спросила Лена.

— Да-а! — Гриша опять закурил.

— Тройки в сессии есть?

— Не без того, — ответил Гриша.

— А стипендия?

— Мелочи жизни. — Гриша поморщился. — Какие-то там тридцать пять рублей. Без них обойдусь. Умереть с голоду родители не позволят.

— Откровенно и с большой долей эгоизма! — заметила Лена.

— Эгоизм свойствен человеческой натуре. Еще Дарвин говорил, что жизнь — борьба... А в борьбе человек обязан о себе думать.

Лена вспомнила слова Андрея: «Что же, я у матери должен по утрам полтинники выпрашивать? Да ты меня сама в конце концов уважать перестанешь». А Гриша рассуждает обо всем как-то беззаботно и легко. Даже спорить с ним не хочется.

Городской пляж был переполнен. Не так много в этих краях выпадает жарких, солнечных дней, и уж когда они наступают, то горожане, особенно молодежь, хотят насладиться ими сполна.

Лена сняла туфли и почувствовала босыми ногами мягкий, теплый речной песок. От этого ей стало призывно и весело. Она побежала к реке. Пушистые, светлые волосы ее развеивались на ветру.

Гриша бросился за ней. Но Лена подбежала первой, зачерпнула ладошкой воду и легонько плеснула на Гришу. Он схватил ее руку и поцеловал мокрую ладошку.

Лена выдернула руку.

— Это зачем?

— Расположимся здесь! — весело, будто не слыша ее слов, крикнул Гриша.

Неподалеку стоял ларек, выкрашенный ядовитой синей краской.

— Устраивайтесь здесь, а я сейчас приду, — сказал Гриша и направился к ларьку.

Вскоре Гриша вернулся с тремя бутылками пива. Из карманов выглядывали два бумажных стаканчика.

— Все в порядке, — весело сказал Гриша и оценивающе глянул на Лену, которая уже успела переодеться в купальник. — Необходимым мы запаслись. Теперь можно и в воду.

Лена бросилась в воду и поплыла. Она не обращала внимания на купающихся у берега людей, которые играли в мяч, кувыркались, обдавали друг друга брызгами. Гриша поплыл следом за ней, но догнать не мог. Лена плавала отлично, и ее забавляло, что он отстаёт.

Гриша оглянулся. И только сейчас заметил, что заплыл далеко. Люди на пляже казались маленькими. Течение относило в сторону.

— Лена! — испуганно крикнул он.

Лена только смеялась в ответ и плыла дальше.

— Назад! — крикнул Гриша и повернул к берегу. «Андрей бы не повернул. Ни за что бы не повернул. Он непременно переплыл бы реку!» Лена усмехнулась и поплыла обратно. Гриша теперь был впереди. Она видела его мокрый черный затылок, то приподнимающийся над водой, то опускающийся.

— Такие заплывы не для меня, — сказал Гриша, когда Лена вышла из воды. — Это для чемпионов.

— Быть чемпионом по плаванию совсем нелегко, — бросила Лена.

— Верно. Но есть занятия более приятные, чем плавание, — ответил Гриша и, расстелив на песке газету, поставил стаканчики и открыл пиво.

— Давайте выпьем на брудершафт, — предложил он.

— Только без поцелуя!

— Бойтесь?

— Просто не хочу!

— Согласен без поцелуя. Никакого насилия над личностью — это первое мое правило.

Они выпили пиво и легли на горячий песок. Он положил свою руку на руку Лены. Золотистые песчинки слетали с гладкой кожи. Гриша чуть придвинулся и поцеловал ее загорелое плечо.

— А это уже зря, — сказала Лена и отодвинулась. — Мы же договорились: без поцелуев.

— Это братский поцелуй! — сказал Гриша. — И вообще, о чем ты говоришь? Все прекрасно: солнце, горячий песок, река. Ну, часто ли бывают у тебя такие минуты?

Лена пропустила эти слова мимо ушей. Ей снова захотелось поговорить об Андрее. И она спросила:

— Твой отец воевал вместе с отцом Андрея?

Гриша нехотя ответил:

— Воевали. В госпитале лежали вместе. — Гриша поморщился и добавил: — Ну, зачем эти разговоры?

У наших предков своя жизнь, свои взгляды, устаревшие, как дирижабль. У нас найдутся другие темы, более интересные.

— Не говори «предки» — это противно, — сказала Лена.

— Может, ты меня перевоспитывать вздумала? — спросил Гриша.

Лена пожала плечами и легла на спину. Она смотрела на голубое небо и чувствовала блаженную расслабленность. Конечно, может быть, нужно с Гришей поспорить. Он неправ. Нельзя так о родителях. Но спорить не хочется. Лучше молчать и глядеть в вышину.

Гриша лежал, приподнявшись на локтях. Он смотрел на ее большие серые глаза, на красивые губы. Потом легонько прислонился щекой к ее руке, и она не отдернула ее.

Но даже сейчас, когда Лена чувствовала себя такой расслабленной, из головы не выходил Андрей. Ей вдруг показалась зряшной и даже какой-то стыдной эта поездка с Гришей на пляж.

— Что с тобой? — спросил Гриша, заметив перемену настроения Лены. — Ты, наверное, опять об Андрее? — И Лена, как тогда, в кафе во время танца, поймала себя на мысли о том, что Гриша ей чем-то нравится, своей чуткостью, что ли?

— Ты напрасно мучаешь себя заранее. Возможно, все уладится! В жизни так бывает, что все оборачивается не так плохо, как представлялось.

— Ты будто в душу мою заглянул... — тихо промолвила Лена.

— Знаешь, почему я тебя так хорошо понимаю? — сказал Гриша и лег на спину, подложив под голову руку. — Как бы это пояснее выразиться... В общем, у нас с тобой одинаковый угол отражения чувств и мыслей!

— Здорово, старик! — вдруг услышал Гриша и увидел приятеля Толю. — Кейфуешь?

— Сэ ля ви! — Гриша приподнялся и лениво протянул Толе руку.

— А я уже домой! — сказал Толя.

— Родители там?

— Уехали.

— Это здорово! — воскликнул Гриша. — А что, если нам двинуть к тебе? Мы захватим чего-нибудь крепенького, сядем в таксомотор и рванем.

— О'кэй! — согласился Толя.

Может быть, потому, что Гриша слишком по-хозяйски взял Лену за руку, слишком бесцеремонно решал за нее, она рассердилась. Самолюбие ее было задето.

— Я не поеду! Меня дома ждут, — решительно заявила она.

— Слушай, Леночка! — воскликнул Гриша. — Я от отчаяния вырву свое сердце и брошу в реку.

Эти выспренные слова прозвучали как-то неуместно.

— Я обещала маме скоро прийти, — упрямо ответила Лена.

— Толя, ты понял, какая получается картина? Купались, пиво пили и вдруг... Вот и доверяй молодому поколению. — Гриша молитвенно сложил руки на груди: — Леночка, дорогая, свет души моей, хочешь, я позвоню твоей маме и объясню ей...

— Ты позвонишь маме и попадешь на папу. — Лена усмехнулась. — Не позавидую тебе. Кстати, где обещанный Фет?

— В кармане.

Гриша вздохнул, взял двумя пальцами бутылку за горлышко, посмотрел на свет ее содержимое и подчёркнуто медлительно разлил остатки пива в стаканчики...

Бывают такие поступки, которые поначалу кажутся маленькими и незначительными. «Ну, подумаешь,— успокаивала свою совесть Лена.— Почему я не могу развлечься с этим Гришей, если на душе тоскливо? Нехорошо, конечно, что он поцеловал меня, а я промолчала. Но если бы Андрей не уехал, то ничего такого не было бы...»

Однако дни шли, и ощущение своей, хоть и небольшой, но все-таки вины не проходило. А Гриша звонил и предлагал встретиться снова. В эти дни Лена получила письмо от Андрея.

«Здравствуй, Лена!

Если бы ты только знала, как я скучаю без тебя. Я помню о тебе каждую минуту. Даже ночью я не расstaюсь с тобой. Раньше мне ничего не снилось, а сейчас я каждую ночь вижу тебя. И сны какие-то красивые. То я вижу тебя в зеленом платье, то в розовом.

Может быть, тебе покажется это смешным. Но ведь правду говорят, что от любви глупеют и разлука для любви, что ветер для огня,— маленькую любовь гасит, большую раздувает.

Где бы я ни был: на работе, в общепите, в столовой — я везде вижу тебя, твои веселые глаза, твою улыбку. И, наверное, если бы у меня отнять эту постоянную радость общения с тобой, то жизнь показалась бы мне серой и унылой.

Мне больно оттого, что расстались мы плохо. Не так, как мне хотелось. Леночка, ты должна меня понять! Я не мог поступить иначе. Я должен был уехать, иначе я не уважал бы себя. Да и ты бы перестала меня любить. Ну, какой бы я был в твоих глазах мужчина, если не смог помочь больной матери и сестренке! Сейчас, кроме меня, сделать это никому.

Я понимаю, что тебя рассердил мой отъезд. Но я уверен: твоя досада и раздражение пройдут. Наша любовь победит эти мелочные раздоры. Ты будешь писать мне часто, ты приедешь ко мне. Здесь такая красивая природа. Могучая река, зажатая с двух сторон скалами, дикая тайга и потрясающе «вкусный» воздух. Он напоен каким-то особым ароматом. Когда я вижу всю эту красоту, как хочется мне, чтобы ты была рядом!

Ну, поработай годик и вернись, поступлю учиться. Все будет так, как ты хочешь. Потому что без тебя у меня нет жизни.

Целую тебя крепко, крепко.

Твой Андрей».

Несколько раз Лена читала это письмо, бралась за ручку, клала перед собой листок бумаги, но не знала, что писать. В ней боролись разные чувства. Ей хотелось обвинить Андрея в том, что он покинул ее, и тем самым оправдать свою встречу с Гришей. Перед кем? Да перед самой собой.

Но совесть не позволяла.

Лена откладывала ручку и уходила из дома. Она бродила по улицам, шла на набережную. Она размышляла о том, что можно написать письмо школьное: «Здравствуй, как поживаешь, расскажи о себе подробно, я соскучилась» и т. д. и т. п. Но такое письмо стыдно было посылать в ответ на письмо Андрея.

Лена решила навестить Полину Ивановну. Откровенничать с ней она не собиралась. Просто так посидеть, поговорить об ее сыне и хотя бы тем внутренне искупить свою вину.

В эти дни Полина Ивановна чувствовала себя глубоко несчастной. Пожалуй, после смерти мужа у нее не было в жизни более печальных дней. В свое время она гордилась мужем. И тем, что он был на фронте, и тем, что был человеком благородным, с сильным характером.

Когда подросток Андрей, мать стала гордиться сыном. Андрей хорошо учился, Андрея хвалили в школе, соседи его ставили в пример другим ребятам. Когда он служил в армии, командование не раз присылало матери благодарственные письма.

И вот теперь, после отъезда Андрея на стройку, все возлагаемые на него надежды рухнули. У медсестры из другой смены сын сейчас готовится к вступительным экзаменам. Товарищи по работе интересуются, спрашивают, как идут дела.

Мать брала письмо своего незадачливого сына и в который раз перечитывала.

Нет ли там между строк чувства горечи, разочарования? Но ничего такого не находила.

Она отлично понимала: Андрей вернулся из армии с твердым желанием учиться в институте. Он мечтал поступить в строительный институт. И в том, что эта мечта осталась неосуществленной, Полина Ивановна винила себя. Надо было скрыть от сына все семейные неприятности, и судьба его уже сейчас сложилась бы совсем по-иному.

...Лена пришла к Полине Ивановне вечером, дверь в прихожую была открыта.

Из комнаты Ольги Григорьевны доносились звуки пианино. Наверное, Маринка занималась. Она играла какой-то простенький этюд. Играла с оstanовками, с повторениями. Лена постучала в дверь комнаты Ермаковых.

— Леночка! — обрадовалась Полина Ивановна. — Проходи. Вот какой ты молодец, что пришла.

Лена сразу заметила, что Полина Ивановна еще больше осунулась. Седые волосы причесаны кое-как, во всем ее облике было что-то вызывающее жалость.

Полина Ивановна усадила гостью за стол.

— Я письмо от Андрея получила, — сказала Лена.

— Я тоже!

Мать села рядом, подперев голову руками. Лене показалось, что если мать отнимет руки, то голова ее бессильно опустится.

— Андрей пишет, что хорошо устроился! — сказала Лена. — Бетонщиком.

Мать улыбнулась. Улыбка была едва заметна. Она чуть тронула губы, а глаза смотрели по-прежнему печально.

— Вообще он чудак! — сказала Лена. — Мог поступить в институт — и уехал.

— Ох, Леночка! — с горечью сказала мать. — Места себе нахожу. Во всем я виню себя. Я не могла создать ему условий. А он парень гордый, не хочет мне в тягость быть.

Полина Ивановна вздохнула и молча посмотрела на Лену. Какая юная и какая красивая! Не удивительно, что Андрей полюбил ее.

— Он тебя любит, — сказала Полина Ивановна.

— Какая же это любовь! Я его ждала два года. Он приехал и снова исчез. Что же, я его еще год должна ждать?

Полину Ивановну вдруг осенило:

— Ты поезжай к нему и поговори обо всем по-хорошему. Он тебя послушает. — Полина Ивановна умоляюще посмотрела на Лену и добавила: — Деньги на дорогу я тебе достану. Ехать-то не так далеко. — Полина Ивановна улыбнулась. Она по-матерински взяла Лену за руку и сказала: — Вдруг согласится вернуться? Он еще успеет сдать экзамены. Поступить в этом году может. Поезжай, Леночка!

Предложение поехать к Андрею было для Лены неожиданным. Она пришла поговорить с матерью Андрея, и только... Но в душе она была рада такому повороту событий. И не нужно будет писать письмо. Умалчивать или оправдываться. Да и любопытно увидеть новые места. Только бы дома не возражали.

— Хорошо, Полина Ивановна, я поеду к Андрею, — согласилась Лена.

II

Бетонщики празднично сидели на деревянном помосте блока. Кешке было даже приятно, что нет работы. Он вынул карты и сначала играл в очко с самим собой.

Потом он уговорил сыграть в карты Олега. Они сидели вдвоем на солнышке, иногда расплачиваясь друг с другом щелчками.

Петр примостился в тени. В руках у него был блокнот, с которым он никогда не расставался. Он мечтал поступить в Литературный институт и поэтому, как только высвобождалась минутка, погружался в поиски рифм для своих стихов. Андрей уже знал, что он пишет о рабочей жизни. Когда-нибудь Петр, наверное, напечатает свои стихи.

Андрей лежал на траве и смотрел на небо. Оно было синее... Оно было как перевернутое море с высокими скалистыми берегами.

Вроде человек не может злиться, взирая на такую небесную ширь — в ней столько покоя. Но Андрей злился. Он злился, во-первых, сам на себя за то, что вкалывает больше двух недель, а не может послать матери ни копейки. Во-вторых, он злился на то, что сегодня по чьей-то вине пропадает рабочий день. Целое звено бездельничает, и никому нет до этого дела. А учетчица придет вечером и ничего не выпишет. Лена, наверное, звонит матери и спрашивает, как он там жив-здоров, добытчик денег.

«Добытчик!..» — Андрей горько усмехнулся.

— Хватит, — сказал Олег, получив очередные пять крепких щелчков от Кешки. — Может, сгадаем на бутылку? Все равно работы нет.

— А деньги? — спросил Кешка.

— Ну, копеек семьдесят по мелочи наберу, — ответил Олег и стал шарить по карманам. Когда он выгреб мелочь и сосчитал, сказал: — Рубль пять нашел! Пару рублей солдатик подбросит.

— Я уже тебе раз подбросил, — недовольно сказал Андрей. — А ты не отдаешь.

— В следующую получку! Зуб вон — отдам!

— Конечно, отдай, — сказал Кешка. — Ермаков не пьет. Деньги копит. Рублик к рублику.

— Если он будет штрафы за сапоги платить, много он накопит... — бросил Петр.

— Все равно накопит! У него цель есть.

— А вот Макаренко сказал, что деньги при социализме имеют воспитательное значение, — произнес Петр.

— Правильно, — ответил Олег. — Один день копит, значит, воспитывает в себе скупидомство. Другой пропивает, воспитывая щедрость души.

Ребята посмеялись.

— Приехали, — сказал Кешка.

Неподалеку от блока остановился «газик» начальника участка Гладкова. Вместе с ним был Данилин. Они зашагали по деревянной лестнице вверх.

Рабочие побаивались и уважали Гладкова. Выглядел он внушительно. Он был высок ростом и широк

в плечах. И хоть подходил к пенсионному возрасту, еще мог потягаться силой с любым из этих парней.

Но уважали и побаивались Гладкова, конечно, не за физическую силу. В нем была удивительная внутренняя твердость. При этом он был человек справедливый, отходчивый, хоть и резкий.

Наверное, такие качества не бывают свойственными людям с детства. Чем круче у человека жизненная дорога, тем больше рождается в нем этих дорогих качеств. Гладков начинал свою жизнь, как и многие передовые люди его поколения, на строительстве Магнитки. Пришел туда простым рабочим. А потом рабфак, институт, инженерная работа на строительстве оросительных каналов в Поволжье.

Не обошла Гладкова стороной и война. Он командовал саперным батальоном. Был дважды ранен. Четыре боевых ордена украсили его гимнастерку.

А после войны, когда началось строительство первой большой гидроэлектростанции в Сибири, Гладков попросился туда рядовым инженером. Так и связал он накрепко свою жизнь со строительством плотин. На той первой станции его имя выбито золотом на стене, среди имен лучших строителей ГЭС.

Редко кто не знал на стройке биографию Гладкова. Люди рассказывали разные удивительные случаи из его жизни и, конечно, при этом кое-что прибавляли: так создавались почти легенды о его мужестве и справедливости.

Гладков в сопровождении Данилина поднялся на деревянный помост и, переведя дыхание, спросил:

— Это что у вас, санаторий или дом отдыха?

— Санаторий улучшенного типа, — сострил Олег.

Путевка сто восемьдесят пять целковых.

— Почему простаивает звено? — Гладков повернулся к Данилину.

— Бетона нет. По указанию главного инженера весь бетон отдан на третий участок.

— Бетона нет? Значит, надо перевести людей на скальные работы, вы же комплексное звено. — Голос Гладкова звучал повелительно. — Ты же знаешь: там на уступе надо трещину очистить и породу в поддон погрузить.

— Это как в каменном веке, товарищ начальник: вручную породу грузить, — сказал Кешка. — А при переходе к коммунизму труд необходимо механизировать, он должен человеку радость приносить.

— Классиков почитываешь? — спросил Гладков.

— Приходилось, — ответил Кешка. — Времени свободного в жизни было много. А советский рабочий обязан быть интеллектуалом.

— Да-а... Ты уж точно интеллектуал, — протянул Гладков и покачал головой.

Звено Данилина было самым неорганизованным на участке. Когда Гладков приезжал, он испытывал чувство горечи: «Ну, почему такое неудачное звено? Люди здесь собрались никчемные или звеньевой бесхребетный? Работают спустя рукава, а выпить и побалагурить — на это они мастера».

Взгляд Гладкова задержался на Олеге, который давно не стригся. Концы его длинных волос, как перья, лежали на воротнике брезентовки.

— Сходил бы кудри постриг. Смотреть противно, — сказал Гладков.

— А вы думаете, на этой стройке легко заработать на стрижку? — ответил Олег. — Сидим целый день без работы.

Гладков порылся в кармане, достал двугривенный:

— Возьми и постригись!

Олег взял монету, подбросил ее большим пальцем и тут же поймал.

— Двадцать копеек! Маловато!

— Я всю жизнь за пятнадцать стригусь! — сказал Гладков.

— Сравнили ваши волосы с моими. Ваши раз-
два — и готово!

— Был и я когда-то кудрявый, а стригся все равно
за пятнадцать копеек. И чтобы завтра ты был на че-
ловека похож! — грозно сказал Гладков.

— Ладно, — поспешно согласился Олег.

— А это кто? — Гладков заметил Андрея.

— Это Ермаков! — доложил звеньевой. — Тот са-
мый, который сапоги в бетоне утопил.

— Историческая личность! — выкрикнул Кешка.

Гладков посмотрел на Андрея, и тот встал. Уж
очень властный взгляд у начальника. Он внушает
уважение одним своим видом.

За долгие годы работы на стройках, среди разно-
шерстного рабочего народа Гладков научился быст-
ро определять свое отношение к людям. И редко
ошибался. Вот и сейчас он взглянул на Андрея, и у
него мелькнула искра симпатии. Он пригляделся к
парню: волевой подбородок с небольшой ложбинкой
посередине. Взгляд прямой, открытый. Гладков ни-
чего не сказал Андрею, но в душе порадовался, что
в этом «трудном» звене появился такой парень.

— Немедля переводите людей на скальные рабо-
ты! — приказал Гладков Данилину и ушел.

— Не стыдно побираться? — спросил Петр Олега,
когда Гладков скрылся из вида.

— У него башли есть. Он водку не пьет.

— Паразит! — в сердцах бросил Петр.

— А ты напиши про меня стихи: «Ох, паразит ты,
паразит, от тебя вином разит!» — Олег засмеялся.

— Хватит базарить, — оборвал их Данилин.

Звеньевой встал, и все пошли за ним к трещине в
скале. На небольшой площадке возле трещины ле-
жали отбойные молотки и стоял компрессор. Олег
и Петр стали заводить мотор компрессора. Данилин
подозвал Андрея и спросил:

— Отбойным молотком приходилось работать?

— В армии работал.

— А то опять чего-нибудь начудишь...

Андрей сказал:

— Дважды случалось мерзлую землю долбить.

Когда затрещал мотор компрессора и по шлангам
пошел воздух, застучали отбойные молотки. Глаза
неотступно следят за стальным острием, которое
врезается в твердую скалу. В такт работы молотка
дрожат руки, дрожит все тело, голова, стучат зубы.
Через полчаса работы кажется, что ты навсегда при-
кован к этому трясающемуся орудии труда и подобно
ему будешь всю жизнь судорожно дрожать.

Но работа шла. Под ударами отбойных молотков
откалывались от скалы куски гранита. Вскоре высо-
кий башенный кран пробасил несколько раз, и бе-
тонщики увидели плывущий по небу поддон.

Прежде чем начать грузить куски гранита в под-
дон, рабочие отложили в сторону отбойные молотки
и закурили. Говорить никому не хотелось. Все были
рады, что тело наконец получило покой.

Крановщик посигналил: дескать, что вы сидите,
прохлаждаетесь! Но никто не двинулся. Грузить по-
роду лопатами не сладкое занятие, надо перед этим
передохнуть.

Грузили долго. Наконец Данилин крикнул:

— Вира! — и помахал рукой.

Поддон дернулся и пополз вверх.

И опять застучали отбойные молотки, сотрясая все
внутри. Чем дольше работаешь, тем меньше занима-
ют тебя собственные мысли. Казалось бы, что зна-
чат откалывающиеся маленькие кусочки? Скала та-
кая большая, и трещина глубокая. Но работают сотни
людей. Одни режут гранит, другие долбят его, а тре-
тьи, сидя за рычагами мощных тракторов, сдвигают
взорванные куски гранита в сторону.

Звеньевой ушел куда-то по делам. Олег первым
бросил отбойный молоток и сказал:

— Да ну его к черту. Глаза из орбит вылезают.
Аж тошнит.

Он сел и закурил.

— Работенка! — поддакнул Кешка и тоже перестал
работать.

Андрей и Петр продолжали орудовать своими мо-
лотками. Они трудились до тех пор, пока звеньевой
не вернулся вместе с учетчицей Зиной. Был конец
рабочего дня.

— Здравствуйте, товарищи, — весело крикнула
Зина.

— Здравия желаем, мать-благодетельница и про-
чее, и прочее, и прочее, — видимо, уже не в первый
раз дуэтом пропели Олег и Кешка.

Зина была невысокого роста, тоненькая, в брезен-
товке и брюках. И, может, поэтому в ней было что-
то мальчишеское.

— Честно поработали или на халтуру? — спросила
Зина прежним веселым тоном.

— Честно, — сказал Олег. — А вот как насчет за-
работка, не знаем.

— Ах, Олег! — Зина достала из сумки учетную
книжку. — Какой же ты строитель, если о деньгах
только и думаешь.

— О них все думают! — поддакнул Кешка.

Зина присела на камень, открыла книжечку, загля-
нула в нее и сказала:

— Три рубля тридцать три копейки за кубометр с
погрузкой в поддон — вот что вы имеете, дорогие
товарищи.

— Это значит — по тройку в день, — сказал
Олег. — Мало!

«Конечно, мало, — подумал Андрей. — Если такие
заработки будут, то до двухсот рублей в месяц не
дотянешь. Три рубля в день! Матери послать будет
нечего!»

— Ты уж по пятерочке на каждого выведи! — по-
просил звеньевой.

— Задаете вы мне, мужики, задачку! — сказала
Зина, листая книжечку. — Если бы вы работали в во-
де свыше десяти сантиметров, то плата была бы че-
тыре рубля десять копеек за кубометр.

— Мы подмочим кубов десять, тогда по пятерке
на нос выйдет? — сказал Данилин.

— Подмочим, — обрадовался Олег.

— Как это подмочим? — спросил Андрей.

— Фигурально подмочим! — ответил звеньевой. —
На бумаге.

— Так это же обман! — сказал Андрей, и все по-
смотрели на него, как на полоумного.

— А ты что, из народного контроля? — усмехаясь,
спросила Зина.

— Он у нас чокнутый, — сказал Олег. — За день-
гами на стройку приехал, а деньги дают — он от них
отказывается.

— А-а! — протянула Зина.

У Андрея было такое чувство, будто ему хотя бы
всучить поддельные бумажки.

— Можете химичить, — твердо сказал Андрей, — а
я этих денег получать не буду. Я приехал сюда чест-
но зарабатывать. Да неужели вам не стыдно?! Полдня
сидели, в карты на щелчки играли, а теперь деньги
требуете.

Олега будто подбросило:

— Посмотрите на него, братцы! Ему совестно у
нашего могучего государства лишний рубль взять,
вдруг оно обеднеет или еще чего-нибудь с ним
стрясется... А ты за государство не волнуйся! —
кричал Олег. — Ему из каждой клеточки прибыль
капает.

— С таких, как ты, закапает, — ответил Андрей, надевая брезентовку.

— Послушай, солдат... — К Андрею как-то боком подошел Кешка. — За старое я с тобой счеты сводить не буду. Но за общее дело, за финансы... Задуш.

— Руки коротки, — просто ответил Андрей.

— Мы же не виноваты, что бетона не было, что нас на эту работу бросили, — как бы оправдываясь, сказал Петр.

Андрей натянул брезентовку и ушел.

— Зря отпустили! — сказал Кешка, циркнув слюной. — Прочитать бы его как следует. Подкинули нам в звено кореша...

12

Андрей решил идти в поселок пешком. Он шагнул по пыльной гравийной дороге, которая уходила в тайгу. Все вокруг носило следы недавно начатой гигантской стройки. На обочине стояли поваленных деревьев, горы земли, сдвинутой мощными тракторами во время прокладки дороги. Электрические провода еще не укреплены на постоянных опорах, а пока зацеплены за сучья высоких сосен.

По дороге мчатся самосвалы. Одни везут бетон, другие кирпич. Они проносятся мимо, обдавая пылью.

Пожалуй, никогда еще у Андрея не было такого удрученного состояния, как сейчас. Приехал зарабатывать деньги. Заработать не может! С людьми подружиться тоже не умеет. Он чувствовал себя чужим здесь.

Всегда, во все времена жизни рядом с Андреем были друзья. В школе ребята, дома отец. Бывало, Андрей придет после уроков и рассказывает отцу обо всем, что случилось за день. Отец слушает, по-дружески советует, как лучше поступить, если речь идет о чем-то сложном.

В армии тоже были хорошие ребята. В тяжелых походах каждый готов был помочь товарищу — жили одной жизнью.

Андрей опять посмотрел на поваленные деревья, лежащие вдоль дороги. Сучья на них еще не были обрублены. Казалось, что здесь прошел невиданной силы ураган. «Может, лучше было не спорить с ребятами? Получили бы на два рубля больше... Сегодня на два рубля, завтра на три рубля... Нет, не нужны мне жульнические деньги».

«Четвертак», идущий сзади, звонко посигналил. Андрей только сейчас заметил, что шагает посередине дороги.

— Пьяный, что ли? — крикнул водитель и остановил машину.

— Трезвый.

— Садись, подвезу, если трезвый.

Андрей залез в кабину и удивился, что сидит так высоко. Все кругом — как на ладони.

— Слушай, а я тебя где-то видел, — сказал водитель.

Андрей посмотрел на шофера, и лицо его показалось знакомым.

— Ты из армии?

— Да.

— На Камчатке был?

— Верно!

— И я там служил. Только в другой части. Да разве ты меня не помнишь? На маневрах прошлой осенью... Я на установке шоферил... Моя машина в овраге застряла. Ты со своим отделением неподалеку

оказался. Вы колею прорывали. Помогали мне справиться.

— Ну, конечно, помню, — обрадованно воскликнул Андрей. — Ты тогда был такой перепуганный.

— Будешь перепуганным, — смеясь, ответил шофер. — Это тебе не грузовик с камнями, а боевая машина. Попал тогда одним колесом в канаву. Лейтенант кричит. А у меня руки и ноги дрожат.

Он весело смеялся, и у Андрея на душе полегчало. Этот веселый парень с озорным, курносим лицом казался ему сейчас добрым, старым знакомым.

— Как зовут тебя? — спросил Андрей.

— Васюта!

— Меня Андрей.

— Видно, только что прибыл? — сказал Васюта. — А я приехал сюда по комсомольскому набору. Еще в марте. Ты городской?

Андрей кивнул.

— Правильно сделал, что приехал. Стройка гигантская! Могучую сибирскую реку перегорим. Тысячи кубов земли перебросим с одного места на другое... Тут глухомань была, а сейчас асфальтированную дорогу тянут, линию электропередачи... В поселке дома каменные, девятиэтажные. А техника здесь какая! Фантастика.

Андрей кивнул в знак согласия.

— Из разных городов оборудование идет, машины, — продолжал Васюта. — Каждый день о нас в газетах пишут. А вокруг красота! Охота и рыбалка — такое во сне не увидишь! — Васюта взглянул на Андрея и спросил: — А почему грустный?

— Поругался я с ребятами!

— Из-за чего? — спросил Васюта.

— Работают шалей-валей, — сказал Андрей. — А деньги им давай. Требуют у учетчицы липовые наряды. Ну, я им заявил, что таких грязных денег мне не надо.

— Правильно сделал! — сказал Васюта. — Не от тебя первого такое слышу. Всякие понаехали. С ними драться приходится.

Лицо Васюты, минуту назад озорное и веселое, стало жестким, губы плотно сжались, и на скулах заиграли желваки.

— Правильно сделал, — повторил Васюта. — И не бойся. На стройке много настоящих парней. Тебя поддержим, в обиду не дадим.

Некоторое время они ехали молча. Монотонно гудел мотор. Дорога бежала вдоль берега реки. Вдалеке у самой воды показались несколько брезентовых палаток.

— Это «деревня Тербиловка», — сказал Васюта и взглянул на Андрея. — Ребята женились, поставили себе по отдельной палатке и теребят начальство: «Давай комнату в общежитии». — Васюта засмеялся, и опять его лицо приняло прежнее веселое выражение.

За следующим поворотом показались небольшие деревянные домики на берегу.

— Это «деревня Нахаловка», — продолжал Васюта. — Женатые ребята ждали, пока дадут жилье, и не дождались. Без разрешения властей, так сказать «нахально», захватили участок земли, напилели лес и соорудили эти домики. Так и прозвали — «Нахаловка». Тут у нас свадьбы частенько бывают. «Парней здесь много холостых...» — пропел Васюта. — И девушки хорошие есть. Только жениться пока рано. Вот отгрохася электростанцию, тут неподалеку заводы будут: алюминиевый, вагоностроительный, лесопромышленный комплекс. Представляешь: ты рабочий высшего разряда на алюминевом. В субботу закатаешься на рыбалку или охоту... Дело!

Начались повороты. Васюта крутил баранку, не спуская глаз с дороги, она шла вниз к берегу Ени-

ря. Здесь вдоль отвесной скалы прокладывали дорогу дальше. На небольшой площадке груженные «четвертаки» разворачивались, подъезжали задом к самому краю насыпи, сбрасывали груз в воду, и еще один метр будущей шоссейной дороги поднимался над водой.

Васюта дождался своей очереди. Он осторожно подавал машину назад. Девушка в красном платочке с поднятой рукой стояла на берегу. Как только задние колеса «четвертака» достигли края насыпи, девушка махнула рукой и звонко крикнула «стой». Визгнули тормоза, и «четвертак» остановился как вкопанный.

Кузов стал медленно подниматься, куски породы и земли с шумом полетели в воду.

— Привет, Оля! — крикнул Васюта, свалив груз.

— А это кто с тобой? — спросила девушка.

— Новенький. Солдат Андрей!

— Симпатичный! — крикнула девушка.

— Верно. Плохих не возим.

Машина легко пошла в гору, миновала крутые повороты и выехала на прямую.

— Слушай, дай порулить! — попросил Андрей.

— Если ездил, так что ж, валяй, — сказал Васюта.

Андрей не поверил своим ушам. Он попросил об этом, не надеясь всерьез, что ему будет позволено сесть за баранку. Он всего раза два управлял грузовиком. Конечно, не таким большим.

Но Васюта уже остановил машину, подвинулся, уступая свое место. Андрей обехал вокруг грузовика, сел и, когда взялся за баранку, почувствовал, что ладони у него стали мокрыми от волнения.

Андрей нажал на газ, но, видимо, сильнее, чем надо, и мотор дико взревел.

— Потихе! — прикрикнул Васюта.

Волнение росло. «Раз, два, три, четыре, пять, шесть...». Отец учил его так: когда волнуешься и не уверен в себе, считай до шести. Это правило отец привез с войны, где он был сапером.

Андрей досчитал до десяти, выжал сцепление, включил скорость. Машина рванулась вперед и покачалась по дороге.

— Ну, ты даешь! — сказал недовольно Васюта.

Дорога была прямая. Но Андрей не мог удержать руль в одном положении. Машина виляла то влево, то вправо.

Васюта схватил одной рукой баранку.

— Что ты ее крутишь! — закричал он. — Дорога прямая. Руль свободнее держи. Вцепился в него, аж руки посинели.

Андрей немного расслабил пальцы, опять ощутив мокрые ладони. Машина пошла ровнее.

— Включай вторую скорость, — приказал Васюта.

Андрей переключил скорость. Получилось удачно.

— Ну, вот видишь, молодец! — подбодрил его Васюта и снял руку с руля.

На второй скорости машина покатила быстрее. Может быть, от этого она пошла ровно, не виляя.

Андрей увидел автобус, идущий навстречу, и снова крепко вцепился в руль... Этот автобус, как магнит, притягивал его взгляд. Андрею казалось, что нельзя разминуться с ним, что дорога слишком узка, что обязательно его огромный грузовик заденет автобус.

Машины благополучно разминулись.

— Вот теперь я вижу, что ты водил машину, — сказал Васюта. — А поначалу я даже испугался. Зачем, думаю, дал баранку. А ну, притормози!

Андрей выжал сцепление и нажал на тормоз.

— А теперь поезжай! — сказал шофер.

Андрей включил первую скорость, и машина без рывка покатила вперед.

— Хорошо, — похвалил Васюта. — Останавливай. Приехали.

Андрей вылез из кабины и почувствовал, что рубашка на спине мокрая.

— Спасибо, — сказал Андрей. — Общежитие рядом. Я пешком дойду. Ну, а если еще встретимся, порулить дашь?

— Приходи, — согласился Васюта. — Вдвоем веселее. А то целый день один, поговорить не с кем. Будь здоров. И, главное, не робей! Ты в каком бараке живешь?

— Во втором!

— Увидимся! — крикнул Васюта и помахивая на прощание.

13

На стройке не только трудятся, но и веселятся. Ребята частенько по вечерам жгли костры, пели и даже танцевали на какой-нибудь небольшой полянке.

Костер разжигали неподалеку от барачных поваленных деревьев служили скамейками. Собирались парни и девушки. Кто-нибудь обязательно приносил гитару.

Андрей вышел из общежития, увидел недалеко такой костер и остановился в нерешительности. Делать вроде было нечего, и к костру идти не хотелось. Там, наверное, сидят и ребята из его звена. Встречаться с ними после сегодняшнего ему не хотелось. Андрей сел на скамейку у входа в барак и закурил.

— А-а, товарищ из народного контроля! — услышал Андрей насмешливый девичий голос. — Скушаете?

— Ничего подобного! — ответил Андрей. — Сиж, отдыхаю, курю.

Андрей не сразу узнал Зину. На ней вместо спецовки легкое платье, волосы гладко зачесаны. Правда, и сейчас она чем-то похожа на мальчишку.

— Между прочим, курить приятнее у костра, — сказала Зина.

— Не хочется.

Зина села рядом.

— А вообще ты, парень, молодец. Ты мне нравишься. Не часто такие встречаются.

Андрей курил и молчал.

— Небось, сегодня ты обо мне плохо подумал? — спросила Зина. — Этакая добренькая фея за государственный счет! — Она вздохнула и сделала паузу, видимо, ожидая, что Андрей выскажется. Но он по-прежнему молча курил и смотрел в темноту. — Конечно, ребята другой раз и не виноваты, — продолжала Зина. — То материал им не привезут, то работу дадут плохую. Начнут клянуть. Вот и насчитываешь рубль туда, рубль сюда.

Андрей взглянул на Зину. Нос у нее был чуть вздернут. Наверное, это и придавало ее лицу озорное, мальчишеское выражение.

У костра зазвучала гитара. Чей-то высокий девичий голос запел «Русское поле»... Странно звучала эта песня здесь, в сибирском краю. Рядом течет могучая река, зажатая высокими каменистыми берегами, в небс упираются сопки. А песня о широком приволье, о неоглядном русском поле...

— Пойдем к костру, — предложила Зина.

Они подошли к огню и сели на поваленное дерево. Тут были Кешка, Олег, Петр и знакомая уже Андрею Оля.

— Смотри, братва! — воскликнул Олег. — Наш солдатик с Зинойчкой подружился. Теперь ему любые наряды обеспечены!

— Не нуждается он в липовых нарядах,— сердито оборвала Зина.

— Ой, скучно! Рубли, наряды! Хочется чего-нибудь для души,— сказала Оля.— Петя, почитай свои стихи. Андрей думал, что Петр будет ломаться. Но он сразу же встал, подошел к огню, встряхнул головой, откинув волосы назад, и, резанув в воздухе кулаком, начал:

Дороги бывают разные:
Звонкие, серебристые...
Бывают дороги праздные —
Ослепительно чистые,
А есть дороги рабочие,
Шершавые, как ладони,
Без знаков и без обочин,
Без праздничного раздолья,
Они извиваются, гнутся,
То вниз, то вверх улетают,
На них нельзя поскользнуться,
Стойкость на них обретают.

Прочитав последнюю строфу, Петр взмахнул сжатой в кулак рукой, будто хотел поставить точку.

— А все-таки ты, Петя, болтун,— сказал Олег, и Андрей только сейчас понял, что Олег уже успел хлебнуть спиртного и потому готов ввязаться в любой спор.— Одно слово к другому складно приставляешь, а сам не веришь в то, что говоришь.

— Верю.

— Значит, тебе больше нравятся дороги без знаков и без обочин?

— Трудная дорога всегда интересней, чем исходившая.

— Кореш, хреновину порежь,— крикнул Кешка.
— Он романтик! — сказал Олег.

— Ты, по-моему, даже не знаешь, что такое романтика,— усмехнулся Петр.

— Знаю,— ответил Олег.— Это пустое слово! Его по радио часто повторяют.

— Романтика — хорошее слово,— вмешался Андрей.— Это то, что возвышает человека.

— Правильно! — поддакнул Кешка.— Романтика — это когда с приятной подружкой можно выпить, пожарить и хорошо повеселиться.

— Эх, Кешка! — сказала Зина.— Выше самого себя ты подняться не можешь.

Кешка и Олег недоуменно переглянулись. Смысл слов Зины до них, видимо, не дошел.

У костра появился Васюта.

— Скучаете?! — весело крикнул он.— Загадать вам загадку? Что такое СНИП?

— Строительные нормы и правила,— ответил Петр.

— Смех необходим и полезен — вот что такое СНИП. А ну, друг,— обратился Васюта к Кешке, рядом с которым лежала гитара,— сыграй, чтоб потанцевать можно было!

Кешка взял гитару, ударил по струнам и запел: «Выхожу один я на дорогу»...

— Я просил тебя другое, для танца,— перебил его Васюта.

— А я не лабух! Понял? Я по заказу не играю. Я для своей многострадальной сиротской души исполняю...

— Ой, Кеша,— воскликнула Оля, которая собралась уже танцевать с Васютой.— Мы тебя просим!

Кешка стал нехотя наигрывать какую-то непонятную мелодию. На поляну вышли Васюта и Оля. Они немножко отступили друг от друга и, поймав ритм, стали танцевать, вздрагивая плечами, делая резкие движения руками, согнутыми в локтях. Красные языки костра выхватывали их лица из темноты. Казалось, что танцует не шофер Васюта и не веселая девушка Оля, а какие-то пещерные жители, обитавшие прежде в этих глухих лесах.

Зина дотронулась до руки Андрея, и они пошли танцевать. Танцевали просто, «по-старинному». Андрей вспомнил Лену. Она танцевала, откинув назад голову, ее легкие светлые волосы спадали на плечи. Танцуя, Лена смеялась и бросала взгляды вокруг, как будто говорила: «Смотрите, какая я красивая...»

Зина, маленькая, черноволосая, ничем не напоминала Лену, разве что таким же умением улавливать каждое движение партнера. Она не откидывала голову, как Лена. Лицо ее было обращено в сторону Андрея, глаза смотрели так доверчиво...

— Ладно! Пташечки, деточки, хватит! — сказал Кешка, оборвав игру. — Я вам не духовой оркестр. Андрей слегка пожал руку Зины, они присели рядышком у костра.

Андрей заметил, как к Кешке подошел Олег и вынул из кармана бутылку и стакан. Зубами он сорвал с бутылки пробку и налил.

— Представление продолжается! — весело крикнул Васюта. — А ну, Петька, снимай пиджак.

Петька снял пиджак.

— Сейчас в подзорную трубу новой конструкции, — объявил Васюта тоном бывшего конференсье, — начнется разглядывание спутника Земли и звезд, в том числе созвездия Кассиопея, приносящего людям счастье. Оля первой изъявила желание посмотреть в нашу подзорную трубу и получить свою долю счастья.

Оля послушно встала, опустила руки по швам и устремила глаза к небу. Васюта и Петька накиннули на голову Оли пиджак и вытянули один рукав к небу, как подзорную трубу.

— Ой, как здорово, мальчики! — воскликнула Оля. — Все видно, как в настоящую подзорную трубу. Вижу Большую Медведицу. Ура!

— Смотри правее, увидишь Кассиопею!

— Вижу, вижу! Ой, здорово!

— Ну хватит! Следующий, — торжественно возвестил Васюта.

На голову Андрея накиннули пиджак. Он взглянул на небо. Действительно, красиво. В рукав, как в подзорную трубу, был виден кусочек неба. И, казалось, небо ближе и звезды светят ярче.

Ребята не заметили, как к Андрею подошел Кешка со стаканом в руке. Кешка поднял стакан и вылил воду в рукав.

Андрей вынырнул из-под пиджака. С его лица стекала вода.

— С неба капелька упала! — сострил было Олег, но тут же замолчал.

— Это ты пошутить вздумал, Кешка? — Голос Васюты звучал угрожающе.

— Пошел-ка ты, знаешь, куда! — огрызнулся Кешка.

— А вот мы сейчас покажем небо тебе, — сказал Петр.

Петр и Васюта шагнули к Кешке. Тот насторожился, будто кошка, готовясь к прыжку. Одна рука его незаметно скользнула в карман. Он выхватил финку, нажал кнопку, и в свете костра сверкнуло лезвие.

— Спрячь свою игрушку! — спокойно сказал Петр. — Все равно пиджак на голову наденем.

— Не подходите, гады! — прошипел Кешка, отступив еще дальше в темноту.

Петр резко шагнул и схватил Кешку за руку, в которой был нож, только теперь Андрей понял, какая сила у Петра. Кешка извивался, как вьюн, а вырваться не мог. Петр словно железными клещами сжимал его руку. Нож выпал. Васюта поднял его и забросил далеко, в лес.

Васюта вынул из кармана Кешки пустой стакан и попросил Зину зачерпнуть воды в луже.

Кешка извивался, пытаясь ударить Петра, и кричал:

— Перебью! Вы еще узнаете на своих рожах мой почерк. — Кешка широко открывал рот и бросался на Петра с криком: — У-у, гад, нос откушу!

— Товарищи, — как можно спокойнее сказал Васюта, схватив Кешку за вторую руку. — СНИП продолжается. Сейчас мы будем показывать звездное небо нашему уважаемому бетонщику Былову.

Васюта и Петр ловко накиннули на голову Кешки мокрый пиджак. Петр поднял вверх рукав, а Васюта взял у Зины стакан с водой и сказал:

— Внимание! Прежде чем показать товарищу Былову ночное небо, мы промоем линзы нашей подзорной трубы!

Васюта лил воду потихоньку, а Кешка громко ругался.

Ребята смеялись. Девушки стояли, зажав уши.

14

Когда Лена пришла домой и объявила матери, что поедет к Андрею на стройку, Тамара Олеговна всплеснула руками и ужаснулась:

— На стройку?! Ты с ума сошла! Ты знаешь, какие там люди!

— Нормальные люди! Такие же, как Андрей!

— На стройку не поедешь, — твердо заявила мать.

— Поеду!

— А я сказала, нет! Отец достанет тебе путевку в пансионат, вот туда и поедешь!

— Меня просила съездить к Андрею Полина Ивановна. Всего на один день. Поговорю с ним и тут же обратно.

Тамара Олеговна знала, что мать Андрея очень больна, и ей показалось неловким продолжать спор с дочерью.

— Если ты настаиваешь, пусть решает отец.

Отец разрешил Лене съездить на строительство и даже сам проводил на поезд, который отправлялся в десять вечера.

Как только поезд тронулся, Лена разложила постель, залезла на полку, но долго не могла уснуть.

Она ворочалась с боку на бок, натягивала на голову одеяло, закрывала глаза, — ничего не помогало. Думала о будущей встрече с Андреем, пыталась представить его лицо, улыбку, но знакомые черты расплывались, а перед глазами с удивительной ясностью проступала брезентовая роба и большие жесткие рукавицы. Это видение напоминало неуклюжего робота без голозы.

Тогда она попробовала представить себе Андрея не в рабочей робе, а в модном костюме, с широким цветастым галстуком. Но в таком виде перед ее мысленным взором он скорее походил на Грешу, чем на самого себя.

Андрею больше шли рубашка с расстегнутым воротом или свитер, который бы не сковывал движений его сильного тела. Лена с улыбкой вспоминала, как в десятом классе какой-то мальчишка случайно

толкнул ее и не извинился. Андрей поймал этого парня, схватив за шиворот, приволок и заставил просить прощения.

...Наконец Лена уснула. Но и во сне она видела Андрея. То он представлялся ей в брезентовой робе, то в костюме с галстуком, то в свитере. Лене хотелось разглядеть его лицо, но черты лица расплывались, как на плохой фотографии.

Лена проснулась с головной болью. Она потерла виски и посмотрела в окно. Светало. Все выше поднималась белая дымка тумана, обнажая сопки и скалы. Казалось, что серые каменные уступы таинственно возникали из тумана.

Глядя на это чудо, Лена подумала, что Андрей отличается от многих ребят не только силой и решимостью, но и какой-то своей необыкновенностью. Андрей, которого она, казалось бы, так хорошо знает, — до сих пор не совсем ей понятен. Она бы не смогла точно сказать, как он поступит сегодня, что предпримет завтра. Это, наверное, и влекло ее к Андрею.

От железнодорожной станции до стройки Лена ехала на автобусе. Когда автобус остановился, шофер весело крикнул:

— Станция Березай, кому надо, вылезай, — и добавил: — Дальше автобус не пойдет.

Лена посмотрела в окно и увидела несколько деревянных барakov на горе и десяток больших палаток, которые стояли в ряд и напоминали военный лагерь. На маленькой площадке, где остановился автобус, не было ни души. Лена вышла из автобуса и присела на скамейку.

Так она прождала довольно долго, но никто не появлялся. Тогда она подошла к шоферу, который,

закончив осмотр мотора, старательно вытирал руки ветошью.

— Вы не знаете, случаем, Ермакова? — И тут подумала, что на стройке может быть много Ермаковых.

— А какой он из себя, ваш Ермаков? — весело спросил шофер.

— Высокий. Волосы у него вьются. Он из армии.

— Андрей?!

— Точно! — обрадовалась Лена.

— Сапоги!

— Какие сапоги? — удивленно переспросила Лена.

— Резиновые! — шофер усмехнулся.

— Не понимаю!

— Ваш Андрей в бетоне тонул. Его краном вытащили, а сапоги навеки остались в теле плотины. Он теперь историческая личность. Его прозвали «сапоги».

— Лучше бы показали, где он живет, — недовольно сказала Лена.

Шофер смутился, видимо, не ожидая упрека.

— Идите вон в тот барак. — Он указал рукой. — Может, там кто есть, вам скажут, где его найти.

Лена пошла к барaku. Сегодня в поселке было малолюдно, потому что комитет комсомола призвал молодежь на воскресник в соседний подшефный совхоз. Там требовалось срочно выкопать силосные ямы. Отправились рано утром на совхозных грузовиках.

Из пятой комнаты на воскресник поехали трое — все, кроме Кешки. Он прикинулся больным, лежал на кровати одетый и колечками пускал дым к потолку.

Кешка презирал общественную, шефскую и вообще всякую дармовую работу. Работаю—плати! Сегодня ему особенно не хотелось ехать, потому что Оля в три часа дня кончала дежурство на створе. Кешка надеялся уговорить ее пойти с ним на реку.

Оля нравилась Кешке, но добиться ее расположения ему до сих пор не удавалось. Вихрастый Васюта стоял на его пути. Уж очень он бойкий, этот парень, как бы немножко поубавить ему веселости, набить бы морду, что ли! Опасно, здоровый черт. Да еще Петр на его стороне и этот новый молодчик из армии.

Злость подступала к горлу. Кешке подумалось, что Оля не придет со створа в три часа. И он должен будет лежать целый день и злиться. Он закрыл глаза. Оставалось одно: поспать.

В этот самый момент Лена постучала в дверь.
— Войдите!

Кешка приподнялся с постели, посмотрел на это странное видение и протер глаза. Но видение не исчезало. Тогда он поверил, что эта красивая девушка существует на самом деле.

Кешка вскочил с кровати и, отвесив низкий поклон, подошел к Лене стул.

— Прошу садиться.

— Мне нужно увидеть Андрея Ермакова.

— Затруднительно! Но не исключено.

«Вот это краля»,— подумал он про себя.

— Вы работаете вместе с Андреем?— присаживаясь на стул, спросила Лена.

— Бок о бок трудимся. Андрюха! Кореш!

— Когда он придет?

Кешка бросил на пол окурки и каблуком раздавил его.

Лена смотрела на Кешку, на его хищный с горбинкой нос, на его глубоко посаженные маленькие глаза, на его тонкие губы, кривившиеся в хитрой ухмылочке.

— Скоро придет Андрей?— повторила Лена свой вопрос, превозмогая неприязнь, сразу же возникшую у нее к этому парню.

— Андрюха с друзьями отбыл в соседнюю деревню.—Кешка резанул Лену своими острыми, как бритва, глазами.— Отправился за самогонкой,— добавил он.— Мы желаем в воскресенье сердцу дать толчок. А водку в воскресенье не продают. Значит, надо бежать в деревню за самогонкой.

Кешка подошел к другому стулу и уселся рядом с Леной. Она сразу же почувствовала запах табака и винного перегара.

— Ты фатовая девочка. Где такую нашел мой дружок?— Кешка попытался было дотронуться пальцем до ее подбородка. Но Лена оттолкнула руку.

— Вы лучше сядьте подальше,— сказала Лена.— А то так получите, что долго будете помнить.

— Ты, наверное, полагаешь, что твой Андреечка тебя ждет? Тут у нас своих девок навалом.

Кешка закурил и пустил белое колечко к потолку.

— Это меня не интересует. Я вас еще раз спрашиваю: когда вернется Андрей?

— Когда рак свистнет!— Кешка пустил к потолку несколько колец.

— Где его место?— спросила Лена.

— Вон у окна!— Кешка нарочно показал на койку Олега.— Желает прилечь? Это очень хорошо.

Лена вынула из чемоданчика сверток с кулебякой, которую испекла для сына Полина Ивановна, и положила его у изголовья.

Кешка бросил на пол сигарету, по-кошачьи тихо шагнул к Лене и обхватил ее сзади. Лена резко повернулась и сильно ударила Кешку локтем в грудь.

— Отпусти, негодяй!— возмущенно закричала она, вырвалась и выбежала за порог.

— Ну и ладно! Не очень-то нужно! Много из себя изображаешь,— проворчал Кешка, когда Лена скрылась за дверью.

Выйдя из общежития, Лена села на скамейку и приложила ладони к горящим щекам. Солнце жарко палило, а ее бил озноб. И зачем только приехала сюда! Мучилась и корила себя за встречу с Гришей! Гриша ей представлялся сейчас прекрасным, тонким и умным человеком.

Лена не заметила, как к ней подсел шофер.

— Нет его?— спросил он. И сам же ответил:— Наверное, вместе со всеми в деревню уехал. Будете ждать?

— Когда отходит автобус?— не отвечая на вопрос, отрывисто бросила Лена.

— Через полчаса.

— А у вас клочка бумаги чистой не найдется?— попросила Лена.— Записку написать.

Шофер вырвал из блокнота листок бумаги и дал ей карандаш.

«Здравствуй, Андрей»,— вывела она и почувствовала, что руки у нее дрожат и она не в силах писать дальше.

— Дайте закурить,— попросила Лена.

Шофер дал ей сигарету, зажег спичку. Лена курила всего несколько раз в жизни— так, для фасона. А сейчас она жадно вдыхала дым, успокоиться бы только, скорее бы прошел этот нервный озноб и дрожь в руках.

Она бросила сигарету и минуту сидела неподвижно.

Шофер терпеливо ждал.

«Очень жалею, что не застала тебя»,— написала Лена уже более спокойной рукой.— Хотелось о многом поговорить. Я сдала экзамены, перешла на четвертый курс. Твоя мама очень волнуется. Она просит тебя вернуться. Она права. Ты еще успеешь сдать вступительные экзамены. Подумай об этом серьезно. Оставаться здесь не могу. В понедельник обещала быть дома. Да к тому же у тебя такой дружок, от которого чего хочешь ожидать можно. Мама прислала тебе кулебяку.

Желаю успеха
Лена».

«Не так написала, надо бы с возмущением, обидой. Ну, да ладно»,— подумала Лена и ничего не стала переделывать.

Лена сложила листок треугольником и, подписав «Андрею Ермакову», отдала письмо шоферу.

— Передайте Андрею!— попросила она его.

(Окончание следует.)

Музафер Дзасохов

Перевел
с осетинского
Л. ШЕРЕШЕВСКИЙ.

Сердце сердец

Пословиц мудрый смысл
глубок и нерушим:
есть солнце среди солнц,
вершина среди вершин.
Есть глубь среди глубин,
есть море из морей,
меж певчих птиц лесных
всех звонче соловей.
Без почек нет листов,
нет башен без основ,
нет без подножий гор,
нет без значенья слов.
Есть чудо из чудес
в сказаньях древних лет,
среди горских удалцов
отважный нарт воспет.
Не могут вырастать
без завязей плоды,
деревья — без корней
и рыбы — без воды.
Всему начало есть,
но вечен жизни ход:
пусть смертен человек —
неистребим народ!
Старейший есть в семье,
мудрейший есть в селе,
есть родина у всех,
живущих на Земле.
Россия в мире есть —
навек верен ей
незыблемый союз
народов и людей.
Глубок пословиц смысл,
сказал народ-мудрец:
есть солнце среди солнц,
есть сердце у сердец!
Народов сердце ты,
о партия моя!
И Ленин вечно жив:
он в сердце у тебя!

Слава

Вещи храним,
бережем аккуратно,
чтоб не легли на них
грязные пятна,

Вещи спасаем
от порчи, от пыли,
чтобы, как стеклышко,
чистыми были.
В гости ль, на свадьбу ль
явиться мы рады,
самые лучшие
выбрав наряды.
Вещи усердными
чистим руками,
чтобы не вызвать
ничьих нареканий...
Но не забыть бы
за той суетою
нам за душевной
следить чистотою.
Чтобы дела наши,
мысли и нравы
окрыжены были
доброю славой!
Если ты с долгом и честью
не ладишь,
то никаким утюгом
не отгладишь!
Если на совести
дело дурное,
то никакой
не отмоешь водою!
Лживое ль слово,
поступок ли низкий
ты ни в какой
не исправишь химчистке!
Вещь — она что!
Не тряситесь над нею:
добрую славу
сберечь потруднее.
Шапку износишь —
другую наденешь.
Сердце ж — одно!
Чем его ты заменишь?

Диомид Костюрин

Старт

Как просто покидают люди дом,
Как просто держат путь на космодром.
В автобусе то шутят, то поют,
Как просто четкий рапорт отдают.

Как просто и легко звучат слова,
 Как просто — птицы, небо, синева,
 Как просто лифт проходит вдоль опор.
 В последний раз рукой махнул дублер,
 И перекрыл другие звуки звук,
 Когда закрылся по команде люк.
 И миг, как день, а час, как целый год.
 Как просто: «Пять, четыре, три...» — отсчет.
 И с грохотом уходит вниз Земля,
 И ожили системы корзбля.
 Прощаясь, замер пыльный космодром.
 А музыка!.. Она звучит потом.

Плотогоны

Горячим днем зеленым
 Сквозь бурный непокой
 Летели плотогоны
 Взбешенною рекой.

Весна во всем размахе
 Брала свое вдвойне.
 Веселые рубахи
 Вдудуались на спине.

И ветер запаленный
 Кричал о чем-то им.
 Смеялись плотогоны,
 Был каждый молодым.

Им нравилось их дело —
 На пьяной влаге взлет,
 И как волна гудела,
 И как качался плот,

И как с коротким взвизгом
 От острого багра,
 Светясь, взлетали брызги,
 Как искры с топора.

И как струной звенела
 Взыренная струя,
 И как на них глядела
 Любимая моя.

Когда сгорит последний лист,
 И облетит осинз,
 И воздух станет тих и чист,
 И четче след лосиный,

И жестче бледная вода,
 И гул дождей бессонней,
 И будут реже невода
 И толпы на перроне,

И будут внятней холода,
 И даль полей туманней,
 Когда тревожны города
 И тени на поляне,

И сумерки в ночном окне,
 И где-то всплески шума,—
 Подумай тихо обо мне,
 Хотя бы раз подумай...

Нормурад Нарзуллаев

Перевел
 с узбекского
 Р. ФАРХАДИ.

Облака

Над лугом плыли облака.
 Сияли белые бока.
 И вот уж ливень проливной
 Промчался мимо, как шальной.
 Трава шуршала, молода.
 На водопой брели стада.
 Я был у чабана в гостях.
 Ел хлеб и сыр и пил каймак.
 Раскрыт был щедро дастархан —
 Яств бесконечный караван.
 И плыли чаши молока,
 Напомявая облака.

Голос тишины

Если долго слушать тишину
 В час, когда все предано покою,
 Постигаешь неба глубину
 С глубиной незримой земною.
 Слышен четко голос тишины
 Посреди садов большой долины.
 Горизонты дальние видны,
 И светлеют темные глубины.

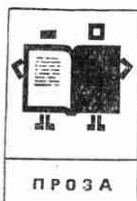
Луч улыбки

Ты, родная, хмуришь брови,
 Словно месяц в сонме туч.
 Дождь польется. Час не ровен...
 Где твоей улыбки луч!

Ни минуты мне покоя —
 Только не устану я.
 Если потечешь рекою,
 Берегами стану я.

Ветерком умчишься к полю,
 Тополя — судьба моя.
 Изойдешь горячей болью,
 Исцеленьем буду я.

И когда ты смотришь хмуро,
 Я срываюсь с горных круч...
 Жду, когда наступит утро.
 Где твоей улыбки луч!

ПРОЗА

СЕРГЕЙ
ОСТРОВОЙ

КИКИМОРА

РАССКАЗ

Рисунки
Р. БОЧЕНКОВОЙ.

Она была так некрасива, что в комнате, где она жила, никогда не было зеркала. С детских лет устала она от того, что люди постоянно преследовали ее своим вниманием. Как благодарна она бывала тем, кто, проходя мимо, не глядел на нее, не оборачивался вслед. Но ведь люди на свете бывают разные — добрые и злые, грубые и деликатные. Часто ей приходилось слышать по своему адресу:

— Бедняжка... Вот уж не приведи господи! Или:

— Уродится же такая... Как ее только земля носит.

Первое время она ругалась, скандалила. Ее поднимали на смех. Она прибежала домой, зарывалась в подушку. Долго и судорожно плакала. Приходила со службы тетка, у которой она жила, журила ее:

— Ну чего ты... Мало ли дураков на свете! На всякий чих не наздравствуешься.

Потом, когда стала старше, она уже перестала ругаться. Проходила в таких случаях мимо. Как будто это ее не касалось совсем. Сдержаться было так же трудно, как обжечь руку и не вскрикнуть. Она научила себя молчать, внутренне напрягаясь до боли. И молчала. Только каждый раз становилась после этого угрюмее и взрослее.

Я вообще заметил, что некрасивые люди взрослеют раньше красивых. Но живут дольше.

В пятнадцать лет Анечка впервые влюбилась. Однажды на уроке она написала записку. Ответ пришел тут же. В нем стояло всего одно слово: «Кикимора!»

Мальчишка показал ее записку всему классу. Над Анечкой стали смеяться. Чтобы не заплакать, она тоже стала смеяться. Вместе со всеми. Потом, когда уже кончили смеяться, Анечка долго еще не могла остановиться и все смеялась... смеялась...

С тех пор она стала замкнутой. Перестала ли она любить? Нет, была влюбчивой и чувствительной по-прежнему. Ей нравилось плакать в одиночку, придумывать всевозможные несчастья и ужасы. Часто ей хотелось притвориться покойницей, чтобы все вокруг стали ее жалеть и сокрушаться. А она будет лежать в гробу и все видеть и слышать. Потом, когда все наплачутся и нагорюются, она выскочит из гроба, хлопнет в ладошки и громко закричит:

— А вот и нет! А вот и нет!

Особенно ей хотелось напугать тетку, которая, в сущности говоря, ничего, кроме добра, ей не сделала. Тетка была человеком твердым, кремневым. Никто никогда не видел ее слез. Может быть, именно поэтому и хотелось, чтобы она заплакала.

Мстительность и жестокость не сразу выстудили характер Анечки. В детстве она была доброй и мягкой девочкой. Но даже земля, у которой внутри крокошет огонь и которая в миллион раз больше Анечки, — даже она покрывается ледяной коркой. Сердце Анечки сжималось, черствело, становилось каменным.

В швейном ателье, где она работала, заказчицы старались попасть к другим мастерицам, хотя она умела и выбрать фасон и оригинально сшить платье. По вечерам, когда ателье уже закрывалось, одиночество начинало разъедать душу с особенной силой. Это повторялось каждый раз, изо дня в день. Все

куда-то сразу начинали спешить—кто к семьям, кто к заждавшимся женихам. И только одна Анечка никуда не спешила. Да ей и некуда было спешить. Тетке ее, так же, как и всему остальному человечеству, было глубоко безразлично, придет ли она домой вовремя или вообще не придет.

Больше всего любила Анечка именно эти вечерние часы. В душе ее странно уживались две, казалось бы, совершенно несовместимые вещи: страдание от одиночества и постоянное желание побыть одной. Нетерпеливо ожидала она минуты, когда сторож накинёт на дверь большой железный крюк и в ателье придет устойчивая и ясная тишина. Хорошо чувствовать себя царицей этой тишины. Каждый предмет вокруг начинает приобретать свое особенное значение. Линии, которые исчезали и растворялись в сутолоке, становились резче и заметнее в тишине. Они даже делались необычными, праздничными. Слово вещи, которых ты не замечал днем, приходили к тебе заново вечером в гости. А в гости принято ходить в лучших своих одеждах. Вот и витрина, которая днем просто напросто была обыкновенным окошком, сейчас более всего походила на маленький разноцветный теремок. По ту сторону его была шумная жизнь, был город. Здесь — теплая тишина, покой.

Анечка поудобнее вытягивала ноги, расслаблялась, словно ей предстояло сейчас плыть далеко-далеко. Швейная машина, с ее ритмичным подрагиванием, с круглыми волнами бегущего материала, настроивала на спокойный, завораживающий лад. В такие минуты физически чувствуешь, что работа именно течёт, как чистая речная вода по перекату.

Часто девчонки из ателье говорили Анечке:

— И куда тебе столько денег? Тебе что, больше других надо? На тот свет и без рубашки проскочишь. Голенькой. Весь багаж на берег останется.

Откуда им было знать, этим маленьким философам, что после кого останется? Некоторые из них — то ли от молодости, то ли от переполнявшего их счастья — смотрели на жизнь, как на разноцветные воздушные шары: и легко и красиво.

Каждый раз, по заведенному порядку, ровно в восемь часов сторож говорил Анечке:

— Ты тут посиди, а я за чайком на угол сбегаю. Тебе чего, кефиру принести? Или сырок с изюмом?

Уходил сторож всегда надолго. Анечка закрывала за ним дверь. Прислушивалась к его шагам, к вечернему городу. Наступало то время, когда улицы постепенно пустели. Люди разбредались по домам, по театрам. Жизнь как бы огораживала себя стенами, яркими окнами, крышами, замыкалась в иное, уютное пространство, отдыхала.

Тот вечер, наверное, и остался бы таким, как все, если бы резкий короткий звонок не распорол тишину. Похоже было, что кто-то рядом свирепо рвал холст. Потом еще раз. И еще. За дверным стеклом на освещенном приступке стоял высокий мужчина и что-то быстро и сбивчиво говорил. Слова его начисто гасились дверью и до Анечки не долетали. Губы его и руки беззвучно двигались, как в старинном фильме, но всем своим видом этот человек просил — даже не просил, а требовал! — открыть ему двери. Анечка отрицательно покачала головой. Тогда звонок снова заголосил, забился. Анечка сбросила с железной скобы тяжелый крюк и, нешироко приоткрыв двери, выдохнула:

— Вы что, в милицию хотите?!

— Нет, не хочу.

— А я вот сейчас позову милиционера, тогда сразу будете острить по-другому.

— Не буду.

— Это ведь вам ателье, а не дежурная аптека!

— Ателье.

— Ну и проходите мимо. Не мешайте другим работать.

Анечка рванула на себя дверь, но та не закрылась. В щели между порогом и дверью стояла нога. А над самой Анечкой нависла огромная улыбка. Она закрывала — эта улыбка — все, что находилось за нею: дома, улицу, небо. И так она была непомерна, что все впереди нее тоже становилось улыбкой. Вот незаметно для себя улыбнулась Анечка. Начали улыбаться окна, двери. Широко заулыбалась комната.

— Девушка, вы же добрый человек. Вы не захотите оставить в беде одинокого командировочного товарища. Я это сразу заметил, как только увидел вас в окне. Вот полюбуемся!

Незнакомец быстро повернулся, и Анечка увидела, как вдоль спины, почти от воротника до талии, пиджак был распорот по шву. Полосато и неприбранно лезла из пиджака подкладка. Тоскливо лохматились нитки. И хоть каждый день приходилось Анечке сталкиваться с такими вот разъятыми по частям пропорциями, особенно зло и несправедливо выглядело это все на живом человеке. Не на столе, а на человеке.

— Как же вы так неосторожно?

— Чрезвычайное происшествие. Метро. Стал выходить из вагона, а меня и прихватило. Дернулся. Потом еще дернулся. А оно по шву и поехало. Помогите, девушка.

В ателье Анечка его не впустила. По вечерам этого делать не полагалось. Да и сторож мог каждую минуту вернуться. Покуда Анечка чинила пиджак, молодой человек прогуливался по тротуару. Ему хорошо было видно, как широко и непринужденно взлетали Анечкины руки, а сама она была вся какой-то очень напряженной и вместе с тем очень легкой, будто шла по туго натянутой проволоке и ничуть не боялась упасть.

Пиджак Анечка вынесла на приступок. Передавая его из рук в руки, не удержалась, чтобы не сказать:

— В следующий раз будьте осторожнее. Не топчитесь.

— Девушка, сколько я вам должен?

Этого Анечка уже не слышала. Она снова стояла по ту сторону двери, куда слова с улицы не долетали. Видно было, как мужчина замахал руками, потом несколько раз укоризненно покачал головой и, не оборачиваясь, пошел вдоль улицы.

Сторож принес Анечке все, что обещал. Положил перед нею «Вечерку». Тщательно, как утюгом, разгладил широкой ладонью страницы. Очень любили они вместе читать загадочную колонку под названием «Справочное бюро». Каких только вопросов и ответов здесь не было! Читала обычно вслух Анечка. Сторож только широко разводил руками или произносил всего два слова:

— Надо же!..

Когда Анечка стала собираться домой, сторож сказал:

— Вот еще один день мы с тобой людям отслужили.

На бульваре жгли листья. Желтые, красные, полузеленые, они истекали горьковатым дымком, зависали в черные жгуты и легко переставали быть самими собой. Часть из них становилась воздухом, другая — землей. Анечка прошла вдоль бульвара, повернула за угол и только хотела перейти на другую сторону, как вдруг услышала за своей спиной голос:

— А я вас жду!

Не оборачиваясь, низко наклонив голову, словно боясь оступиться, она тревожно — всем телом —

дернулась вперед и быстро-быстро стала переходить улицу. На тротуаре, за ее спиной, снова прозвучал тот же голос:

— А я вас жду!

Никогда еще ни один человек в жизни не говорил Анечке таких слов.

— Вас! Именно вас!

В проходящей мимо машине она вдруг случайно увидела свое отражение. Стекло сплюснуло и надвое переломило ее силуэт, вытянуло руки, голову. И если где-то до этой секунды в ней еще теплилась искорка надежды и удивления, то тут она словно бы посмотрела на себя со стороны и ужаснулась.

— Зачем же вы так бежите? Я все равно от вас никуда не уйду.

Как она ненавидела себя за уродство, за ту непрошеную забывчивость, которая позволила ей на какое-то время думать о себе по-другому. Она ненавидела — и это было самым страшным и самым естественным — мать и отца, которых не помнила и которые дали ей жизнь.

— Не спешите, прошу вас!

Боясь оглянуться, чтобы лишний раз не показать своего лица, она вдруг резко остановилась и жестко бросила через плечо:

— Отстаньте от меня! Урод!

Почему она назвала его уродом? Это же была неправда. Это вырвалось из нее мгновенно, как выстрел в минуту опасности. После такого слова человек должен был тут же отстать, обидеться на всю жизнь. Она знала по себе. А он продолжал идти за ней. Будто это и не касалось его совсем. Так дошли они вместе до большого перекрестка. Красный огонь светофора уперся в них, как раскаленная шляпка гвоздя. Дальше идти было нельзя. Нужно было остановиться.

— Вы что, боитесь меня?

— Чего это мне бояться? Что я, не человек, чтобы всех бояться?

— А я ведь к вам с добром. Как вы ко мне, так и я к вам. Обоюдно. Такая у меня привычка — за добро платить добром.

Он уже шел с нею рядом, незаметно подстраиваясь под ее мелкий шаг. Делал он это ловко, уверенно, как будто только этим всю жизнь и занимался. Несмотря на то, что движения его были укорочены, скражены, чувствовалась в нем спрятанная сила, размещистость.

— А я, между прочим, большой руки чудак. Люблю уудить необыкновенно. Но чтобы все аккуратно, по совести. Может, оттого мне всю жизнь и везет на хороших людей. Я ведь что больше всего в человеке люблю? Ни там его глаза, ни румянец, а душу. На первое место я душу ставлю. Хотя бы и в женщине.

Яркая вспышка света больно резанула Анечку по глазам. Справа, немного отступая от тротуара в глубину небольшого садика, громко, на всю улицу кричала белая неоновая вывеска «Кафе «Жасмин». На открытой бетонной площадке народу было мало. Низкие одинокие столики напоминали добрых четырехлапых щенят, присевших в ожидании хозяина. Если бы еще десять минут назад кто-нибудь сказал Анечке, что она будет ужинать с незнакомым мужчиной за одним из этих столиков, она бы оскорбилась на всю жизнь. Да нет, этого и не могло быть. Во-первых, она еще ни разу в жизни не бывала в кафе. Эти взгляды, эти шушуканья. Ей и противно это было и не нужно.

Официант положил на столик меню. Где-то за невидимой стенкой заиграла радиолка. Мягкая, голубоватая музыка. Воля Анечки, беззащитная, нетрени-

рованная в этом направлении воля, уже незаметно для нее самой была сломлена, подчинена воле ее собеседника. А то, что в ней еще шевелилось и пыталось ей что-то подсказать, было уже не волей, а скорее всего просто любопытством.

Когда официант, ловко играя подносом, уже отошел от их столика, Анечкин спутник сказал:

— Вот теперь в самый раз и познакомиться! Зовут меня Михаил Николаевич. А попросту — Миша. Имя в наше время весьма и весьма редкое, необычное. Вы уж не забудьте, пожалуйста.

Он еще долго нес всякую ахинею, чтобы не подать вида, как изумила его та необъяснимая легкость, то непротивление, с каким вошла сюда и села с ним за один столик эта пугливая, несговорчивая особа.

— А вас, наверное, Элеонорой зовут? Или Эльвирой? Теперь ведь что ни имя, то все в золотых кружочках. Со званием. Женщинам это нравится. Вас-то как звать?

— Анной.

— Вот и хорошо. Значит, будем называть вас Анечкой.

— А меня все так и зовут.

Взгляд его в этот момент неожиданно задержался на ее лице. И тут, может быть, впервые так резко ощутил он всю разницу между легким и приятным ее именем и наружностью. Но в это время уже с полным подносом вернулся официант, и все внимание Михаила Николаевича переключилось на еду.

— Красивая все-таки штука — еда! Любую краску этой самой едой нарисовать можно. Вся радуга на столе. Тут тебе и синий баклажан, и желтый лимон, и красный помидор.

— И зеленый огурец! — включилась в игру Анечка.

— Да! И зеленый огурец.

— И белый хлеб. И черный кофе.

— И коричневое вино.

Михаил Николаевич уже держал в руках две полные рюмки.

— Руки-то, руки так ходуном и ходят. Не расплестись бы...

Он сделал ложное движение рукой, и Анечка тут же, не успев ни о чем подумать, перехватила у него рюмку. Михаил Николаевич плавно запрокинул голову и медленно, маленькими глотками выцедил из рюмки вино.

— Одна за вами.

Анечка упрямо и мелко замотала головой.

— Одна за вами. Надо бы покататься. Это ведь хуже нету, кгда долги — долгие. Их ведь отдавать надо.

Михаил Николаевич потянулся пустой рюмкой к Анечке. И с той решимостью, с той окаянной отчаянностью, с какой не умеющий плавать человек на виду у изумленной публики шагает в воду, Анечка, не раздумывая, одним махом выпила свое вино. Острая, болезненная ее ранимость более всего не позволяла ей показаться смешной или — еще страшнее того — жалкой. И то, что она неожиданно для себя сейчас закашлялась, протерла глаза, было для нее тяжелее всего. Официант, стоявший неподалеку, быстро подскочил к столику, наполнил ее рюмку вином, потом налил Михаилу Николаевичу и, понимая кивнув ему головой, отошел в сторону. Все, что было потом, Анечка уже помнила смутно. Больше всего ей почему-то запомнилось, как Михаил Николаевич сказал, пододвигая к ней рюмку:

— Бог двоицу любит!

А она его тут же поправила:

— И не двоицу вовсе. А троицу!

И вообще Анечке казалось, что все это происходит сейчас не с нею, а совсем с другим человеком, неизвестно как попавшим сюда, за этот столик. Ей уже нравилась эта женщина, никого и ничего не боявшаяся, хмельная, с громким голосом, с той озорной свободой движений, которая легко и вызывающе хочет обратить на себя всеобщее внимание.

Недалеко от кафе, когда они уже прошли половину квартала, Михаил Николаевич взял Анечку под руку. Все встречные деревья, люди, дома то вдруг начинали вытягиваться, становились длинными-длинными, то снова сжимались и становились маленькими, короткими. Земля покачивала Анечку в разные стороны, укачивала. Ритмично кружила голову. Будто кто-то натянул резиновый жгут и то притянет к себе, то отпустит, то притянет к себе, то отпустит... Как на качелях. Но это уже были совсем не качели, а серый в шашечку автомобиль, который вскоре остановился у ворот высокого темного дома. Последнее, за что еще смог зацепиться краешек сознания, была фраза:

— Сдачи не надо!

Дальше она уже ничего не помнила...

Первый раз в жизни Анечка проспала рассвет. Она привыкла подниматься рано, когда на земле кажется одиноко и просторно. Еще не успели убежать люди, машины. Еще не затолкали, не затискали нарождающийся день. В такую пору она особенно любила быть человеком: ведь природа могла создать ее деревом, кошкой, облаком на небе, и она никогда уже не смогла бы все это так увидеть и почувствовать.

Проснувшись Анечка от какого-то сильного толчка. Кто-то больно тряс ее за плечи и громко, со злостью говорил:

— Ну вставай, вставай!

Еще ничего со сна не понимая, не открывая глаз, она отмахнулась от надоедливой голоса и тихо сказала:

— Отстаньте, тетя! Я еще спать хочу.

А ее толкали все сильнее и сильнее. И тогда, опять-таки еще не открывая глаз, она подумала: а почему у тетки вдруг мужской голос, и такой злой и такой черный? А может быть, он кажется ей черным потому, что она еще лежит с закрытыми глазами? И от этого все кажется черным?

— Да встанешь ты наконец?!

В мятых синих трусах, босиком, по комнате бегал человек. Лицо его было искажено злобой и отвращением. Анечка ясно увидела, как по соседней крыше шла мокрая, взъерошенная ворона. Дождь... Потом Анечка увидела крашенные в яркий розовый цвет стены комнаты. И это лицо, которое еще вчера умело быть таким добрым, таким просящим. Она увидела свои сапожки, брошенные в разные стороны, чулки на стуле, платье, почему-то упавшее на пол. И опять это лицо, злое и беспомощное. Он перехватил ее взгляд. Бросил ей на кровать чулки. Потом платье.

— Ну, уходи же, уходи, слышишь?! Я же тебе все вчера наврал. Никакой я не командирозочный. У меня жена в больнице. Слышишь? Сраму теперь из-за тебя не оберешься. Уходи!

...На улице под дождем Анечка шла и шла, не оборачиваясь, ни разу не остановившись, словно боялась, что ее кто-то нагонит. Дождь пропитал ее влажной, как почерневшую осеннюю ветку, одиноко нависшую над углом дома. Сейчас, за этим углом, аптека. Сколько раз в своей жизни проходила она по этой улице, шла мимо этой аптеки, следила за тем, как одна улица впадает в другую, а эта другая опять впадает в другую, и так все время, до бесконечности. А сейчас этого ничего не было. Серая, натянутая, как струна, улица, которая никуда не вела и

ниоткуда не начиналась. По которой можно было долго шагать и никуда не прийти и никого не увидеть, не встретить. А если даже и встретить, то не узнать. Так же не узнать, как саму эту улицу, по которой она все идет и идет и долго еще будет ходить, наверное, до позднего вечера.

На работу Анечка в тот день не вышла. Не вышла она и назавтра. Тетка позвонила в ателье и сказала, что мастерица Анна Захарова больна. Простудилась. А через три дня Анечка пришла в ателье сама и взяла расчет. Директор ателье — рассудительный и хлопотливый Владимир Борисович все хотел уговорить Анечку остаться.

— Да ведь ты у нас на самом лучшем счету. За все годы ни одного взыскания не имела. Что же это ты так? Сразу-то?

— Надо!

— Да что ты все — надо да надо! У тебя что, слюва другого нет?

— Значит, надо!

— Ну, ступай! Только не пожалей послы.

Провожая ее, уже у порога одна из мастериц сказала:

— Девчонки, Анюка-то наша не иначе как за академика замуж вышла!

Болше ее в этом ателье никогда не видели.

Теперь, чтобы добраться до места своей новой работы, Анечке надо было затрачивать не менее часа. Ателье № 5 находилось в новом районе, на дальней городской окраине. Автобусы ходили туда редко. Оттого, может быть, и работать там хотели немногие. Да и нанимались в ателье женщины все больше пожилые, несуетливые. Этим не надо было мчаться сломя голову ни в ГУМ, ни в ЦУМ, ни к заждавшимся женихам. Анечка среди них была самая младшая.

Работы поначалу было немного. Каждая мастерица старалась показать все, на что она способна. То, что Анечка была молчалива, замкнута, никого не задирала, не вмешивалась в чужую жизнь, сразу как-то помогло ей найти свое место среди этих людей. После всего, что с нею случилось, душа ее как бы обессилела, устала. Так бывает с человеком, когда он долго глечет. Или долго чего-то ищет. Или несет в гору непомерную тяжесть: сидит передохнуть, а встать уже больше не может.

Вскоре на Анечку обрушилось еще одно несчастье. Умерла тетка. И хоть никогда между ними не было ни особенной любви, ни какой-нибудь там необычной привязанности, смерть тетки Анечка переживала тяжело. Люди они были разные, совсем непохожие друг на друга. И вот теперь навсегда, начисто разорвалась та единственная ниточка, которая привязывала Анечку к дому.

Одиночество выгоняло ее из комнаты, где из всех щелей, из всех углов лезли живые воспоминания о тетке. Тоска кружила Анечку по улицам, до изнеможения гоняла по городу. Ей удалось обменять свою комнату в центре на маленькую однокомнатную квартиру в пригороде. Это было недалеко от ателье, в котором она работала.

Обычно своему Анечка не изменила. Каждый вечер оставалась она в ателье, особенно хорошо чувствуя себя именно в эти часы, когда, кроме нее и сторожихи, уже никого не было. Все расходилось по домам, а ей — как и прежде — торопиться было некуда. Два месяца работала она уже на новом месте, и, может, потому, что и район, в котором она жила, тоже был для нее новым, воспоминания о прежней жизни отходили постепенно на задний план, оставляя в ее душе едва заметные бороздки. Да ей и не хотелось вовсе думать о той старой жизни.

Как-то, засидевшись в ателье допоздна, Анечка вдруг почувствовала себя плохо. Сторожиha согрела чай, уложила ее на диван. Домой Анечка добралась с трудом. Едва переступила порог, началась рвота, непереносимая головная боль.

— Отравилась... Чем-то отравилась...

К полуночи рвота ее отпустила. До утра она проспала спокойно, а утром почувствовала себя вполне сносно. В ателье уже все знали о вчерашнем случае и очень обрадовались, увидев Анечку на своем месте. Днем, во время примерки, ей опять стало плохо. Тошнота подступила к горлу, а пол под ногами сделался зыбким и пружинистым. В кабинете директора, куда ее привели, она отлежалась до вечера. Поначалу хотели вызвать «Скорую помощь», но Анечка упростила этого не делать.

— Отравилась я... Пройдет. Чего же зря людей беспокоить?

В районной поликлинике Анечку внимательно и долго прослушивала молодая женщина-врач. Потом она сказала, чтобы Анечка посидела, а сама куда-то вышла из кабинета. Вернулась уже не одна. Анечку попросили прилечь, и тот второй, маленький седой доктор тоже внимательно и долго прослушивал ее.

— Ну, что же, голубушка, попрошу вас пройти ко мне в кабинет.

— Да что же это со мной такое, господи!

Когда Анечка слезла с высокого кресла и, торопливо одеваясь, испуганно посмотрела на доктора, он ей сказал:

— Так, как мы и предполагали. Все очень хорошо. Все как полагается. Ребенку вашему пошел третий месяц. Поздравляю вас, голубушка!

Анечка заплакала. Оттого, что она плакала беззвучно, в себя, тело ее сотрясилось, как от падучей. Доктор подал ей стакан с водой. Осторожно погладил по голове.

— Таблетки эти будете принимать, когда почувствуете тошноту. Думаю, что они вам хоть немножко помогут. Важно, голубушка, чтобы и вы так же думали.

— Не хочу я... не хочу... ничего не хочу! Врете вы все, врете... не будет этого!

Последние слова Анечка выкрикнула с такой злобой, с такой обреченностью, что даже старому доктору, всего навидавшемуся на веку, сделалось не по себе. Всю жизнь отдал он тому, чтобы люди продолжали себя в людях, в потомстве. Когда к этому старому доктору приходила здоровая женщина, не желавшая стать матерью, он глядел на нее, как на несусветицу, как на злое чудовище.

Всю ночь напролет Анечка не сомкнула глаз.

— Изведу... Изведу... И себя и его изведу...

Мутные натеки слез лежали на ее щеках, как тяжелые оспины. К утру она уже не плакала — слез не осталось. В забытых, в свинцовых рассветных сумерках привиделась ей тетка. Стояла тетка у раскрытого окна, а сама все тянула руки к Анечке. И приговаривала и приговаривала:

— Дай, дай мне его... Дай я его покачаю... дай... дай...

— Не дам! — громко крикнула Анечка. Крикнула и как-то сразу пришла в себя и с болью — еще большей, чем прежде, — ощутила весь ужас своего положения. А вместе с тем она уже поднялась с постели — древняя привычка мастерового человека просыпаться и вставать в одно и то же время сработала в ней безошибочно. И в те самые мгновения, когда один человек в Анечке страдал и надрывался от го-

ря, другой — как бы помимо нее самой — умылся, причесался, выпил чая и, два раза повернув ключ в двери, отправился на работу.

Все теперь в Анечкиной жизни пошло по-новому. То, о чем раньше она никогда не думала и на что никогда не обращала внимания, отныне глядело на нее со всех сторон и как бы хвалилось, как бы просило потрогать или посмотреть. Она стала замечать, что иногда подолгу простаивает у длинного красного здания с вывеской «Школа» и наблюдает, как малыши, кидаясь друг в друга сумками, перепачкавшись в земле, с шумом, с хохотом, с пронзительными дикарскими криками разбегаются по улице. Ей и самой хотелось побежать за ними, туда, в школьные свои годы, где по святой несмысленности все хорошее помнилось долго, а плохое забывалось мгновенно.

И все-таки она теперь часто плакала. Женским, глубинным своим инстинктом понимала она, что каждая ее горькая слезинка царапает и ранит того, второго человека, который сейчас в ней живет, но поделать с собой ничего не могла. И от жалости к нему плакала еще сильнее. А то вдруг жалость эта сменялась в ней такими же острыми приступами глухой ненависти, когда человек уже не слышит ни самого себя, ни окружающего его мира. И от этого она тоже плакала, одиноко и яростно, и долго потом не могла заснуть.

Шел шестой месяц. Внешне Анечка почти не изменилась, если не считать того, что у нее чуть-чуть припухли губы и немного раздалась талия. Время от времени на лице ее стали появляться какие-то бурые пятна. Походило на то, что природа, так жестоко невзлюбившая Анечку, лишний раз хотела ей об этом напомнить.

вовсе и которых никто и никогда ей еще не говорил. А вот теперь говорят. Как принцессе какой-нибудь.

Через неделю Анечку выписали. Первой, кто ее навещил, была та самая патронажная сестра, которая в виде особого исключения и по своей личной доброте — с войны в ней осталась эта вдовья доброта к одиноким людям — отвозила Анечку в родильный дом.

— Ты помнишь, я тебе про дождь говорила? Вот она — примета — и оправдалась. Ты теперь кто? Ты мать. Слово-то короткое, а всю землю на себе держит.

Когда Анечка первый раз покатила впереди себя коляску с сыном, ей все казалось, будто улица только тем и занята, что готовит ей исподволь всякие каверзы и неожиданности. То слишком крутой порожек у тротуара, то — не дай бог — на камушке может подвернуться колесо. На бульваре, куда Анечка вкатывала коляску, в тени деревьев сидели молодые матери. Разноцветные пологи, одеяльца, сами коляски походили издали на живые цветочные клумбы.

Сына Анечка назвала Андреем. И отчество дала ему такое же: Андреевич. Ей нравились эти сочетания одинаковых имен, звучало это, по ее мнению, очень весомо и артистично. Ведь есть же такой известный артист: Роман Романов. Или известный писатель: Сергей Сергеевич. Может быть, и ее Андрей Андреевич будет такой же яркой звездой, кто знает?

Все это время Анечка была счастлива настолько, что даже ни разу не вспомнила о своем уродстве, о чем раньше думала не переставая. С ней происходило то внутреннее преображение, которое посещает женщину трижды: первый раз — когда она становится невестой, второй — когда она становится матерью, и третий — когда ее окружают внуки. Анечка не была ничьей невестой. Матерью она стала против своей воли. Но то, что было заложено в нее природой, что прежде наглухо подавлялось ее одиночеством, теперь с умноженной силой засветилось и расцвело в ней. Углы лица ее разгладились, линии приобрели соразмерность и выразительность, и те же самые черты, которые еще вчера отталкивали от себя, сейчас могли привлечь к себе или даже понравиться.

...Сколько раз наблюдал я в лесу серые, невзрачные березки, на которых лежала печать затравленного одиночества и отчуждения. Но стоило утренней заре лечь на них огненным своим краем, стоило зажечь изнутри каждую бусинку росы, высветить каждую ветку — и от этих березок уже нельзя было отвести глаз...

В ателье Анечке разрешили брать работу на дом. Отпуск ее незаметно кончился. И хоть забот у Анечки прибавилось теперь вдвое, а то и втрое — жить ей стало легче. Интереснее. Маленький человек, которому и было-то всего-навсего два месяца с небольшим (подумать только — шестьдесят три дня!), уже безраздельно завладел жизнью взрослого человека, расписав ее по часам и минутам.

Когда Анечка приходила теперь в ателье сдавать работу, каждый старался ей что-нибудь сказать. Первой всегда начинала приемщица. Справившись о том, как себя чувствует их общий крестник Андрей Андреевич, на сколько сантиметров он вырос и не бегают ли уже за пивом, она обычно заканчивала так:

— Поправилась ты, Анна. Хоть в кино тебя отдавай. В артисты.

И все-таки самым большим днем в Анечкиной жизни был не тот день, когда она стала матерью, а

тот, когда ее сын однажды внятно и громко позвал ее:

— Ма-ма...

Было это ранним январским вечером, когда они вернулись с прогулки. Анечка накормила сынишку, а сама села работать. Шитье у нее было ручное, тихое. Вот тогда-то и раздался в тишине этот возглас:

— Ма-ма...

Всю зиму Анечка боялась простудиться. Это была первая зима ее сына и первая зима ее материнства. Погода стояла студеной, ясной. Снег под ногами хрустел и рассыпался на тысячи маленьких песенок. Все вместе песенки эти создавали ощущение праздника, ощущение какой-то звонкой игры. Оттого, что дни стали теперь наполненными, цельными, время как бы приобрело двойное измерение: с одной стороны, оно летело незаметно, с другой — становилось плотнее, осязаемее. Анечка научилась осязать время вещественно, на ощупь. Она меряла его теперь одежками сына. Чем короче они становились — тем больше становился он сам. Это и было течением времени, его зримыми отметинами.

Первый раз мальчик спросил об отце, когда Анечка меньше всего этого ожидала. По субботам и воскресеньям она забирала сынишку из детского сада домой. В ту субботу ему исполнилось четыре года. С утра Анечка особенно тщательно причесала и принарядила его, дала в каждую руку по воздушному шару и на весь день отправилась с ним в Парк культуры и отдыха. Они обошли почти все аттракционы, катались на маленьких мохнатых лошадках, кружились на карусели, побывали в комнате смеха.

В два часа дня началось представление в цирке. Более всего мальчика поразил не клоун, не наездник, а воздушный канатоходец. Балансируя длинным бамбуковым шестом, словно опираясь на воздух, он бегал по туго натянутой проволоке, все время делая вид, что вот-вот упадет. Потом вдруг музыка оборвалась, глухо забил барабан, и в цирке стало тревожно и тихо. Канатоходец посадил на плечи маленького сына, завязал себе черным платком глаза и пошел по проволоке. Вот он дошел до середины, постоял попеременно на правой, потом на левой ноге и начал медленно садиться. А барабан бил все громче и громче, как будто кто-то катал по железному листу острые каменные орехи. Потом канатоходец начал так же медленно подниматься, встал и, ловко балансируя, легко понес свое тело по проволоке. Мальчик, сидевший у него на плечах, ни разу за это время не вздрогнул, не шелохнулся. Спустившись на землю, они много раз выбегали кланяться. Мальчик ходил на руках и переворачивался через голову. Потом отец снова посадил его на плечо, и, сопровождаемые криками и аплодисментами, оба они покинули арену.

— Мама, а мой папа умеет ходить по проволоке?! Соседи, сидевшие от Анечки справа и слева, засмеялись. Один усатый дядя даже сказал:

— Ну, чтоб твой папа да не умел! Твой папа все умеет!

— А вы не знаете моего папу.

Анечка настолько смешалась, так была застигнута врасплох, что стала вдруг жалко и глупо улыбаться. Потом сказала:

— Тише, Андрюша. Не шуми. Сейчас выйдут медведи...

Не получив от матери ответа, Андрюша громко и сердито запричитал:

— Хочу к папе на плечи! Хочу к папе на плечи!

Но тут действительно выбежали на арену медведи и целиком завладели вниманием мальчика.

Всю дорогу домой Анечка не могла отделаться от тягостного чувства.

Все, что она за эти годы пережила и с таким трудом, с такой кровью похоронила в себе, от чего, казалось ей, избавилась навсегда,— все это зашевелилось снова и каким-то серым смертным холодком поползло в душу.

В понедельник утром мальчика надо было снова отдавать в детский сад. Он жил там пять дней подряд, и только в праздник и в выходные дни Анечка забирала его домой. Каждый раз после обязательных разлук она замечала, как ее сын растет, как в характере его появляются новые черточки, как нежность его к матери становится все более и более осознанной. Он любил, разбежавшись от порога, зарываться головой в ее колени, целовал ее руки, ерошил материнские волосы, когда она укладывала его спать. Он не требовал от нее ни сказок, ни колыбельных песен, а чаще всего сам рассказывал ей сказки, которыми его научили в садике, или про свое ребячье житье-бытье. Однажды он сказал ей:

— Мам, а ты знаешь, как я по тебе соскучился?

— Как, сынок?

— Я по тебе очень соскучился. До неба. А на том небе растет лес. А над тем лесом еще одно небо. А потом еще один лес. А потом еще одно небо. Вот как я по тебе соскучился.

Теперь их было двое на земле. С каждым днем Анечка это чувствовала все глубже и глубже. И странное дело: чем старше становился сын, тем моложе становилась она сама, словно бы сын отдавал ей свое, а она свое отдавала ему. И этот круговорот, это постоянное продолжение друг друга воз-

вышали Анечку, наполняли ее жизнь особым смыслом, от которого человек ходит прямее и видит дальше. Есть люди, у которых нету сил быть счастливыми и красивыми только для самих себя. Но стоит кому-то встать рядом с ними, и люди эти начинают мгновенно преображаться. Иногда даже до неузнаваемости.

В одно из воскресений Анечка повезла сына за город. Ей захотелось побродить с ним среди берез и сосен по тому самому лесу, по которому бродила она когда-то в одиночестве.

За полдень, набегавшись, насмеявшись, навидавшись всяких лесных диковин, мальчик захотел спать. Анечка уложила его под большой сосной, а сама прилегла рядом. И задремала. Проснулась она оттого, что почувствовала легкий толчок. Это белка бросила в нее сверху шишкой и тут же метнулась в гущу леса рыжей закатной искоркой. Солнце постепенно спускалось, переваливая через высокие сосны. Было уже не так жарко, но трава еще была разогретой, дремотной. Подгребая под себя мягкие пахучие волны, широко разбросав по траве руки, Анечка будто плыла по всей этой благодати, и было ей легко и хорошо жить. Чувство это не отпускало ее и потом, когда они сели в поезд. Всю дорогу домой она, не отрываясь, глядела в окно, и пестрые, разноцветные краски мира, бегущие за окном, были как бы красками ее собственной души, ее настроения.

На Белорусском вокзале, перед тем, как войти в метро, Андрей закапризничал. То ли он очень устал, то ли его разволновало обилие впечатлений, но мальчик вдруг больно вцепился в руку матери и стал противно и громко хныкать:

— Хочу мороженого... Хочу мороженого...

От газетного киоска отошел человек и погрозил Андрюше пальцем. В руках у этого человека был большой букет полевых цветов. Опытным глазом окинув Анечку со спины, он бросил через ее плечо:

— А я вот тоже хочу мороженого, а не плачу. И не стыдно тебе? Такой большой мужчина, а плачешь.

Анечка обернулась на говорившего и тотчас узнала его. Он был все таким же, ничто не изменилось в нем за эти шесть лет. Он тоже стал вглядываться в Анечку, потом посмотрел на мальчика, потом опять на Анечку, потом снова на мальчика, но она инстинктивно, по-птичьи, всем телом закрыла сынишку и быстро, бегом, бегом потащила его в метро. Мужчины кинулись за ними, что-то крича на бегу, но людской поток уже спрятал их в своей сутолоке, как два небольших камешка, и потащил вниз по эскалатору. Оглянувшись, Анечка увидела, как по забитому людьми эскалатору пытался пробиться вниз высокий мужчина.

Скорей, скорей, только бы не опоздать к поезду.

Уже в вагоне Андрюша спросил мать:

— Ма, а почему он так смотрел на тебя? Почему этот дядя бежал за нами?

— Он обознался, Андрюша! Он, наверно, подумал, что он нас знает.

Еще полгода или год назад Анечка не предполагала, что такая встреча, в общем, мало что будет значить в ее жизни. Но теперь она уже так привыкла к другой своей жизни, что все это происшествие, кроме первоначального изумления и естественного сопротивления тому, что когда-то с нею было, ничего в ней не вызвало. Ночь Анечка проспала спокойно.

Назавтра в ее квартире впервые появилось зеркало.

Танзиля Зумакулова

Перевел
с балкарского
Н. ГРЕБНЕВ.

Кто хочет взять от жизни слишком много,
Пусть не стыдится ни людей, ни бога.
Пусть не боится — идет напролом.
Пускай он за удачу насмерть бьется,
Пускай хватает все, что подвернется,
Поскольку мы единожды живем.

Я не ловчу, пусть будет путь гористым,
Тернистым будет путь, но будет чистым.
Тебя я, жизнь, прошу лишь об одном:
Ты не лишай меня стыда и чести,
Не обучай ни хитрости, ни лести,
Поскольку мы единожды живем.

Ты говоришь: «Кто к славе не стремится,
К тому обычно слава не спешит».
Ты говоришь, что слава — это птица,
Которая лишь на ловца летит.

Печешься слишком рьяно ты о деле
И говоришь мне часто все одно:
Зачем держу я песню в колыбели,
Как дочь свою, что подросла давно.

Я понимаю: слава в мире этом
Скорей всего походит на базар,
Где платят щедро звонкою монетой
Порою и за бросовый товар.

Где люди подозрительные трутся,
Где краскою подкрашивают хлам,
Где покупатель жаждет обмануться
И истинное отстраняет сам.

Нет, на базаре этом многолюдном
С плодом своим незрелым, хоть и трудным,
Как бы ни звали, я не появлюсь.

Не модница я, не стремлюсь к обновам,
И, как торговка, не торгую словом,
Как, впрочем, и сама не продаюсь.

Бросишь камень бестолково —
На тебя же упадет.
Не подумав, скажешь слово —
Боль тебе же принесет.

Слово горести рождает,
Слово горести целит,
Слово стены воздвигает,
Стены рвет, как динамит.

Слово над землею кружит,
Нам несет любовь и гнев...
Слово, ты не рвись наружу,
В самом сердце не созрев.

Сдерживаю я губами
Слово, что рождает зло.
Чтобы, вырвавшись, как пламя,
Никого не обожгло.

Через силу я стараюсь,
Сдерживаю злую речь,
И сама я обжигаясь,
Чтобы близких не обжечь.

Истина со злом не дружит,
Ей душою не кривить.
Злу поэзия не служит,
Злой она не может быть.

Колыбельная

Пусть бураном, пусть метелью
Нас зима пугает зло.
Над твоею колыбелью
Я склонилась, мне тепло.

За окном собака лает,
Не стихает вьюги вой.
Ничего нас не пугает:
Я склонилась над тобой.

Всякое со мною было.
Кто-то прав был и не прав,
Все, что было, позабыла
Я, тебя к груди прижав.

Улыбнулся ты спросонок —
И на свете нету зла.
Потянулся ты спросонок,
И печаль моя прошла.

Тихо спишь ты в колыбели,
Излучаешь теплый свет,
И на свете ни метели,
Ни печали нет, ни бед.

Сергей Давыдов

Злые встречи с войной
до скончания века
на дорогах любых предназначены мне.
Я в Осетии видел лицо человека,
потерявшего семь сыновей на войне.

Он считал имена жестяными губами,
и покоя не знал его ищущий взгляд.
А недавно скончалась вдова на Кубани,
на войне потерявшая девять ребят.

Будь десятый, она б и десятого сына
в белой хате своей удержать не смогла...
Даже слушать об этом и то непосильно,
от рассказов душа выгорает дотла.

На киностудии

Только строчки начнут подбираться,
за окошком кончается ночь.
Может, хитрый Отдел Имитаций
мне сумеет в работе помочь!

Сложной техники здесь многовато,
у поэта бедней в мастерской.

Вот зачем великан-вентилятор!
— Там в углу! Это ветер морской.
— А вот это!
— Тропический ливень.
— А вот это!
— Порывы пурги.
— Ну а это!
— Аукает филин.
— А вот это!
— Вой бабы-яги...

Все здесь есть. Молотки и кастрюли
и какой-то дырявый бидон.

— Это посвист осколка и пули
и еще человеческий стон...

Все здесь собрано, как в Эрмитаже,
столько ценностей разных кругом!

— Пусть товарищ сценарий покажет,
а уж мы ему все подберем!

Попросил бы, я самую мелочь,
так давно в ее поисках бьюсь,—
стук сердец вами сделан умело,
но нужна мне сердечная грусть!

И еще, наберитесь терпенья,
общите свои стеллажи,
отыщите мне это явление,
что зовется движеньем души...

Сергей Алиханов

Ты проходишь, исчезаешь, как звезда.
Я тебе стихи читаю нараспев,
Ну, а больше ничего и не успев,
Ничего я не успею никогда.

Не успею я тебя остановить.
Не успею насмотреться на тебя.
Как глухарь, я слышу только лишь себя.
И тебя я не успею полюбить.

Мне стало видаться и думаться прозрачней.
Неразличимые доселе голоса
Все явственней. Глаголы все удачней,
Поля просторней, выше небеса.

И вдруг начнется ливень проливной.
Он собирался исподволь над нами.
Он льется и становится стеной.
И быстрой, легкомысленной струей
Размывает голоса воспоминаний.

А зелень выходила вновь в тираж,
А я не замечал ее ухода.
Все закрывала мне моя свобода —
Мне позволительна была такая блажь.

Жил радостно, пленительно, шутя,
Не падая, не мучась и не маясь,
Казалось бы, ничем не занимаясь,
Я, города счастливое дитя.

Зато теперь всей чистотой ума
Я наблюдаю осени движенье.
И я живу, как в первый день творенья:
Во мне разделены лишь свет и тьма.

Николай Агеев

Сизые, простуженные дали.
За отметкой «сорок» дремлет ртуть...
Бурый лес еловыми руками
Полы шуб не может запахнуть.

Все заоченело, зачерствело,
Коркою покрылось ледяной.
Буровая вышка стала белой
И дрожит натянутой струной...

День и ночь горланит непогода,
Снежным ливнем хлещет по лицу.
Стонут под сибирским небосводом
Сосны меднокорые в лесу.

Выстрелы морозные.
От комля
До вершины трещины сквозят...
Но ползут за тракторами дровни,
На которых домики стоят.

Стены их насквозь проледенели,
Рации оглохли от ветров...
На шестидесятой параллели,
У порога дыблящихся льдов,

Бой идет неслышанный донине!
Ртутный столбик падает опять.
Но упорство победит твердыню.
Из глубин сумеет нефть поднять!

Крик протяжный журавлиный,
Рассекая синеву,
Уходил извечным клином
На Хиву.

Но над гранями рассвета,
Знаю, птицам испокон
Снится ведренное лето,
Трав серебряный поклон.

Над трясиною болота —
Камышовая стена.
Чуть пригнутая от взлета,
Распрямляется она.

Прошлогодня осока.
Лягушиный долгий скрип.
Кочка шапкою высокой
В тихой заводи стоит.

Журавлиная квартира,
Нет уютнее избы.
Над глухим окрестным миром
Ни тревоги, ни пальбы.

Край озерный, запах мяты.
Зауральское село...
Здесь вставали журавлята
На орлиное крыло.

Владас Шимкус

Перевел
с литовского
Л. МИЛЬ.

Светящаяся девушка

Надо только решиться. И вскоре
ты выходишь.

Гудки, голоса.
Как разбитое зеркало, море
полюхает и ранит глаза.

Ты идешь, озаренная полднем,
вся в каком-то стеклянном столбе,
становясь с каждым шагом свободней
и светясь в непроглядной толпе.

Ты уже словно сгусток эфира.
И тем самым спасаешься ты
от внимательных кодексов мира
и от вечной его суеты.

И пускай ненадолго все это, —
независимо ни от чего,
ты сейчас ликование света,
безбоязненный сполох его.

Начало

Хотя меня еще и нет,
но есть уже усадьбы, нивы.
До срока налился ранет —
вот-вот слетит нетерпеливо.
Хотя меня еще и нет,
все для меня уже готово.
Как просто вдруг увидеть свет,
где ждут тебя, а не другого!
И разгадать судьбу свою,
однажды подглядев украдкой,
как звезды лупят сквозь листву
и осыпают двор и грядки!

В порту

Как часть составная,
туда погружаюсь,
где мачта кривая,
где парус — не парус.
Среди загогулин
плутаю вслепую.
Как будто впилились
в тетрадь черновую.
И вдруг я всплываю
над этой тетрадкой
в проливе меж явью
и памятью краткой.
...Тот клипер в болотце,
заросшем крапивой,
куда он несется
всех истин правдивей!!
И солнце там светит.
И плещется парус.
Плыву и на ветер
плечом опираюсь...

Виктор Широков

Живешь, не замечая нив,
не видя глаз небес,
но тем сильнее ошеломив,
придет под окна лес.
Деревья обретут язык
и склонность к чудесам.
Пойдет природа напрямик,
и ты увидишь сам:

сминая черные кусты,
взбивая белый снег,
ночь тянется из темноты
к огню, как человек.

Не знаю, что может быть легче
любви, окрыляющей нас,
но слабые женские плечи
под ношей сгибались не раз.
И песни полынного края
не раз оглушали тоской,
и плакал ямщик, пролетая
по темной, по той, столбовой...

Как ласточки, брови летели
на юном и чистом лице...
И встречные долго глядели
вслед, узнавая в юнце
свой облик забытый и милый —
свою окрыленную стать.
И время кружило над миром,
готовясь поэзией стать.
Гремели, как бубны, трамваи.
Им вторило эхо вдали...
И, что-то еще вспоминая,
безмолвно прохожие шли.

Ау, осенняя деревня,
откликнись: помнишь или нет,
как я валил тебе деревья,
как открывал твой лад и свет!
Нас было десять: две девчонки
и восемь городских парней.
Работа ввелась нам в печенки
и вряд ли сделала добрей.
Пилой двуручною пилили
неподдающийся сосняк,
порой не зная: сучья или
трещит натруженный костяк.
Мы с этим лесом попотели.
Мы стали там родней родни.
И говорили лишь по делу.
А суесловить — нет. Ни-ни.

На проспекте Руставели
сто платанов встали в ряд.
На проспекте Руставели
грустных слов не говорят.
На проспекте Руставели
в сердце просится мотив.
На проспекте Руставели
каждый юноша красив.
На проспекте Руставели
дарят женщинам цветы.
На проспекте Руставели
не бывает темноты.
Если повернется время,
буду по пояс в снегу,
я в свое стихотворенье
на мгновение забегу.
В ту зеленую аллею,
где не встретил никого.
Ни о чем не пожалео,
не забуду ничего.

АРКАДИИ
АДАМОВ

Глава V

УБИЙСТВО

Итак, все предстоит начинать сначала. Весь поиск, все распутывание сложнейшего клубка. Степень опасности того неведомого человека намного возрастает. Жить по чужому паспорту — для этого надо иметь серьезные причины. А пска необходимо выяснить у Николова — на этот раз подлинного Николова, — как же все-таки его паспорт попал к тому человеку; может быть, это нам даст хоть какую-нибудь ниточку.

Между тем Николов заметно успокаивается: он чувствует, что мы ему верим и опасность оказаться замешанным в каком-то неведомом ему преступлении, кажется, миновала. Ну, а грешок, в котором он признался, нас, очевидно, не интересует.

— Скажите, Иван Харитонович, — обращаюсь я к нему после минутного молчания, — как же урвали у вас паспорт? Вы помните, где именно это произошло?

КВАДРАТ СЛОЖНОСТИ

ПОВЕСТЬ

— В том-то и дело, что помню. Прекрасно помню, — охотно подтверждает Николов. — На вокзале, в ресторане. Но вот как это случилось, ума не приложу. Я уже все перебрал, буквально все. Хотя... — он нерешительно умолкает. — Пожалуй... после того, что вы мне сообщили...

— Что же после этого?

— Видите ли, в поезде, на пути в Москву, я познакомился с одним человеком. Весьма, кстати, приличным, я бы даже сказал, интеллигентным и солидным.

— Он ехал тоже из Пензы?

— Нет. Из Саратова. Тут произошла забавная история. Я подхожу к вагону, а около него с каким-то неизвестным стоит мой приятель, он вернулся из Саратова. Ну, обнялись, и он говорит: «Ваня, передаю тебе моего попутчика. Знакомьтесь. Скучать не будете». Вот так и получилось.

— А кто этот ваш приятель?

— Сева Страхович, мой сослуживец.

Я смотрю на Rogozina, и тот незаметно мне кивает. Взял, значит, на заметку этого Сеау. А еще через минуту Rogozin выходит из кабинета.

— Ну, когда поезд отошел, мы разговорились, — продолжает между тем Николов. — Он всякие истории рассказывал. Перекинулись в картишки, коньячок у него с собой оказался. Словом, все было весьма приятно. А поезд в Москву пришел среди дня. Ну и решили мы на прощание вместе пообедать, тут же на вокзале, в ресторане. Посидели мы там часа два, хотя ресторан, конечно, не ахти какой. И вот, понимаете, паспорт... Боже упаси, я ни на минуту не думаю на Михаила Александровича...

— Он так себя назвал?

— Да, да. Именно так. Я, повторяю, не могу даже помыслить, что он... Да и как, сами посудите? Не мог же он в карман ко мне залезть? Быпили мы, кстати, самую малость.

— А почему вы думаете, что паспорт украл? — спрашиваю я. — И именно в ресторане? Может быть, вы его в поезде потеряли? Или там его и украл?

— Нет, нет, — убежденно возражает Николов. — Перед самой Москвой мне проводница вернула билет, и я его положил в бумажник. Паспорт был на месте. Это я хорошо помню.

— Скажите, — вдруг вмешивается Игорь, — а вы с этим Михаилом

Александровичем не условились продолжить знакомство? Не обменялись адресами, телефонами?

— Ну, как же! Обменялись, конечно.

— Он москвич?

— Нет, он тоже приезжий. Дал телефон, где остановится. Представьте, — Николов разрешает себе усмехнуться, — тоже у приятельницы. Сам же он из Одессы. Одесский адрес мне и дал. А я ему, конечно, свой, здешний.

— А вы ему сказали, что остановитесь у своей приятельницы?

— Нет. Сперва ту самую гостиницу назвал. И он еще почему-то удивился. Ну, а потом, знаете, выпили, и я ему как есть все поведал.

— У вас при себе его адрес? — интересуюсь я. — И тот телефон?

— Да, да. Одну минуточку.

Николов торопливо достает старенькую, потертую записную книжечку с алфавитом и начинает перелистывать густо исписанные странички.

— Забыл, знаете, его фамилию... Сейчас, сейчас... На какую же букву я его записал? — бормочет он. — Тут нет... Тут тоже... А, вот! Зурих Михаил Александрович...

Николов диктует мне одесский адрес своего случайного знакомого и номер его телефона в Москве.

— Не помните, когда вы обменялись адресами и телефонами, — спрашиваю я, — в вагоне или уже в ресторане?

— Прекрасно помню. В ресторане, после обеда, мы как раз кофе пили.

— Разрешите взглянуть на вашу записку?

— Пожалуйста. Вот она.

Николов передает мне раскрытую записную книжку и пальцем указывает на последнюю строчку.

Так: я и думал. Запись эта сильно отличается от других. Почерк размашистее, крупнее, небрежнее. Они за сбедам, видимо, хорошо выпили. И новый знакомый сумел каким-то образом вытащить у Николова паспорт. Но паспорт был в бумажнике, бумажник во внутреннем кармане пиджака, а пиджак... Они сидели в ресторане два часа, обильный обед, много выпито...

— Скажите, — снова спрашиваю я, — вы за обедом снимали пиджак, не помните?

— Да. Очень жарко было и душно невыносимо. Мы оба сняли.

— Отлучались куда-нибудь?

— Ну, куда же? — улыбается Николов. — А, впрямую... помнится, действительно отлучались. По очереди. Извините, в туалет.

Вот все и стало на свои места.

— Еще один вопрос, — говорит Игорь. — Вы звонили Зуриху по тому телефону, что он дал?

— Кажется, нет... Нет, нет, не звонил, я теперь точно вспомнил. Это он звонил. Приглашал посидеть в ресторане. Но мы... в общем, не смогли.

— Больше он не звонил?

— Нет. Обещал написать.

Дальнейший разговор с Николовым ничего не прибавляет к нашим сведениям о неведомом гражданине Зурихе Михаиле Александровиче. Впрочем, подлинность и этой фамилии вызывает серьезные сомнения, как и одесский адрес и телефон в Москве.

Мы прощаемся с Николовым.

— Смотрите, — напоследок говорю я, — в наших интересах не очень болтать о состоявшемся разговоре.

Николов молитвенно прижимает руки к груди, и по глазам его я вижу, он надеется, что так же немые будем и мы.

— В этом вы можете быть абсолютно уверены! — горячо заверяет он.

— И если придет письмо от Зуриха, — добавляет Игорь, — не откажите в любезности, прежде чем ответить, показать его нам.

— Даже не сомневайтесь!

И Николов уходит, осторожно прикрыв за собой дверь. Отправляется получать новый паспорт.

А через некоторое время появляется Rogozin. Он уже успел побеседовать со Страховичем. Тот повторил рассказ Николова, сообщил, что с Михаилом Александровичем он вместе сел на поезд в Саратов и того провожал на вокзале какой-то молодой, худощавый мужчина, которого Страхович может в случае необходимости опознать, он его хорошо запомнил. В пути Зурих Страховичу не сообщил ничего интересного для нас.

Итак, командировка наша закончена.

Дневным рейсом мы вылетаем в Москву.

Мы возьмем пренеприятнейшие новости, и ни о чем другом сейчас просто не в состоянии думать.

— Спорить могу, — говорю я, — Зурих — это тоже обман. Никакой он не Зурих. И ты подумай, каков наглец! Украл у человека паспорт, живет по нему и еще осмеливается приглашать свою жертву в ресторан. Это же надо!

— Неспроста. — Игорь качает головой. — Ему что-то потребовалось от Николова. Стал бы он просто так его приглашать, как же!

— Где и кого теперь искать, вот вопрос.

— Придется искать, между прочим, и Зуриха Михаила Александровича. Наверное, этот тип и у него документы украл.

— Не обязательно. Мог эту фамилию и придумать.

— Все равно, — упрямо повторяет Игорь. — Надо проверить.

— Сколько еще впереди проверок, — вздыхаю я.

— Проверок много, — соглашается Игорь. — И адрес в Одессе и телефон в Москве. Поглядим еще.

Да, зацепочки в этом деле у нас, конечно, имеются. Но чего они стоят? Во всяком случае, то, что говорил этот тип Николову, не стоит и гроша. Будет ли давать ему свой адрес! Правда, остаются те четверо из четырех городов, которых мы установили и которые знают так называемого Зуриха Михаила Александровича. Странно, между прочим, думать об этом типе как о каком-то Зурихе, мы так привыкли называть его Николовым. Надолго ли только он Зурих?

В кабинет к Кузьмичу мы входим вместе с Валей Денисовым.

Главное мы уже сообщили еще из Пензы. Теперь выкладываем все подробности и детали. Когда я называю одесский адрес, оставленный Зурихом, Валя спокойно замечает:

— Это же адрес Галины Кочерги, продавщицы комиссионного магазина.

Мы сразу вспоминаем Валину таблицу — конечно, он знает ее лучше всех нас! — и среди тех, кто там обозначен, есть и эта самая Галина Кочерга. Почему же именно ее адрес дал Зурих? Просто подвернулся в памяти ему этот адрес? Ну, нет. Вряд ли это случайность. А раз так, то, может быть, не выдуман и номер телефона в Москве? Но из этого следует, что Зурих решил установить двустороннюю связь с Николовым. Значит, он ему нужен. Зачем только?

— Надо проверить этот телефон, — говорит Кузьмич и поворачивается ко мне. — Завтра же утром проверь сам, — и уже другим тоном продолжает: — Ну-с, что еще дает нам этот эпизод?

Кузьмич, набычившись, вопросительно оглядывает нас поверх очков. Он, как всегда, хочет, чтобы мы

сами думали, искали и спорили. Он никогда не дает нам ничего готового.

— Зурих приехал в Москву из Саратова,— задумчиво говорит Игорь.— А в Саратове живет... кто-то там живет из таблицы.

— Олег Иванович Клячко,— без запинки произносит Валя.— Врач городской поликлиники.

— Так, так,— кивает головой Кузьмич.— Это мы тоже не забудем. Что еще? — И обращается к Вале:— Ну-ка достань свою таблицу знаменитую.

Валя развязывает папку, и на столе Кузьмича появляется знакомая таблица. Он ее бегло проглядывает и вопросительно смотрит на Валу. Тот объясняет:

— Установлено, что трое из четверых интересующих нас людей уже прибыли к месту назначения. При этом все они опоздали туда на три дня, считая с момента отъезда из дома и, конечно, с учетом дороги, даже если ехать поездом. Вот такая пока картина, Федор Кузьмич.

— Гм... Интересная картина,— задумчиво произносит Кузьмич и смотрит поверх очков на нас с Игорем.— Что скажете, милые мои?

Меня почему-то начинает разбирать смех.

— Значит, конференция продолжалась три дня, Федор Кузьмич,— говорю.— Ну если день приезда и день отъезда за один считать, как положено, то два дня на заседания ушли. Повестка дня большая, и докладчиков много...

— Ты не очень-то веселись,— с неожиданной серьезностью обрывает меня Кузьмич и спрашивает у Вали:— Кто еще не приехал на место назначения?

— Галина Кочерга,— вставляю я.— Ручаюсь.

— Не угадал,— качает головой Валя.— Не приехал еще из Саратова в Астрахань врач городской поликлиники Олег Иванович Клячко.

— Отец-то его в самом деле там умер? — с интересом спрашивает Игорь.

Кажется, наш стремительный бросок в Пензу и обратно неплохо на него подействовал. Игорь заметно встряхнулся и начал проявлять интерес к окружающему миру и, в частности, к нашим делам.

— Завтра доложу,— обещает Валя и делает аккуратную пометочку в своей таблице.

— Тогда надо проверить и остальных,— говорю я и, придвинув к себе таблицу, перечисляю: — И Сокольского Ореста Антоновича из Ленинграда, заместителя директора промторга, который выехал... куда же он выехал?... Ага! Вот. В Харьков, в командировку. Дальше. Палатова Леонида Васильевича из Ростова, начальника отдела капитального строительства завода. Он тоже якобы в командировку отправился, в Свердловск. Интересно, каким числом им прибытие туда отметят? Ну, и вот Галина Кочерга поехала к больной матери в Краснодар. Тогда надо и это выяснить. Больна ли матушка, к примеру.

Валя не спорит, он лишь делает пометки в своей таблице, вернее, прибавляет в ней еще одну графу. Предыдущая у него гласит: «Куда выехал 28 октября?», а новую Валя обозначает: «Проверка причины выезда». Между прочим, это уже одиннадцатая по счету графа. Валина таблица становится уникальной и бесценной. Без нее мы бы давно запутались. Из вертикальных граф пока целиком пусты две: «Данные местного отд. мил.» на всех пятерых лиц, указанных в таблице, и новая графа, «Проверка причины выезда». А вот из горизонтальных строчек лишь одна заполнена меньше чем наполовину, та, где в графе «Место жительства» стоит «Пунеж». Здесь зияют пустотой важнейшие графы «Ф. И. О.» и «Должность», а также «Куда выехал 28-го окт.».

Да, Пунежем еще предстоит заняться особо. И, словно прочтя мои мысли, Кузьмич с ударишем произносит:

— Еще про Пунеж не забудьте. С кем там этот Зурих говорил полторы минуты, интересно знать.

— Срочный разговор,— добавляет Валя.— Вызывал на переговорную. И среди дня. А все остальные разговоры состоялись вечером, по личным телефонам.

— Можно туда скатать, в этот Пунеж,— предлагаю я.— Невелик путь в конце концов.

— Ты пока проверь тот телефончик,— говорит Кузьмич.— Завтра же с утра проверь. А ты,— поворачивается он к Игорю,— продумай вопрос с этим Пунежем. Вот так. Ну, и хватит на сегодня.

Утром я прежде всего связываюсь с телефонным узлом, которому принадлежит номер, сообщенный нам Николовым. Вскоре мне дают справку: номер этот принадлежит некому Бурлакову Светозару Еремеевичу. В картотеке телефонного узла значится и адрес абонента.

Пока что это имя мне ничего не говорит. Надо копнуть дальше. Хотя, возможно, что время я потрачу попусту и Зурих просто выдумал этот номер для Николова. Впрочем, вряд ли. Мне кажется, Николов его чем-то заинтересовал. Иначе зачем бы он дал ему одесский адрес, зачем звонил, предлагал встретиться и, наконец, обещал писать?

Все эти мысли приходят мне по дороге, пока я еду в местное отделение милиции. Там я встречаюсь с участковым инспектором, еще кое с кем из сотрудников, смотрю некоторые материалы. Затем я иду в домоуправление кооперативного дома, где живет Бурлаков, и знакомлюсь с двумя весьма симпатичными и болтливыми особами, бухгалтером и делопроизводителем, которые довольно быстро проникаются ко мне ответной симпатией.

Вообще, я вам должен сказать, что собирать о ком-то сведения и рыться в его «грязном белье» — занятие не из приятных. Но тут есть нравственные принципы, через которые нельзя перешагивать, и есть логика борьбы, которую тоже невозможно отбросить. В чем заключаются эти принципы? Во-первых, ты должен интересоваться в личной жизни человека только тем, что непосредственно относится к делу, которым ты занят; во-вторых, твой интерес никто не должен обнаружить, между прочим, еще и потому, что это может бросить незаслуженную тень на того человека и чем-то ему повредить, и, наконец, в-третьих, ты не смеешь злоупотребить полученными данными или даже просто выболтать их посторонним лицам. Все полученные тобой сведения о каком-либо человеке, который отнюдь не всегда в конечном счете оказывается преступником, автоматически становятся служебной тайной, и она охраняется нами так же строго, как, допустим, тайна медицинская.

У нас как-то был разговор на эту тему с отцом. Они с мамой оба медики и тоже вынуждены хранить немало интимнейших секретов своих пациентов. «Тут есть одна существеннейшая разница,— заметил отец.— Мне человек сам доверяет свои секреты, а вы узнаете о них без его ведома». «Что из этого, по-твоему, следует?» — спросил я. «Надо иметь особый такт,— подумав, ответил отец.— Особую, что ли, щепетильность. Не знаю, учат ли вас этому». Конечно, лучше бы вообще не заниматься этим. Так, помоему, в глубине души думает и отец. Да, лучше, если бы... если бы не логика борьбы, которую мы ведем.

Я сейчас не говорю об искоренении причин преступности вообще. Это дело всего общества. Но вот

наша борьба, моя и моих товарищей, включает в себя лишь две, но, однако, весьма важные и вполне конкретные задачи. Первая — это предотвращение готовящегося преступления, вторая — неременное раскрытие уже совершенного и задержание преступников. Борьба эта справедливая и в высшей степени нравственная, не так ли? Вы скажете, что такую борьбу нельзя вести безнравственными методами, а копаться без ведома человека в его жизни — это безнравственно. Вообще? Всегда? При любых обстоятельствах, спрошу я вас? Но, как известно, абстрактных истин нет, истина всегда конкретна. Что есть добро? Что есть зло? Не оборачивается ли одно другим при определенных, конкретных обстоятельствах? Рана от ножа бандита — это зло, но рана от ножа хирурга — это уже добро. Свободная воля — это добро, но как часто она оборачивается злом! Безнравственное любопытство при определенных условиях оборачивается нравственно необходимым знанием. Все конкретно, все оценивается, исходя из условий жизни и борьбы. И если на наше узнавание человеческих жизней наложить те принципы и те задачи, о которых я говорил, то это — добро, а не зло, это нравственно.

И никто мне не докажет обратное.

Я не случайно сегодня вспоминаю тот вечер и свою беседу, почти спор, с отцом, именно сегодня, когда знакомлюсь с жизнью и характером гражданина Бурлакова.

О, внешне тут все выглядит вполне благопристойно! Вот уже год, как ушел Бурлаков на заслуженный отдых. Жена его еще работает. Живут супруги тихо и дружно в своей большой кооперативной квартире в ЖСК «Строитель». Светозар Еремеевич страсть как любит детишек, для них всегда припасены у него в кармане дешевые леденцы. Любит он и поиграть в шахматы с такими же стариками-пенснерами из своего подъезда и ходит в чемпионатах, чем весьма гордится. Все жильцы помнят, как помогал Светозар Еремеевич строительству их дома. Если бы не он — когда бы еще этот дом построили. Ведь что ни день — возникали перебои: то техника подводила, то материала не хватало. И Светозар Еремеевич выручал: был он какой-то начальник в строительных делах. И на собраниях пайщиков его вечно благодарил председатель правления, отмечая его заслуги. А Светозар Еремеевич сидел в первом ряду, возвышаясь над всеми, огромный, седой, всегда красивый, по моде одетый, и снисходительно, добродушно улыбался в ответ на аплодисменты. Да и теперь то и дело навещается к нему новый председатель правления, просит посодействовать то с ремонтом, то в каких-то делах с райисполкомом. И Светозар Еремеевич никогда не отказывает, связи у него всюду остались. Потому неизменно и единогласно выбирается он всякий раз в правление и пользуется всеобщим уважением и почетом. Трое взрослых детей у Светозара Еремеевича и его супруги, два сына, оба женаты, инженеры, кажется, и дочь тоже замужем. Ну, сыновья, правда, навещают стариков редко, а вот дочь с мужем то и дело приезжают, их серенький «Жигуленок» частенько стоит у подъезда. Словом, все, как у людей, приятно даже посмотреть.

Вот как живет и что собой представляет Светозар Еремеевич Бурлаков, телефон которого по странной случайности попал к жителю Пензы, Ивану Харитоновичу Николову.

После всего, что узнаешь о гражданине Бурлакове, хочется, усовестившись, снять перед ним шляпу и горячо, вполне искренне извиниться за неуместное вторжение в его личную жизнь. И лишь какие-то

маленькие шероховатости и еле заметные неувязочки мешают мне на первых порах.

Ну, в самом деле, разве можно, например, придавать какое-то особое значение тому обстоятельству, что пай за квартиру оказался у Бурлакова на сорок процентов ниже, чем у других членов кооператива, а его квартира, размещенная на последнем этаже, была вопреки первоначальному проекту, так сказать, продолжена на чердачное помещение и там образована еще одна, весьма просторная и почти совсем уже даровая комната, в которую ведет красивая внутренняя лестница. Однако все это было разрешено официально гражданину Бурлакову общим собранием пайщиков за его заслуги перед кооперативом, хотя сейчас уже многими и забыто.

Можно было бы также пропустить мимо ушей и недобрый слух о том, что с сыновьями Светозар Еремеевич находится в весьма натянутых отношениях по причине, правда, никому не известной, и даже на день рождения они к отцу уже который год не являются. Говорят даже, что он хотел одному из них подарить якобы машину, да тот почему-то отказался. Но это и вовсе сомнительно и даже неверно.

И уж никто, конечно, не обратит внимания, что еще год назад, когда Светозар Еремеевич занимал свой высокий строительный пост, у него под началом служил некий Пирожков.

Однако меня все эти мелкие обстоятельства все же останавливают в желании снять шляпу перед Светозаром Еремеевичем, и какое-то смутное беспокойство заставляет продолжить знакомство с ним, все больше расширяя круг исследуемых фактов. Ох, кажется, большой промах совершил неведомый гражданин Зурих, дав телефон Светозара Еремеевича пензяку Николову. Ну, да разве мыслимо все предусмотреть в столь беспокойной и опасной жизни, какую, по-видимому, ведет этот гражданин Зурих!

В середине дня еду в трест, где работал Светозар Еремеевич и где до сих пор трудится Григорий Сергеевич Пирожков.

Задача мне предстоит не из легких. Я ни в коем случае не могу впрямую расспрашивать о Бурлакове, никто не должен даже предположить, что меня он интересует, и в то же время мне необходимо о нем многое узнать. Маскировка тут нужна, чтобы не изсторожить людей, не вызвать лишних разговоров, догадок, слухов, чтобы упоминали или даже рассказывали мне о Светозаре Еремеевиче не предубежденно и не специально, а как бы мимоходом, между прочим, не придавая тому значения.

Особые надежды я, конечно, возлагаю на Пирожкова, все-таки у нас установились вполне доверительные, почти союзнические отношения.

Трест расположен близ старинных торговых рядов в самом центре города. Длинные, приземистые двухэтажные здания с остатками лепных украшений по фасаду и широкими окнами в сложном переплетении рам, оказывается, буквально нафаршированы бесчисленными организациями и учреждениями. Десятки разнообразнейших вывесок прибиты возле каждого подъезда, размерами и материалом, из которого они выполнены, демонстрируя значительность и финансовую мощь своих хозяев. В этой молчаливой престижной борьбе нелегко разобратся, и я торчу минут по десять перед каждым подъездом.

Наконец возле третьего или четвертого я обнаруживаю нужную мне вывеску, захожу в гулкое, полутемное нутро и, поднявшись по широкой деревянной лестнице на второй этаж, приступаю к дальнейшим поискам.

— Семнадцатый трест? — переспрашивает меня поджарый седоватый человек в меховой кепке и коричневой дубленке, с пухлым портфелем в руках. — Идемте, идемте. Я тоже туда.

Разговор у нас завязывается естественно и свободно, тем более, что путь, как выясняется, нам предстоит не близкий. Для начала надо будет по другой лестнице снова спуститься на первый этаж и потом снова подняться на второй.

Мой попутчик уже не первый год по различным объектам связан с этим трестом. Поэтому исторический аспект разговора о делах треста подхватывается им весьма охотно и компетентно. Вехами тут, естественно, служат имена прежних руководящих товарищей, и фамилия Бурлакова всплывает как бы сама собой.

— Удельный князь Светозар, — усмехается мой попутчик. — Как же, как же. Имели счастье. Большие дела проворачивал. Во все стороны.

— То есть?

— И направо и налево. Ха-ха! Как угорь. И связи всюду. Крепко сидел. И на пенсию вовремя ушел. Проводить успели с почетом. А потом... Теперь вот новый. Молодой, энергичный, дело знает. Он мне вчера говорит: «Десять лет трест разваливали, а теперь хотят, чтобы я за один год все наладил». А вы сами от кого?

— Кооператив «Строитель», — без запинки отвечаю я.

— А-а. Светозар любил кооперативы.

— За что же их особенно любить?

— Сами знаете. — Мой спутник насмешливо щурится. — Если захотеть, вас ой как прижать-то можно. А вам выкручивайся, ищи ходы и выходы. То проект, оказывается, кое в чем подправить требуется, то дефицитный материал достать и вовремя завезти, то техникой обеспечить, которой не хватает. Знаем ваши дела. Вот тут Светозар и брал вас за жабры. Я с ним был завязан не по одному кооперативному объекту, когда в субподрядном тресте работал. Насмотрелся.

Словом, постепенно начинают выясняться любопытнейшие факты. На одной лестнице я даже предлагаю отдышаться и перекурить.

— Хе, хе. Был еще, помню, и такой случай, — закуривая, продолжает мой спутник, явно довольный столь внимательным и совсем, очевидно, желторотым слушателем. — Светозар трубы погнал аж в другой город. И трех сварщиков с ними. Приятель там какой-то помочь попросил, план у него горел. Во, фокусник был! А уж по городу, к примеру, с вашими кооперативами чего он делал! Ну, роман!

— И ни разу не попался? — с наивным интересом спрашиваю я.

— Раз-а три на моей памяти его ОБХСС тягал. Откручивался. Говорят, рука была. Других сажали, а он — в свидетелях. Ну, раз, кажется, суд в его адрес все-таки частное определение вынес. По вопросу о создании условий. Но этим он только утерся. А уж как всерьез запахло, Светозар наш — р-р-раз! — и на пенсию.

Беседуя таким образом, мы, наконец, добираемся до комнат, в которых разместился трест. Тут мы сердечно прощаемся, и я накрепко запоминаю этого словоохотливого инженера отдела капитального строительства одного из институтов.

Я приступаю к поискам Пирожкова.

Вскоре, однако, выясняется, что Пирожков болен и на работу третий день не выходит. И сообщают мне это с каким-то неожиданным для меня уважением к Пирожкову, с какой-то, я бы сказал, внимательностью к нему, теплотой даже. И я чувствую, что дело не только и даже не столько в том, что Пи-

рожков заведует сейчас одним из отделов треста, хотя и совсем недавно, лишь при новом начальстве, сколько в каких-то личных его качествах, которые всем тут, видимо, импонируют и которые я, наверное, просто не сумел разглядеть.

Но тогда тем более досадно, что Пирожков заболел. Я ведь именно через него и собирался продолжить знакомство с многообразной, как я убедился, и кипучей деятельностью «удельного князя» Светозара Еремеевича. Так что Пирожков мне нужен непременно, в первую очередь именно он.

Я разыскиваю в длиннейшем коридоре телефон-автомат и звоню Пирожкову. Сначала трубку снимает, видимо, дочь, — голосок юный и весьма бойкий. Потом подходит и сам Пирожков. Мне он несказанно рад. Я даже не ожидал такой реакции.

— Что, есть новости, Григорий Сергеевич? — спрашиваю я.

— В том-то и дело! И вот... — Голос его срывается на страдальческой ноте, — даже, видимо, прихватило.

— Тогда я приеду к вам.

И Пирожков торопливо диктует мне свой адрес.

Мысли мои кружатся вокруг Пирожкова. Неужели все-таки появился в Москве Зурих? И Пирожков повел себя так, как мы условились? Ох, не очень-то я уверен в этом, вот что. А если говорить по правде, то совсем не уверен. Больно уж трусоват, мне кажется, Пирожков. И если Зурих его прижмет чуть посильнее, то неизвестно, чем все это может кончиться. Передо мной всплывают огромные, водянистые, перепуганные глаза за стеклами очков, побелевший от волнения носик, зажатый между багровыми, небритыми щеками, я снова слышу сбивчивую, путаную речь Пирожкова.

Я прямо-таки сгораю от нетерпения повидать его и с досадой поглядываю в серый сумрак за окном троллейбуса. Слава богу, мне, кажется, выходить на следующей остановке.

Вот, наконец, и дом, который мне нужен, огромный, светлый и совсем новый, он растянулся магазинными вывесками и сверкающими витринами на целый квартал: «Обувь», «Мебель», «Овощи — фрукты»...

В полутемном дворе я нахожу указанный мне подъезд, поднимаюсь в лифте на девятый этаж. Звоню.

За дверью слышатся легкие шаги, стук каблучков. Лязгает замок. На пороге стоит девушка в пушистой коричневой кофточке и совсем коротенькой бежевой юбке. Прямые светлые волосы падают на плечи. Девушка весьма привлекательна и, видимо, прекрасно это знает. Она чуть насмешливо улыбается и, оглядев меня, говорит:

— Здравствуйте. Таким я вас себе и представляла. Заходите.

— С чьих же слов? — спрашиваю я, снимая пальто в маленькой и тесной передней.

— С папиных, конечно. Он в вас, между прочим, влюблен.

— Ну, это не опасно, — шучу я.

— Не волнуйтесь, я в вас не влюблюсь. Вы не в моем вкусе. Слишком высокий.

Девочка, однако, бойкая. Папаша, помнится, обрисовал мне ее совсем по-другому. Впрочем, это обычная история.

— Меня зовут Надя, — говорит она. — А вас — товарищ Лосев?

— Виталий.

— Вы собираетесь меня защищать? — иронически осведомляется Надя.

— А вам требуется защита?

Она небрежно пожимает плечами.

— Папа почему-то так считает,

— А вы как считаете?

— Я? — Надя кокетливо улыбается. — Что ж, такого защитника иметь всегда приятно.

В этот момент в передней появляется Пирожков. Он в пижаме и домашних шлепанцах, редкие седые волосы взъерошены, очки перекосятся на тонком носике, в пухлой руке зажата газета.

— Наденька, почему ты держишь гостя в передней? — сердито говорит он и оборачивается ко мне: — Извините, пожалуйста. Прошу.

Он распахивает дверь в комнату.

Надя не достаивает отца ответом, небрежно пожимает плечами и удаляется.

Мы с Пирожковым проходим в комнату, довольно уютно обставленную, с модной хрустальной люстрой под потолком, и усаживаемся в низкие кресла возле круглого журнального столика.

— Так что случилось, Григорий Сергеевич? — спрашиваю я.

— Случилось то, что я и предполагал, — нервно отвечает Пирожков, и маленький носик под очками начинает белеть от волнения. — Этот человек опять позвонил.

Он снимает очки и, близоруко щурясь, торопливо протирает их огромным синим платком с красной каймой, потом снова водружает на место.

— И вы?..

— И я ему сказал, как мы условились, что я согласен.

— Прекрасно.

— Да?.. Вы полагаете, что это прекрасно?.. А если... Вы только представьте на минуту... — Пирожков нервно откашливается, и пухлые пальцы его начинают непроизвольно барабанить по подлокотникам кресла, — только вообразите, что будет...

— Не надо ничего воображать, — мягко перебиваю я его. — Все будет так, как я вам обещал. Кстати, кто звонил?

— Все тот же... хулиган.

— Он вам сказал, когда приедет?

— Сказал, скоро. Вот и все. Жди тут, волнуйся...

А знаете, — неуверенно произносит вдруг Пирожков, — я по тону его понял: этот негодяй доволен, что запугал меня и заставил капитулировать. Выполнил, значит, задание. И я позволил себе задать ему один вопрос.

— Какой вопрос? — настораживаюсь я.

— «Вы, — спрашиваю, — мне не будете больше звонить?» А он и говорит: «Я все, я уматываю, папаша, в город-маму. Фартовая командировочка отложилась. Адьо, папаша. Теперь тебе сам позвонит, как приедет. А мы с тобой, папаша, увидимся, когда тебя подколоть надо будет. Или девушку твою». Ну, вы себе представляете? Я просто слово в слово все запомнил. Это ужас какой-то! И кто может послать этого хулигана в командировку, скажите мне?

Пирожков растерянно и тревожно смотрит на меня.

— В свое время все узнаем, — спокойно говорю я.

Но про себя я тоже недоумеваю. В самом деле, кто может послать в командировку этого типа? Уж не Зурих ли? И куда? «Город-мама» — это скорей всего Одесса. Опять Одесса!

— Пока будем ждать звонка... Ивана Харитоновича, — добавляю я, ибо Зурих представился ему как Николов. — И не надо так волноваться. Кстати, я хочу вас попросить вот о чем. Расскажите мне, Григорий Сергеевич, что вас заставлял делать ваш бывший начальник Светозар Еремеевич Бурлаков. И вообще, что вы помните о его малопочтенных делах?

На секунду оцепенев от неожиданности, Пирожков переспрашивает внезапно осплывшим голосом:

— Что?.. — Он с усилием откашливается. — Что вы сказали?

Я повторяю свой вопрос.

— Господи, ну зачем сейчас это ворошить? — жалобно говорит Пирожков. — Уверяю вас, все сроки давности уже миновали.

— Не в этом дело, — мягко возражаю я. — Видите ли, Григорий Сергеевич, вот вы мне тогда сказали, что встретились с этим, так называемым Иваном Харитоновичем — другим он представляется иначе — впервые, да?

— Ну, конечно, боже мой!

— И ничего о нем не знаете?

— Да, да. Я же вам говорил.

— Ну, вот. А Бурлаков, как мне кажется, знаком с ним давно и много чего о нем знает.

— Что вы говорите?! Он знает этого бандита?..

— Так мне кажется. Но чтобы заставить Бурлакова все рассказать, нам надо кое-что узнать о нем самом.

— Да, да... Я понимаю... понимаю... — в полной растерянности бормочет Пирожков.

Постепенно, однако, он приходит в себя, успокаивается и начинает рассказывать. Я вижу, он вполне искренно стремится мне помочь напасть на след человека, который причинил ему столько волнений и страхов. А заодно Пирожков дает выход своим давним и гневным чувствам. Он жгуче стыдится и негодует, что во многом невольно помогал Бурлакову. И когда гнев пересиливает стыд, Пирожков рассказывает мне все, что знает и помнит.

И я узнаю немало интересного о второй, неофициальной стороне деятельности Светозара Еремеевича в годы его «удельного княжения».

Таких «пустяков», как бесплатные путевки, различные сверхожидаемые премиальные, а также театральные билеты на премьеры, заграничные ручки, сигареты, зажигалки, даже импортные дубленки и прочее барахло, доставляемое и устраиваемое ретивыми заказчиками в надежде на скорейшее завершение их объектов, — всего этого Пирожков, конечно, не в состоянии сейчас припомнить и перечислить. Но были дела и покрупнее. К примеру, ловкие махинации со стройматериалами, механизмами, которых, конечно же, всегда и всюду не хватало, с процентовками, с дополнительными работами, не вошедшими в смету, наконец, манипуляции с самими сметами, которые, как резиновые, то раздувались, то сжимались в зависимости от «поведения» заказчика, причем каждый раз на вполне «законных» основаниях, благо всякого рода справочников, а также корректирующих и дополняющих их постановлений, инструкций и временных указаний всегда имеется в избытке.

Характерным тут было незаметное, казалось бы, вползание некоторых, окружавших Бурлакова, поначалу вроде бы честных работников во все эти более чем сомнительные операции, вползание, сперва как бы диктуемое интересами самого дела, плана, престижа, даже соревнования с другими трестами. А потом уже возникала некая повседневная, привычная, весьма удобная и всеми как бы признанная «практика», без которой, казалось, уже ступить было нельзя. Да и подачки со стола «удельного князя», суеда встревоженных заказчиков, подсовываемые ими соблазны довершали этот губительный процесс.

Но особенно настораживает меня сейчас другая, обнаруженная в свое время Пирожковым черта в подпольной деятельности Светозара Еремеевича. Заключается она в том, что махинации, проводимые

вначале в пределах города и подведомственных тресту объектов, с какого-то момента начали расширяться и географически.

И тут в рассказе Пирожкова мелькают уже известные мне по Валиной таблице названия городов: Ростов, Ленинград, Одесса. Пирожков вспоминает, что трубы и сварщики были направлены именно в Ростов, а двадцать тонн дефицитного керамзита в Одессу. В другой раз было отгружено в Ленинград несколько тонн не менее дефицитного рубероида и импортного стенового пластика.

— Выходит, уже прямое хищение? — спрашиваю я.

— А! — безнадежно машет рукой Пирожков. — Там разве можно было разобраться? Я ведь в эти дела не ввязывался, я их как огня боялся. Не знал, какому богу молиться, когда Светозар наконец убрался от нас.

И я ему верю. Нет, Пирожков не ввязывался в эти махинации не только из трусости, ему мешала и совесть. Он не только боялся Бурлакова, он еще и презирал его. Трусость, ощущение своей униженной зависимости мешали ему разоблачить все эти махинации, презрение и совесть мешали соучастию в них.

Между тем иногородние махинации Бурлакова наводят на мысль о возможных его связях с Николовым-Зурихом. Но об этом я еще посоветуюсь с компетентными ребятами в ОБХСС.

В этот момент в передней раздается звонок.

Я слышу, как Надя пробегает по коридору, и через минуту ее хорошенькая головка просовывается в дверь комнаты, где мы сидим.

— Папа, к тебе Анна-Игнатьевна.

— Ах, это наш районный врач, — спохватывается Пирожков и смущенно смотрит на меня.

— Идите, идите, — говорю я. — А мы пока вот с Надей поговорим. Если она, конечно, не возражает. — И я поворачиваюсь к ней.

— Конечно, не возражаю, — улыбается Надя и заходит в комнату. — Даже интересно.

Пирожков тем временем, кивнув, исчезает за дверью, и голос его доносится уже из передней.

Надя с рассчитанным изяществом опускается в кресло, где только что сидел отец. Мы оба закуриваем.

— О чем же будем говорить с вами? — довольно иронически спрашивает она.

— О грозящей вам опасности, — в тон ей отвечаю я. — Вы этим не обеспокоены?

— Я? — усмехается Надя. — Я, знаете, не дура.

— Но звонки-то были? И угрозы, кажется, тоже?

— Ну, и что? Какой-то шизик выпендривается, а я должна психовать, по-вашему?

— А кто этот шизик, вы не знаете?

— Понятия не имею.

— Может, его просто подослали?

Что-то новое вдруг мелькает в ее взгляде, я только не успеваю разобрать, что именно. Надя, как-то странно улынувшись, задумчиво говорит:

— Может быть, кто-то и подослал. Откуда я знаю?

Но мне кажется, что она что-то знает или, во всяком случае, о чем-то догадывается.

И тут вдруг у меня в мозгу как бы происходит некое замыкание, словно соединили два оборванных конца провода и возникла цепь, загорелась лампа, высветила кое-что в темноте.

— Надя, — говорю я, — вам знакома такая фраза: «В Третьяковке, в зале Куинджи»?

Она насмешливо смотрит мне в глаза, но сигарета слегка вздрагивает в ее тонких пальчиках.

— Знаете что? — говорит Надя. — Только не берите меня «на пушку».

— Вы мне не ответили на вопрос.

— А я не обязана отвечать на дурацкие вопросы. Вот еще!

Упрямо вздернув подбородок, она откидывается на спинку кресла и перебрасывает ногу на ногу, при этом юбочка ее уползает вверх, но Надя и не думает ее одергивать. Ноги у нее, надо сказать, весьма красивые. Я отвожу глаза и, затаившись табачным дымом, как можно спокойнее говорю:

— Этот же вопрос можно задать и по-другому. Хотя бы так: зачем вы приходили в гостиницу к тому человеку?

Надя продолжает демонстративно молчать. Я таких упрямых девачонок знаю. С ними бывает труднее, чем с любым парнем.

— Так и будем молчать? — спрашиваю я.

— А что делать? — безмятежным тоном отвечает Надя и улыбается. — Если вам больше не о чем со мной говорить.

— Все в свое время, — говорю я. — А пока я жду ответа на вопрос.

— Вам придется очень долго ждать.

— Ничего. Я терпеливый. И вопрос достаточно серьезный. Если вы все-таки захотите на него ответить, позвоните мне. Вот мой телефон.

Я достаю ручку, пишу свой номер телефона на листке блокнота и, вырвав его, кладу на столик.

— А я пойду. С Григорием Сергеевичем мы уже обо всем поговорили. До свидания, Надя.

Я встаю и направляюсь к двери.

Надя поднимается вслед за мной. И с демонстративной небрежностью берет со столика листок; мол, просто так, чтобы не валялась лишняя бумажка, потом ее можно и выбросить. Игра довольно наивная. Я понимаю, что телефон она не выбросит. А вот позвонит ли?

На улице уже темно.

Сыплется снег.

Я тороплюсь к себе в отдел. Уже около семи вечера. Меня ждет Кузьмич. И у меня есть что ему рассказать.

Итак, постепенно начинают выявляться связи Зуриха в Москве. Но, конечно, еще далеко не все. Вряд ли, например, Бурлакову была адресована записка: «Приходи, посоветуемся...» Иначе он тоже уехал бы из Москвы на тот «слет». А он куда не уезжал.

И еще одна ниточка требует внимания. С кем же все-таки встречался Зурих на фабрике, где работает Варвара? Ведь именно там она его и увидела, там он к ней и прицепился.

А вот к кому он туда приехал, Варвара, по ее словам, не знает. Это вполне возможно. Но одно ясно: какие-то темные дела привели его туда, не иначе.

Такова вторая линия поиска Зуриха в Москве. А еще Надя. Зачем она приходила в гостиницу? Конечно же, именно ее видел там Виктор Сбокий, от нее пришел в восторг. Помнится, Виктор сказал, что Зурих вовсе не ухаживал за девушкой. Значит, какие-то другие дела у них? А может быть, Виктор ошибается? Нет, вряд ли. У него на такие ситуации глаз наметанный. Тогда все это выглядит весьма подозрительно.

Да, дел с Зурихом и по одной Москве хватает. А тут еще пять других городов.

Интересно, что узнал Валя Денисов об этих людях, какие данные сообщили ему наши товарищи оттуда?

Но как только я приезжаю к себе в отдел, на меня обрушивается ошеломляющая новость.

Я узнаю, что убит Олег Иванович Клячко, врач из Саратова.

Значит, «окончательный расчет» все-таки состоялся.

Теперь Зурих обрисовывается с новой, опаснейшей стороны. И найти его надо во что бы то ни стало...

Глава VI

НАДО БЫТЬ КО ВСЕМУ ГОТОВЫМ

Итак, убит Олег Иванович Клячко, врач из Саратова. Сообщение об этом было получено еще утром, и к моему приезду Игорь и Валя Денисов многое уже успели выяснить.

Труп был обнаружен случайно, близ железнодорожного полотна, в ста километрах от областного

центра, много севернее Москвы. Он был зарыт в снег и, если бы не собака одного из местных жителей, пролежал бы там, наверное, до весны. Клячко был убит ударом в затылок каким-то тяжелым предметом. По заключению медэксперта, смерть наступила три дня назад, то есть двадцать девятого октября, на следующий день после отъезда Клячко из Саратова. Ни документов, ни денег при нем обнаружено не было. Однако в одном из карманов пиджака оказался старый рецепт, выписанный им на бланке Саратовской городской поликлиники. Местные органы милиции немедленно связались с Саратовом. А в это время Валя Денисов запрашивал там данные о Клячко. И ему тут же передали сообщение об убийстве.

После этого уже Игорь связался с тем областным центром. И он же сделал первый важный вывод из полученных данных: оказывается, Клячко был убит на железнодорожном перегоне от этого областного центра к Пунежу.

Мы сидим в прокуренном кабинете Кузьмича, и Игорь как раз докладывает об этом происшествии.

Говорит он, как всегда, неторопливо, обдуманно и внешне вполне спокойно. Широкое лицо его с квадратным подбородком и приплюснутым носом как бы застыло в своей боксерской невозмутимости. Он только изредка проводит рукой по черному ежику волос, да под узкими, отпущенными им недавно бакенбардами время от времени вспухают желваки. И мне ясно, что Игорь нервничает, хотя это никому незаметно, кроме меня.

— Я продумал вопрос с Пунежем, — обращается он к Кузьмичу. — Я думаю, что они собрались именно там. Хотя это и глупо. В маленьком городке каждый приезжий на виду.

— Они могли собраться в том областном центре, — негромко и спокойно замечает Валя. — Даже скорей всего там.

— Нет, — возражает Игорь, — зачем тогда Клячко сразу же едет в Пунеж? Скорей всего кто-то встретил его в том городе, и дальше они поехали вместе. И этот человек...

— Стойте, стойте! — вдруг вспоминаю я. — Ведь письмо на имя Николова в гостиницу пришло как раз из того города, по-моему. Дядя Петя написал, что тетя больна, и просил срочно приехать. Помните? Где это письмо?

Письмо мы тут же находим в Валиной папке, и оно идет по рукам.

— Все равно, — упрямо говорит Игорь. — Его мог написать тот человек из Пунежа, а отправить из областного центра.

— Тогда его зовут дядя Петя, — пожимает плечами Валя и придвигает к себе таблицу.

Неужели его ничто не волнует в этой истории, кроме возможности заполнить еще одну графу в своей таблице?

Кузьмич молча косится на него. Кажется, ему тоже не нравится Валино спокойствие.

— И все-таки нельзя отбрасывать и другую версию, — говорю я. — Что они собрались в том областном городе.

— Отбрасывать пока рано, — соглашается Игорь.

— Ну-ка, Денисов, доложи, что сообщает Саратов об этом самом Клячко, — говорит наконец Кузьмич.

Валя все так же невозмутимо достает из папки еще один листок и, поглядывая в него, докладывает:

— Клячко Олег Иванович, возраст — тридцать семь лет, врач городской поликлиники, стоматолог, работает там около десяти лет. Холост. Три года назад развелся. Бывшая жена работает там же, старшей медсестрой. Детей нет. Живет широко... то есть жил, — очень спокойно поправляет себя Валя и дальше продолжает говорить о Клячко уже в прошедшем времени: — Подозревался в скупке золота и незаконном изготовлении протезов и коронок. В прошлом работал зубным техником. Однако конкретных данных против него не имеется. Никаких подозрительных связей по Саратову также не установлено. Часто брал свободные дни за свой счет. В поликлинике его ценили и шли навстречу.

— Скорей всего именно к нему и приезжал Зурих, — вставляю я. — Наверное, его-то и видел на перроне Страхович.

— Возможно, — соглашается Валя и добавляет: — Вот и все сведения о Клячко.

И тут я вспоминаю еще об одном обстоятельстве.

— Между прочим, — говорю я, — по паспорту Клячко три дня жил в Москве Мушанский, помните?

— А Зурих по приезде в Москву звонил Клячко

в Саратов, — говорит Валя и смотрит в свою таблицу. — Через пять дней, седьмого октября.

— Так, так... — Кузьмич задумчиво постукивает очками по столу. — Все, что касается Клячко, теперь особенно важно. Особенно.

Кузьмич снимает трубку внутреннего телефона и набирает короткий номер. Я слежу за его пальцем и догадываюсь, что он звонит нашему следователю Саше Грачеву.

— День добрый, — гудит в трубку Кузьмич. — Это Цветков... Ну, правильно, вечер. Вот что. Просьба есть. Как у тебя с Мушанским, психологический контакт найден?.. Вот даже как? Тогда допроси его, будь добр, насчет еще одной кражи. Паспорт на имя Клячко Олега Ивановича. Записал?.. Мушанский жил по нему в Москве... — Кузьмич кладет трубку и поворачивается к Игорю. — И вот что надо еще сделать. Свяжись-ка с Саратовом. Пусть они немедленно, фототелеграфом, вышлют в Пензу фотографию Клячко. Затем позвони Rogozinu. Чтобы он сразу предъявил эту фотографию Страховичу, среди других, конечно, как положено. Опознает он человека, который провожал Зуриха, или нет? Все понял?

Игорь сдержанно кивает.

— Так иди и звони. И вот еще что...

Собравшийся уже было выйти из кабинета Игорь останавливается и молча оборачивается.

Кузьмич задумчиво смотрит на него и добавляет:

— Завтра едешь в Пунеж. Как только получим данные из Пензы и от Мушанского. Поездом поедешь. Самолетом сейчас застрять можно, погода неустойчивая. Сначала в областное управление загляни. Что они там раскопали за это время, узнаешь. Ну, а потом уже в Пунеж.

Игорь все так же молча кивает и выходит.

Мы смотрим ему вслед, и настроение у нас заметно портится. Во всяком случае, у меня и у Кузьмича. Валу, по-моему, ничего не трогает.

Кузьмич же хмурится, утюжит ладонью свою седую макушку и говорит мне сердито:

— Ну, а теперь ты докладывай.

Я подробно сообщая о Бурлакове, о том, что узнал от Пирожкова, о его драгоценной дочке и о последнем звонке того типа к Пирожкову.

Когда мы уже собираемся уходить, Кузьмич нерешительно говорит мне, словно в чем-то сомневаясь:

— Вот еще что... Давай-ка завтра проводи Откаленко, — и ворчливо добавляет: — Не нравится он мне что-то.

Утром я еду на фабрику. Путь не близок: сначала на метро, с пересадкой, потом на троллейбусе. К тому же сейчас часы пик и народу тьма-тьмущая.

По профессиональной уже привычке я наблюдаю за всем происходящим вокруг. Давно еще Кузьмич, заметив как-то раз у меня в кармане газету, сказал: «В дороге никогда не читай. Сыщик должен быть всегда собран, должен все вокруг видеть». И я привык все видеть, все замечать. И не раз, между прочим, мне случайно на глаза попадались люди, весьма меня интересующие. Не раз случалось прийти кому-то вовремя на помощь. Но одновременно я умудряюсь в дороге размышлять о своих делах. Сейчас, например, я думаю о фабрике: с чего мне там начать, с кем поведаться, как лучше выяснять, к кому и зачем приезжал туда Зурих.

К воротам фабрики я подхожу, когда дневная смена уже приступила к работе. В проходной пусто. Я предвещаю женщине-вахтеру свое удостоверение и, провожаемый ее любопытным взглядом, иду через весь двор мимо длиннейшего, в четыре эта-

жа, здания одного из цехов, откуда несется немолчный грохот и визг машин, к небольшому двухэтажному дому, где размещается управление фабрики.

На первом этаже я довольно быстро нахожу отдел кадров. Не успеваю я протянуть руку к обитой дерматином двери, как она с шумом распахивается и в коридор вываливается старый мой знакомый — бывший Варварин дружок, здоровяк Толик, с которым у нас так неудачно сложились отношения при первом знакомстве. Вот так встреча!

Круглое лицо Толика пылает от гнева. Он, видимо, чем-то сильно взволнован и меня в первый момент не узнает. Я сам окликаю его:

— Здорово, Толик!

Я вовсе не хочу с ним враждовать, и не потому, что мне в свое время здорово попало от Кузьмича за ту нелепую драку, и даже не потому, что Кузьмич мне тогда сказал: «Аукнется тебе еще этот случай». И уж, конечно, не потому, что Толик стал вдруг мне чем-то симпатичен. Нет, этот парень — дрянь. Но я тогда повел себя с ним неверно, я бы даже сказал, профессионально неграмотно, что ли. Следовало все-таки установить с ним в тот раз хоть мало-мальски дружеские отношения и, так сказать, с миром выпроводить из дома Варвары. Поэтому сейчас стоит исправить что можно...

Толик в первый момент оторопело смотрит на меня и, наконец, узнает. Маленькие глазки его зло щурятся, и он глухо, с угрозой говорит:

— Ну, здорово...

— Что это ты такой взбеленный? — как ни в чем не бывало спрашиваю я. — Неприятности? — и киваю на дверь, откуда он вышел.

— А тебе чего?

— Да так. Может, помочь чем могу?

— Вы поможете...

Толик неприступен и на мировую идти не собирается.

— Ну, ну! Зачем же так? — добродушно говорю я. — Нам с тобой вроде делить нечего.

— Знаем зачем...

Он явно стремится избавиться от меня, но я делаю еще одну попытку примирения и спрашиваю его:

— Так ты, выходит, здесь работаешь?

— Был, да сплыл, — насмешливо отвечает Толик, словно его сообщение должно меня чрезвычайно огорчить.

— Уволился, значит?

— Нет такого закона, чтоб насильно держать, — рычит он. — Мало чего они хотят! Плевал, мать их...

Он смачно ругается и уже решительно поворачивается ко мне спиной. Я провожаю его взглядом.

— Ишь, законник! — раздается за моим плечом чей-то голос.

Я оглядываюсь. В дверях стоит худенькая женщина в застиранном синем халате и белой косынке.

— Чего это он так расшумелся? — спрашиваю я.

— Увольняться надумал, — объясняет женщина. — Ему, значит, говорят: «Отработай две недели». А он в крик. С сегодняшнего дня ему, видишь, надо. И всё тут. Ждут его где-то не дождутся, сокровища такого.

— А, может, и правда ждут?

— Ага. Дружки за воротами. Выпить. Это верно, ждут. Да он уже с утра где-то хлебнул, паразит. Она машет рукой и уходит.

Я захожу в отдел кадров.

В кабинете начальника меня встречает довольно молодая, улыбающаяся и весьма приветливая женщина, одетая красиво и модно. Я в первый момент даже чуть-чуть теряюсь.

Женщина не только мила и приветлива, но и довольно смысленная. Она быстро понимает, что мне нужно, и дает весьма разумный совет. После этого сама связывается по телефону с нужным мне человеком. И я направляюсь в обратный путь, через двор, к проходной.

В маленькой комнате вахтера меня уже ждет начальник охраны, длинный усатый дядя в старой, армейского образца шинели. Дядя этот, несмотря на свой суровый и внушительный вид, оказывается весьма любопытным, так что я решаю не только не посвящать его хотя бы частично в свои дела, но даже собираюсь сбить с толку и тут же придумываю для своего визита совсем иной повод. Дядя с ходу «заглатывает» его и необыкновенно рьяно начинает мне помогать. Он вытаскивает из стола корешки пропусков и регистрационную книгу, и по ним мы начинаем проверять, кто в середине прошлого месяца посетил фабрику по разовому пропуску, а также к кому эти люди направлялись.

И, представьте себе, довольно быстро обнаруживаем, что некий гражданин Зурих М. А. был на фабрике седьмого октября. При чем пропуск ему был заказан самим директором.

— Может так случиться, — спрашиваю я начальника охраны, — что пропуск заказывает один человек, а посетитель идет к другому?

Тот мрачнеет, заскорузлой рукой подергивает усы и минуту что-то усиленно соображает, наконец, выдает из себя:

— Не положено.

— Я понимаю, что не положено, но бывает так или нет? — допытываюсь я.

— Не могу знать.

— А кто может знать?

— Ну... словом... кто заказывает.

— А вам такие случаи неизвестны?

— Мне-то?..

Начальник охраны проявляет все большее беспокойство. Очевидно, он боится, как бы самому не попасть впросак или не подвести кого-нибудь из начальства.

— Да. Вам лично, — говорю я, ощущая всю безнадёжность своих попыток.

— Откуда же... Не могу знать...

— Ну, хорошо, — со вздохом соглашаюсь я. — К примеру, тут вот несколькими гражданам выписаны пропуска по указанию директора. Вот этому... этому... этому... Я указываю на записи в книге и среди прочих включаю Зуриха. — Они все шли именно к директору?

Дядя в шинели тербит усы и тупо следит за моим пальцем, потом хмуро изрекает:

— Не могу знать.

К нашему разговору с любопытством прислушивается поленькая, краснощекая девушка-вахтер в серой, кокетливо сдвинутой набок солдатской ушанке и в черной шинели с зелеными уголками на воротнике, туго перелоясанной широким ремнем.

— А чего тут знать-то! — беспечно говорит она, озорно блестя глазами. — Ему, небось, как Зоя Федоровна утречком списочек даст, он и подмахнет. Дело какое!

— А ты молчи, Сазонова, — сердито обрывает ее начальник охраны. — Тебя не спрашивают.

— Как же молчать-то, если вы человеку ответить сами не можете, — обижается девушка.

Надув пухлые губки, она с независимым видом отворачивается к столику возле окошечка, где выписывают разовые пропуска. За окошечком видна проходная и второй вахтер, тоже женщина.

— А вот на сегодня у вас такой списочек есть? — спрашиваю я девушку.

— Ясное дело, есть,— отвечает она, не поворачиваясь.

— Покажите,— прошу я.

Переписываю несколько фамилий к себе в блокнот. Затем прощаюсь и снова иду через двор, к уже знакомому мне административному корпусу.

Там я поднимаюсь на второй этаж и через минуту здороваюсь с невысокой черноволосой женщиной в строгом костюме — секретарем директора Зоей Федоровной.

Это весьма деятельная и энергичная особа. Ее со всех сторон осаждают вопросами и просьбами, подсовывают различные бумаги, тут же непрерывно звонит то один, то другой телефон на тумбочке возле ее стола.

Тем не менее Зоя Федоровна выбирает время и для меня. Быстро просмотрев список, который я ей показываю, она говорит:

— Вот этот товарищ идет в фабком, этот — к главному механику, эти двое — в бухгалтерию. Остальные — к нам.

Но самым замечательным в Зое Федоровне оказывается ее память. Она помнит буквально всех посетителей, которые побывали у директора фабрики за последний месяц. Я называю самые разные выписанные мною фамилии, в том числе и Зуриха.

— А этот товарищ,— говорит о нем Зоя Федоровна,— приехал из Ленинграда. Их промторг хотел заключить договор с нами.

— И заключил? — удивленно спрашиваю я.

Мне не следовало бы задавать этого вопроса, ни о ком другом я дополнительных вопросов не задавал, но уж очень поразило меня неожиданное амплу Зуриха.

— Это можно выяснить в плановом отделе или в отделе сбыта,— деловито отвечает Зоя Федоровна и тут же звонит по одному из телефонов.

Через минуту оказывается, что договора с ленинградским промторгом нет.

— А кто этим вопросом интересуется? — любопытно спрашивает чей-то мужской голос в трубке.

— Из управления,— даже не улыбнувшись, спокойно отвечает Зоя Федоровна, видимо, не собираясь зря волновать своих сослуживцев.

— В связи с приездом товарища из Ленинграда? — не унимается ее собеседник.

— Наверное.

— Я могу дать пояснения!

— Никаких ваших пояснений не требуется,— строго говорит Зоя Федоровна.

Мне хорошо слышен этот разговор, и я легко улавливаю то напряжение, с которым он ведется, во всяком случае, на том конце провода.

Поэтому я, исправляя свой промах, задаю дополнительные вопросы и о других посетителях, и Зое Федоровне снова приходится звонить в отдел сбыта.

— С кем вы там говорили? — спрашиваю я.

— С начальником отдела товарищем Сивоконем.

Эту фамилию я запоминаю.

Что ж, для начала я, кажется, узнал немало. Дальше предпринимать какие-либо шаги опасно, пока я не проконсультировался с моими коллегами из ОБХСС.

На вокзал я приезжаю вовремя. Поезд только что подали к перрону, пассажиров возле вагонов немного, и я довольно быстро обнаруживаю Игоря. Он в темном пальто, с портфелем в руке одиноко стоит возле вагона и курит. Лицо его хмуро и озлобленно. У него сложнейшая задача: вместе с местными товарищами предстоит раскрыть убийство

Клячко, с учетом многих, весьма усложняющих дело обстоятельств, о которых мы пока только догадываемся. Но думает ли Игорь о том, что его ждет, или о том, что оставляет,— это еще вопрос.

Заметив меня, он, неторопливо идет навстречу. Мы здороваемся, и он сообщает:

— Звонил Rogozin. Страхович опознал в Клячко человека, который провожал Зуриха второго октября в Саратов. Это раз. Второе. Rogozin установил, что до второго октября Клячко все дни был на работе. А вот третьего взял за свой счет четыре дня. И куда-то уехал. Вернулся седьмого.

— И седьмого вечером,— добавляю я,— ему звонил из Москвы Зурих.

— Именно. Теперь дальше. Самое интересное,— Игорь немного оживает,— Мушанский признался еще в одной краже.

— Паспорт Клячко? — быстро спрашиваю я.

— Да. Но знаешь, где он эту кражу совершил? В Одессе.

— Вот это да... Значит, Клячко махнул на четыре дня в Одессу? И где остановился?

— В гостинице.

— Клячко заявил о краже?

— Проверили. Не заявил. И в тот же день уехал назад, в Саратов.

Итак, опять Одесса. Какой-то тугой узел завязывается и там. Москва, Пунев, Одесса... В Пунев едет сейчас Игорь. Что его там ждет?..

Тут я вдруг замечаю, что в руке у Игоря незнакомый мне портфель.

— Чей это ты портфель прихватил? — спрашиваю я.

— Отцовский,— неохотно отвечает Игорь.

И я начинаю кое о чем догадываться.

— Разве ты не из дома едешь?

— Я сейчас у стариков живу.

Игорь еще больше хмурится.

Мы опять умолкаем. Ох, как мне трудно стало с моим другом! Никогда так не было. Разве раньше я думал, что ему сказать и чего не говорить? И как сказать? Да никогда. А вот теперь я каждый раз ловлю себя на этом.

— Ты... уже решил? — через силу все-таки спрашиваю я.

— Все решилось само собой... Давно... — цедит Игорь, внимательно разглядывая что-то у себя под ногами.

Он словно боится встретиться со мной взглядом, наверное, чтобы не дрогнуть, не изменить принятое решение. Так, во всяком случае, мне почему-то кажется.

— Но это не может решиться само собой,— возражаю я.— Нельзя, чтобы это решалось само собой.

— Эх... — Игорь со снисходительным сожалением смотрит на меня.— Много ты понимаешь...

— Надо сто раз подумать,— тихо говорю я.— Чтобы не пожалеть потом.

— Я думал тысячу раз...

— Один?

— Чудак... — Игорь горько усмехается.

А я начинаю злиться и с трудом подавляю в себе это чувство. Мне так хочется сказать ему: «Об этом надо думать с другом. С другом, а не одному». Но я этого, конечно, не говорю. Я говорю совсем другое.

— Ты меня не понял. Лена тоже так думает?

— Лена тут ни при чем. У нас с Аллой все равно этим бы кончилось. Ну, как бы тебе объяснить... Она требует от меня порабощения, понимаешь? Полного порабощения. И мечтает поработиться

сама. Я так не могу... И она ничего не желает понять... Нет, это невозможно объяснить...

— А я думаю...

— Ты ничего не можешь думать! — резко обрывает меня Игорь. — Никто не может. Только я. Ну и Алла. Это всегда касается только двоих. Всегда! Поймите же наконец черт возьми! Только двоих!..

Игорь сейчас почти кричит. Да-да, совсем тихо, чуть не шепотом, но кричит. У него уже не выдерживают нервы.

И я думаю, что Игоря нельзя отпускать в таком состоянии, вообще никуда нельзя отпускать, тем более в Пуневе, с таким заданием... Но тут же мне в голову приходит совершенно иная мысль: ему непременно надо уехать, надо на что-то переключиться и чем это «что-то» будет труднее и опаснее, тем лучше! Вот если бы только я мог поехать с ним! Если бы мог! Надо попробовать поговорить с Кузьмичом, объяснить ему. И тогда я прилечу.

В этот момент по перрону разносится скрежещащий, резкий голос из репродуктора:

— До отхода поезда... пассажиров просим...

— Ну, бывай, — говорит Игорь и протягивает мне руку. — Только не сердись на меня.

— Что ты! Бывай. До скорого, — торопливо отвечаю я.

Мне так хочется Игоря обнять. Но я только крепко жму ему руку. Наверное, я все-таки чересчур сентиментален.

— Там поглядим, до скорого или нет, — усмехается Игорь.

— Гражданин, гражданин! — кричит ему проводница. — Займите свое место!

Игорь, прощаясь со мной, поднимает руку, затем поворачивается и прыгает на проплывающую мимо него ступеньку вагона. Оттуда он еще долго машет мне рукой.

Вагоны все быстрее скользят перед моими глазами.

Я приезжаю к себе в отдел и узнаю, что Кузьмича нет. И будет он только к вечеру.

С Валей и Петей Шухминим идем обедать в столовую.

— Проводил? — спрашивает Петя.

— Проводил.

— Ну, ну, пусть проветрится, — удовлетворенно говорит он. — Ветер дальних странствий, пыль дорог и всякое такое. А вась, соскучится по красавице жене. А то ишь чего задумал! Да мне бы такую, я бы на руках ее носил. Пылинка сдувал.

Он весело подмигивает.

Между прочим, от наших ребят невозможно что-нибудь скрыть. Все им надо знать, и все они знают. Профессиональная привычка, наверное. Видимо, не я один неловко кое-какие справки. И о Лене, конечно, тоже знают.

После обеда я отправляюсь к ребятам в ОБХСС. Мне надо о многом с ними посоветоваться. Там есть классные специалисты. Например, Эдик Албанян.

По специальности Эдик — экономист и, как ни странно, окончил экономический факультет во ВГИКе. Мечтал о кино. Года два работал на «Мосфильме» помощником директора картины. Последнего своего директора он поймал на «липовых» нарядах. До суда, однако, дело не дошло. Жулик удивительно ловко выкрутился. На Эдика это произвело сильнейшее впечатление. Он вообще человек впечатлительный, темпераментный и энергичный. И еще самолюбивый. Он уволился со студии и по

совету одного друга пошел в ОБХСС. Мне кажется, уязвленное чувство справедливости привело его туда. Он стал опытным специалистом. И не таких жуликов, как его бывший директор, отправлял он на скамью подсудимых.

В последние годы Эдик работает как раз по тем «линиям», которые сейчас меня интересуют. И тут он может оказаться для меня незаменимым консультантом.

Я довольно быстро отыскиваю его, и мы уединяемся в одном из кабинетов.

— Погоди, дорогой, погоди, — торопливо перебивает меня Эдик. — Давай разделим все на два вопроса. Строительные дела — это сейчас моя линия. Фабрика — не моя. Один момент!

Он срывает трубку телефона, набирает какой-то номер и кричит:

— Володя?.. Привет! Срочно зайти в сто седьмую. Я тут. Есть кое-что для тебя. Ну, давай, давай, одна нога там, другая здесь. Пока человек не ушел.

Когда он вешает трубку, я с удивлением спрашиваю:

— С чего ты взял, что я собираюсь уйти?

— Э! — машет рукой Эдик. — Его заспешить надо. Хороший парень, понимаешь, но немножко спит. Ну так вот. Теперь с твоим «удельным князем». Кое-что я тебе дам. А вась, пригодится. По этому тресту мы, понимаешь, работали. Сейчас увидишь. Момент!

Он снова хватается за телефон.

— Ниночка? Знаешь, как я тебя люблю?.. А то, что другу моему надо срочно помочь. Помнишь дело по семнадцатому тресту?.. Умница! Приготовь, будь ласкова. Я сейчас забегу.

В это время в комнату неторопливо заходит высокий, полный человек в очках, светлые волосы гладко зачесаны назад, мясистое лицо его невозмутимо, даже немного сонно.

— Вот он! — вскакивает Эдик и обращается к вошедшему: — Знакомься, Володя. Это мой друг Лосев, из уголовного розыска. Он тебе все расскажет. А я сейчас...

И он стремительно выскакивает из комнаты.

— Старший инспектор Сурков, — представляется Володя и протягивает большую, пухлую руку. Рука оказывается неожиданно сильной.

Я снова рассказываю о фабрике, о Зурихе и о кофточках.

— Из Ленинграда, говорите, приехал?.. — задумчиво повторяет Сурков. — Хм, хм... Скорей всего, пожалуй, Сокольский ему там наворожил.

— Точно, — подтверждаю я. — Зурих именно с ним и говорил из Москвы по телефону.

— Так, так. Ну, этого прохвоста Сокольского мы знаем. И с товарищами из Ленинграда контактируем. Они вокруг него уже работают. А вот... Зурих, вы говорите?

— Да, Зурих.

— Это новая фигура. Какие же его связи выявлены по нашей линии? Ну, Сокольский — раз. А в Москве?

— Фабрика. И там, видимо, начальник отдела сбыта. Сивоконь.

— И этот нам знаком. Но каждый в отдельности. А тут, оказывается, цепочка...

— А какова тут может быть роль Зуриха, как полагаете?

Сурков с ответом не спешит и, видимо, что-то про себя прикидывает.

Я закуриваю и его не тороплю.

— Фигура опасная, — наконец изрекает Сурков. — Скорей всего организатор. И с размахом. Сбыт товара в других городах.

— Неужели на этом можно так уж крупно заработать?

— А вы думали? — усмехается Сурков. — Вот смотрите. Элементарный расчет. Фабрика выпускает в течение года кофточки этого артикула партией, допустим, в триста тысяч штук. Из них только около пятидесяти тысяч имеют дефицитный и, надо сказать, действительно превосходный васильковый цвет. На большее количество у фабрики пока не хватает красителей. Что делает жулик, такой, как этот начальник отдела сбыта? Он передает дефицитные кофточки трем-четырем «своим» директорам магазинов, тоже, конечно, жуликам. С накидкой, допустим, по рублю за кофточку. Это, как видите, уже пятьдесят тысяч рублей. Ну, возьмем не пятьдесят, а двадцать пять тысяч: половину кофточек он вынужден передать честным директорам. Далее. Те самые жулики-директора перепродают затем эти кофточки спекулянтам, тоже накинув, скажем, всего лишь по рублю. И новый куш у них в кармане — еще двадцать пять тысяч! Теперь такой, делец, как ваш Зурих, организует сбыт этих кофточек в другом городе, где их вообще не производят и в магазинах их нет. И он уже накидывает по три, а то и по четыре рубля за штуку. Это же бешеные деньги! Тут можно окупить любые расходы по перевозке и услугам местных спекулянтов. Вот какая картина получается. Это, заметьте, не только экономическая диверсия, это политический и нравственный удар по государственной системе торговли, подрыв доверия к ней. За это надо карать беспощадно!

Володя Сурков сжимает свой огромный кулак, и впервые на его невозмутимом, чуть сонном лице отражается волнение.

И я вынужден признать себе, что до сих пор не представлял до конца всей важности и сложности работы ОБХСС, всей ее ответственности, что ли, перед обществом. Я даже ощущаю некое горделивое чувство, что помог сейчас этим ребятам в их нелегкой работе.

— Так вот, мы установили, — продолжает Сурков, — что кофточки этого артикула идут не только в Ленинграде, но и в Одессе. Я имею в виду спекулянтов, конечно. Есть у нас такие сигналы.

— Каналы пока не установлены?

— Именно что, — с ударением произносит Сурков.

— Хотелось бы посмотреть материалы по Одессе и Ленинграду.

Сурков не спеша кивает круглой головой.

— Можно. Бумаги я сейчас пришлю.

В это время в комнату врывается Эдик. Под мышкой у него три толстенных папки.

— Ага, законтачили? — говорит он, ухватив последние слова Суркова.

— Кое-что есть, — улыбаюсь я.

Сурков невозмутимо кивает и уходит.

— Ну, у меня, наверное, побольше, — отдуваясь, говорит Эдик и сваливает на стол свои папки. — Ну, дружок, и гусь тебе попался! Мы тут приготовили несколько документов — пальчики оближешь. — Он кивает на лежащие перед ним папки, и я замечаю в них несколько свежих закладок. — Даже, понимаешь, фамилия Зурих упоминается.

Я чуть не подскакиваю на стуле.

— Где упоминается?

— Тут, тут, — улыбается Эдик. — Но... странное дело, понимаешь... Лицо его становится озабоченным. — То он называется представителем одного ОКСа из Ростова, то какого-то СУ из Одессы. Вот гляди.

Эдик раскрывает одну из папок, и мы углубляемся в изучение бумаг.

Да, Зурих действительно упоминается. Но только в допросах других лиц. Причем упоминается мельком, как человек малознакомый и к тому же незначительный. Он, судя по этим допросам, не был причастен к хищениям, о которых шла речь.

В качестве свидетеля допрашивался и Бурлаков. Но только в качестве свидетеля. В одном месте он тоже упоминает Зуриха. Вот это уже весьма ценно. Значит, они все-таки знакомы!

Я с особым вниманием читаю соответствующее место в допросе Бурлакова.

Он утверждал, что Зурих был у него в кабинете, когда зашел один из обвиняемых. Это упоминание о Зурихе нужно было Бурлакову, чтобы доказать, что он не мог при постороннем человеке дать указание, на которое ссылался обвиняемый. Речь шла в данном случае о незаконной отправке труб в Ростов. «Кто был тот человек?» — спрашивает следователь о Зурихе. И Бурлаков небрежно отвечает: «Один товарищ из Одессы». Далее следователь задает новый весьма любопытный вопрос: «Вам знаком начальник ОКСа ростовского завода Палатов?» И Бурлаков, видимо, вынужден ответить утвердительно, хотя и с незначительной оговоркой: «Да. Случайно познакомились». «Где?» — спрашивает следователь. И тут меня ожидает удивительное открытие. Бурлаков отвечает: «В Москве. В Третьяковской галерее». Однако эпизод с трубами доказать не удалось. Палатов от всего отказался. Других улики обнаружено не было, и Бурлаков благополучно выкрутился, как, впрочем, и из других, весьма для него щекотливых ситуаций. Кстати, одним из подсудимых упоминался и эпизод с двадцатью тоннами керамзита, незаконно отправленными в Одессу. Но и тут ничего доказать не удалось. При этом мелькнула фамилия какого-то Богдана Теляша из Одессы.

Наверное, уже часа четыре вожусь я с этими папками и делаю немало интересных выписок. Давно ушел Эдик: у него полно неотложных дел. Он лишь время от времени заглядывает в комнату, где я расположился, и, запыхавшись, спрашивает:

— Ну, как улов? — И, довольный моей запаркой и очевидным возбуждением, весело мне подмигивает: — Знай наших, понимаешь! Друга в беде никогда не оставляем.

В другой раз он назидательно и важно говорит: — Цени и кланяйся, понимаешь. Извилины у нас, кажись, побольше, а?

И снова куда-то стремительно исчезает, так что я не успеваю ответить на его нахальную реплику.

Приносят бумаги и от Суркова. Там тоже оказывается кое-что любопытное, в частности некоторые фамилии. Среди них я неожиданно вижу весьма мне знакомую: Галина Кочерга! Через нее было реализовано несколько «наших» кофточек. Одну из них купила некая Инга Криволап, работница одного из строительных управлений в Одессе. Кажется, того самого, где трудится упомянутый выше Богдан Теляш. Я тут же проверяю это немаловажное обстоятельство и убеждаюсь, что так оно и есть. После чего с удовольствием беру его тоже на заметку.

Вот что значит, между прочим, взяться за дело основательно!

Все связано в этом мире, все имеет свои закономерности, свою логику. Люди сцеплены интересами и обстоятельствами. Жулики тоже. И деться тут некуда.

Утром я докладываю обо всем Кузьмичу.

Он молча поглядывает поверх очков и мнет в пальцах сигарету.

Когда я кончаю, Кузьмич некоторое время молчит. Ждет, как всегда, чтобы высказались другие. Но Петя и Валя Денисов тоже молчат. Переваривают, так сказать, мои новости.

Тогда Кузьмич поворачивается к Вале.

— Какие у тебя данные об... этой самой — как ее? — Галине Кочерге из Одессы?

Валя не торопясь развязывает тесемки на своей папке, без которой он уже к Кузьмичу в кабинет не является, и достает оттуда какие-то записи.

— Данные такие, — говорит он. — Двадцать пять лет. Отец — механик. Мать — портниха. Обширные и весьма подозрительные связи. Много поклонников. Из-за нее бывают драки. Замечена в спекуляции, в том числе и контрабандой. Часто бывает в интерклубе. Путается со многими. Была замужем. Развелась. Муж — ударник в оркестре, играет в ресторане при гостинице. Не судима. Кличка: «Мадемуазель Галя», «Королева Галя», «Галя — соль с перцем», «Галя — два поцелуя...» Ну и так далее. Вот, пожалуй, и все.

— Сильна девка, — констатирует Петя Шухмин. — С такой намучаешься!

— Объект трудный, — соглашается Валя и аккуратно вкладывает бумаги в папку.

— Уж не к ней ли летал этот бедняга из Саратова? — продолжает вслух рассуждать Петя. — Тогда скорей всего у них роман был. С такой без романа не обойдешься.

— Вопросов по Одессе у нас много, — говорю я. — Зурих, имейте в виду, там тоже пасется.

— Значит, так, — кладет конец нашим разговорам Кузьмич и многозначительно предупреждает: — Вечером кое-что решим. А пока, — он поворачивается ко мне, — поезжай к Бурлакову. Что он даст о Зурихе, интересно. И по Одессе. Вот два главных пункта. Понял?

Придя к себе, я звоню Бурлакову, пока этот пенсионер не отправился куда-нибудь на прогулочку. Отвечает мне густой, уверенный бас:

— Слушаю вас.

— Светозар Еремеевич?

— Он самый. С кем имею честь?

Я вежливо представляюсь и объясняю:

— Хотелось бы с вами поговорить и кое о чем посоветоваться. У вас найдется время?

— Что ж. К вашим услугам.

— Скажем, через часок?

— Милости прошу. Самому-то уже труднозато.

— Понимаю, понимаю. Я заеду. Адрес ваш какой?

Делаю вид, что записываю адрес, и кладу трубку. Затем еще раз просматриваю всякие свои записи и кое-что обдумываю. К такой беседе все-таки следует подготовиться.

Пустой стол Игоря напротив все время отвлекает меня, все время чем-то тревожит. Пустотой своей, что ли?

Ровно через час я подъезжаю к знакомому дому. Бурлаков сам открывает мне дверь.

Действительно, громадный, неохватной толщины дядя, занимает чуть не весь дверной проем. Розовое, в глубоких складках квадратное лицо, ежик седых волос стоит над головой, как серебряный нимб. На Бурлакове мятые пиджамные штаны, застиранные до белесости, и роскошная домашняя куртка из темно-красного бархата, с золотыми жгутами на животе.

— Прощу, прощу, — гудит Бурлаков и при этом улыбается радостно, словно дорогому гостю.

Я снимаю пальто и прохожу вслед за хозяином в столовую. Еще в коридоре обращаю внимание на

деревянную винтовую лестницу, ведущую на второй этаж, и на красиво застекленные двери в другие комнаты.

Столовая заставлена мебелью. Какие-то старинные, затейливые стулья с высокими спинками, громадный, в полстены буфет, тугие, обтянутые шелком пуфики, два мощных вольтеровских кресла в углу, обитые зеленым сукном, с красивыми резными подлокотниками, круглый стол на искусно выполненных львиных лапах, хрустальная люстра над ним, как юбилейный сахарный пирог с воткнутыми в него белыми свечами. По стенам густо развешены сомнительных достоинств картины в золотых багетах, громадные и совсем маленькие. Под французов и итальянцев, если не ошибаюсь.

Бурлаков усаживает меня в одно из кресел, сам опускается в другое. Рядом оказывается полированный, вполне современный журнальный столик. На столике лежат большие шахматы, две пестрых коровочки сигарет, одна из них «Кент», красивая газовая зажигалка и громадная пепельница из цветного чешского стекла.

— Слушаю вас, молодой человек, — добродушно рожается Бурлаков, откидываясь на спинку кресла.

Но маленькие, светлые глазки его под набрякшими веками изучают меня довольно откровенно. Во взгляде чуть заметна ирония. Меня он, кажется, все-таки не воспринимает. Мальчишка, вот и все. «Тем лучше», — сказал бы Кузьмич. Но меня это задевает.

— Видите ли, Светозар Еремеевич, — осторожно говорю я, — нас интересует один человек, который когда-то попадался вам на пути. Может быть, вы его вспомните. — И, как бы между прочим, добавляю: — Вас-то он, конечно, помнит.

— Кто же это такой? — спокойно интересуется Бурлаков.

— Некий Зурих: Михаил Александрович.

— Зурих... Зурих... — бормочет Бурлаков, задумчиво глядя куда-то в пространство.

Ответить сразу ему мешает мой неприятный, хотя и не совсем ясный намек на то, что Зурих его помнит.

Наконец он выдавливает:

— Что-то, признаться, не припомню такого.

— Недавно сноза приезжал в Москву, — подсказываю я. — Правда, фамилия у него на этот раз была Николов.

— Гляди, — усмехается Бурлаков. — Ну, артист...

— Тоже не припоминаете?

— Николов? Откуда же?

— Тогда сначала напомним вам фамилию Зурих, — говорю я. — И, пожалуй, не теми фактами, которые он может сообщить, а теми, что вы сами сообщили. Так вам, пожалуй, будет легче вспомнить.

Я улавливаю настороженность в глазах Бурлакова, даже некоторую опеску. Бурлаков скорей всего не знает, где сейчас находится Зурих, но допускает, что он уже у нас. И, очевидно, не уверен, что Зурих будет молчать, попав к нам.

То, что Бурлакова одолевают все эти сомнения, и хорошо и плохо. Все зависит от того, решит ли он, что Зурих у нас или нет. Если решит, то будет, конечно, защищаться и что-то о Зурихе скажет. Если же нет, то побойтся помочь нам: пасть на его след и ничего не скажет.

Как мне хочется в этот момент взять его «на пушку» и сообщить, что Зурих у нас! Но делать этого ни в коем случае нельзя. И не только потому, что если я ошибаюсь и Бурлаков знает, где на самом деле сейчас Зурих, то разговор будет безнадежно сорван и я вообще ничего не узнаю. Главное в другом, в том, что обманывать Бурлакова я не имею права,

это бесцельный прием. Но вот посеять в душе Бурлакова неуверенность и тревогу, вызвать всяческие опасения и тем толкнуть на какой-то необдуманный, неосторожный шаг, заставить проговориться, — на это я имею право, и это надо постараться сделать. Словом, перехитрить я его могу, но обмануть нет. Вот в чем сложность и вместе с тем увлекательность моей задачи.

— Ну, ну, интересно даже, — говорит Бурлаков. — Что такое я сообщил об этом Зурихе? Может, я его и вспомню. Народу-то тьму-тьмущую на своем веку встречал.

— Для этого придется напомнить вам, Светозар Еремеевич, одно дело. Не хотелось бы, конечно, старое ворошить...

— А, чего там, — с подчеркнутой небрежностью машет рукой Бурлаков. — Валяйте.

И я пересказываю ему то самое дело. При этом даю понять, что верю и в полную непричастность к нему самого Бурлакова и в абсолютную правдивость его показаний как свидетеля. Особо останавливаюсь я на эпизоде, где Бурлаков упомянул Зуриха.

— Зурих, Зурих... Да, да... был такой, — с видимым, даже подчеркнутым усилием вспоминает Бурлаков.

— Что он собой представляет? — спрашиваю я. — Поделитесь, Светозар Еремеевич. — И со значением добавляю: — Очень мы на вас рассчитываем.

— Ну, особо-то не рассчитывайте, — размягченно гудит Бурлаков. — Память-то, знаете, стала того...

— Ничего. Я вам помогу.

Я замечаю, что Бурлакову не очень нравятся мои последние слова. Что ж, не все же его гладить по шерстке. Пусть не думает, что я каждое его слово на веру приму.

— Ну, что о нем помню... — собирается с мыслями Бурлаков и, видимо, лихорадочно соображает, что же такое сообщить о Зурихе, чтобы не попасть впросак и лишнего чего-нибудь не брякнуть.

Я его не тороплю, пусть подумает.

— Значит, приехал он вроде бы из Одессы... — начинает Бурлаков. — Да, да, из Одессы. Командировка у него еще была, помню. Что-то по обмену опытом, если не ошибаюсь. А у нас в это время голова о другом болела. Махинации всякие обнаружались, дефицитный материал на сторону плыл. Вот и те двадцать тонн керамзита... — В голосе Бурлакова слышится благородное негодование, он входит в обличительный раж. — Ну, жуликов-то мы, конечно, за шиворот. И под суд, чтобы не повадно было. А этот самый Зурих... Думается мне теперь, и он к этим делам руку приложил. Но тогда впечатление производил самое благоприятное. Беседы такие умные вел, что ой-ой-ой!

— И дома у вас бывал, — не то спрашиваю, не то подсказываю я.

— Разве гниль-то сразу увидишь? — продолжает Бурлаков. — Пуд соли с таким подлецом сперва съесть надо. Тем более... — Но тут он спохватывается и поспешно добавляет: — По чести говоря, помнится, однажды был он у меня дома, напросился.

— А в Одессе у него семья? — спрашиваю я, делая вид, что не замечаю его оговорок.

— Какая там семья! — расплывается Бурлаков. — Так, знаете... одна любовь. С ней и в Москву прикатил. Ох и девка!.. Для супруги слишком хороша. — Толстая физиономия его приобретает мечтательное выражение, и он сладко чмокает.

— Звали-то ее как? — с неслужебной, а чисто мужской заинтересованностью спрашиваю я, подыгрывая Бурлакову.

— Галина Остасовна... — все так же мечтательно отвечает он.

Вот это открытие! Ради одного его стоило навесить Бурлакова.

— Ну, а может быть, и жена? — все тем же тоном продолжаю я обсуждать эту животрепещущую тему.

— Что вы! Какая там жена... — отмахивается Бурлаков, весь еще во власти приятных воспоминаний. — Жене разве такие подарки делают?

— Какие же? — с любопытством спрашиваю я.

— Ну, к примеру, золотое кольцо с камнями, каždyй по карату, не меньше. Старинной работы. Камушки, как ягодки, на стемельке висят. Неслыханной красоты кольцо, уверяю вас.

— Ух ты!.. — восхищенно вздыхаю я.

— А внутри, значит, надпись изобразил, — увлеченно продолжает Бурлаков. — Как сейчас помню: «Галочке от М. З. на всю жизнь».

Второй факт, который стоит не меньше первого!

— Ну, вот видите, — говорю я, — «...на всю жизнь». Выходит, все-таки жена она ему.

Бурлаков с откровенной иронией смотрит на меня. — Эх, молодой человек, что вы понимаете? — вздыхает он. — Да если хотите знать, он эту Галочку уже бросил... говорят. Вот вам и «на всю жизнь».

Я чувствую, что он доволен — и не только сладкими воспоминаниями о красивой Галине Остасовне, но и тем, что так ловко увел разговор в сторону от опасной темы всяких там злоупотреблений и махинаций в тихую заводи любовных утех. И я пока его иллюзий не разрушаю. Кстати, факт его собственного знакомства с Галиной Кочергой нам тоже может пригодиться. Об этом он, конечно, не догадывается.

— А вы-то память о себе ей тоже, небось, оставили? — лукаво спрашиваю я. — Не утерпели? Тем более если не жена.

— Куда мне, старику!.. — машет рукой Бурлаков.

Но тут вдруг до него, видимо, доходит, что он, пожалуй, уж слишком расписал свои связи с Зурихом, и неожиданно резко заявляет:

— Да и с какой, собственно, стати, мне ей чего-то дарить? Люди посторонние, незнакомые даже.

Глазки его наливаются холодом и теперь смотрят на меня отчужденно и даже подозрительно.

Я понимаю, что лирическая часть разговора окончена, и пожимаю плечами.

— Вообще-то верно, — соглашаюсь я и уже деловым тоном спрашиваю: — Не помните, где этот Зурих тогда работал?

— А черт его знает, где этот прохвост работал. Разве все упомянешь?

Я чувствую, что больше ничего от Бурлакова не узнаю. Он уже отгородился от меня и, возможно, даже казнит себя сейчас за болтливость.

Ох, как мне хочется напоследок задать ему коварный вопрос насчет Третьяковки и некоего гражданина Палатова из Ростова, с которым он якобы в этой Третьяковке познакомился! Но я сдерживаю себя. Сейчас не время припирять его к стенке такими вопросами. Оставим кое-какие козыри и на будущее.

Впрочем, я и без того доволен нашей встречей.

Мы прощаемся вполне дружелюбно и со взаимным облегчением.

Вечером мы снова собираемся у Кузьмича.

Мое сообщение о визите к Бурлакову он воспринимает с явным удовлетворением. Я даже устаиваюсь его похвалы.

— Неплохо, — говорит Кузьмич и неожиданно объясняет: — Значит, так. Едешь в Одессу.

— Я?

— Именно ты. Готовься.

...А на следующий день поступает сообщение из Пунежа: исчез Игорь Откаленко.

Глава VII

СЕСТРЕНОК НЕ ВЫБИРАЮТ

Поздний вечер.

Я все еще сижу у Кузьмича. Он по привычке утюжит ладонью свою седую макушку и хмурясь говорит:

— Что значит «исчез»? Что это еще за чепуха такая?

Он сердит и встревожен. Я это прекрасно вижу. И я встревожен не меньше его. И сердит тоже.

— Все-таки что-то случилось, — говорю я.

— Панику порют. Ну, не ночевал в гостинице, не дал о себе знать. Что из того? В нашей работе всякое может быть.

— Вот именно, — многозначительно подтверждаю я.

— А, брось! — машет рукой Кузьмич. — Что это за настроение у тебя, скажи на милость? Молод еще для таких настроений!

— Не надо было посылать его одного. Не у меня настроение, а у него.

— Да что за черт! — взрывается Кузьмич. — С брызжущими какими-то кисейными работами! Настроение, видите ли, у них! Нервные стали. — Он берет себя в руки и сухо говорит: — Ладно, хватит. Чтоб я больше об этом не слышал.

— Разрешите мне поехать в Пунев, Федор Кузьмич, — как можно спокойнее говорю я.

— Не разрешаю. Ты поедешь в Одессу. НайдетсЯ Откаленко, не бойся. А если он глупостей наделал... Да нет! Что, мы его первый день знаем?

— Дело не в этом. Просто он...

— Хватит, говорю! — обрывает меня Кузьмич. — Давай займемся делом. Значит, Одесса. Какие факты привели нас к ней?

— Пожалуйста, — нехотя отвечаю я. — Значит, так. В Одессу Зурих звонил Галине Кочерге и говорил с ней дольше, чем с другими. Потом она уехала якобы к больной матери. Денисов установил: мать больна не была, просто жила месяц у старшей дочери и сейчас вместе с Галиной вернулась в Одессу. Незаметно для самого себя я уже увлекаюсь. — Дальше. Зурих дал Николкову для связи адрес Галины Кочерги в той же Одессе, а не чей-нибудь другой. Отсюда можно сделать вывод, что, во всяком случае, деловые отношения у них сохраняются.

— Так, так... — одобрительно кивает Кузьмич.

— Потом. В Одессу срочно летал Клячко. Цель пока не ясна. Там же, в Одессе, вероятно, жил и работал Зурих. По крайней мере там он получил командировку в Москву и, конечно же, туда угнал дефицитный керамзит. Ну, что еще? Кочерга замечена в спекуляции кофточками, которые обнаружены и у Зуриха. Наконец, Зурих был в близких отношениях с этой девицей и в Москве подарил ей дорогое кольцо с надписью. Вот, пожалуй, и все... Да, возможно, что именно в Одессу Зурих направил какого-то головореза, который звонил Пирожкову. Вот и все факты по Одессе.

— Немало... немало... — произносит Кузьмич. — Очень даже немало... Сам, надеюсь, видишь. Итак, надо ехать. — Он решительно прихлопывает ладонями по столу. — Непременно надо ехать. Очень все там серьезно.

— Конечно, Федор Кузьмич,

— Вот и поедешь. Но не один.

— Почему? Там есть отличные ребята.

— Это, конечно. И все же требуется рядом человек... Узел-то запутанный. Эта самая Галина и ее ок-

ружение... И человек должен быть не только умный и опытный, но... какой-то другой, чтобы посмотреть на все по-другому, заметить, чего ты можешь не увидеть.

Кузьмич размышляет вслух, навалившись грудью на стол, и, прищурившись, смотрит куда-то в пространство, словно что-то пытается там разглядеть. И я не решаюсь оборвать невидимую цепочку его мыслей. Я понимаю, как это сейчас важно.

— М-да... нужен совсем другой человек... и в то же время... — бормочет Кузьмич. — Галина — это штука не простая... Да еще ее окружение... ее связи...

Он откидывается на спинку кресла и пристально смотрит на меня.

— А что, если... если послать с тобой женщину?..

— Женщину?! — изумленно переспрашиваю я. — Это еще зачем?

— Да... видно, что ты с женщинами не работал, — очень серьезно говорит Кузьмич. — А они, милый мой, могут быть неоценимыми помощниками. У них свои качества, которых у нас нет. Не замечал? Например, особая интуиция и особая наблюдательность. С ними иной раз скорее будут откровенны и легче вступят в контакт.

Я невольно улыбаюсь.

— Уговорили, Федор Кузьмич.

— Ну то-то же, — все так же строго говорит Кузьмич. Шутить по этому поводу он, видимо, не собирается.

— Надо только найти стоящего человека, — замечаю я.

— Конечно, — соглашается Кузьмич. — Найдем. Есть у нас такой человек.

— Кто же это?

— Да вот хотя бы Златова Лена. Очень хороший работник.

— Лена?!

У меня, очевидно, в этот момент очень глупый вид. И Кузьмич еле заметно усмехается.

— Знаешь ее? — спрашивает он.

— Нет, но...

— Тогда узнаешь. А пока поверь мне на слово.

Я решаю ничего не объяснять. Кузьмич опять скажет, что все это мои причуды и нервы. Да и объяснить я, пожалуй, ничего не смогу. В голове у меня полный сумбур.

Утром в кабинете Кузьмича я застаю высокую молодую женщину. Ее светлые, с рыжеватым отливом волосы аккуратно собраны в тугую пучок на затылке, на впалых щеках чуть заметный румянец, строгая вертикальная складка залегла между тонкими бровями, серые глаза смотрят сухо и внимательно. Ей бы еще очки в роговой оправе. Типичная «училка».

И хотя мы изредка встречались на каких-то совещаниях, но в общем-то незнакомы. Кузьмичу, видимо, это известно, и он нас друг другу представляет деловито и вполне официально:

— Лейтенант Лосев Виталий Павлович. Лейтенант Златова Елена Павловна...

Тут он на секунду останавливается, удивленный неожиданным совпадением, оглядывает нас и усмехается.

Мы тоже невольно, хотя и весьма сдержанно, улыбаемся.

— И в самом деле, похожи, — говорит Кузьмич. — Оба длинные, худые, светловолосые. И даже лицом, пожалуй, похожи.

— Обрел себе сестрицу на старости лет! — шучу я без особого, впрочем, энтузиазма.

Лену эта мысль тоже, кажется, в восторг не приводит.

— А что? Такая легенда тоже может пригодиться, — серьезно подтверждает Кузьмич. — Пока что извольте друг друга по имени величать. С первого раза привыкайте.

— Доброе утро, Леночка, — говорю я чуть насмешливо.

— Доброе утро, Виталий, — сдержанно отвечает она мне.

Нет, я решительно недоволен такой сестрицей. Синий чулок какой-то. Что только нашел в ней Игорь?

Впрочем, я ей, кажется, тоже не слишком пришелся по душе. Такие ощущения почти всегда взаимны, кстати.

Кузьмич, по-моему, все замечает, но вида не подает.

— Так вот, милые мои, — говорит он, — летите вы завтра. День даю на подготовку. Ты, Виталий, сейчас введи Лену в курс дела. Все обсудите. Наметьте себе легенду: кто вы, откуда и так далее. Это на случай контактов. И помните, задача ваша не только обнаружить и задержать Зуриха. Его там вообще может не оказаться. Надо еще выявить все его связи, найти ниточки, ведущие к убийству, а они там есть, не зря Клячко летал в Одессу. Вечером встретимся и все окончательно уточним. Вот так. Вопросы есть?

Он смотрит на Лену.

— Пока нет, — отвечает она.

— Есть один, — говорю я. — Вы не звонили больше в Пунез, Федор Кузьмич?

— Нет, — сдержанно отвечает Кузьмич. — Ну, ступайте.

Мы выходим из кабинета. Я галантно пропускаю Лену вперед.

По дороге заглядываю в комнату, где сидит Валя Денисов. Он, к счастью, на месте.

— Пойдем, — говорю я ему. — И захвати свою папку. Надо ввести тошарища в курс дела.

Некоторое время мы втроем обсуждаем всякие подробности, и, судя по коротким репликам Лены и ее вопросам, я убеждаюсь, что она прекрасно во всем разобралась и вообще не новичок в нашей работе. Это меня несколько примиряет с ней. Потом Валя уходит, и мы остаемся вдвоем.

— Ну, так как, — говорю я, — вариант «брат-сестра» для внешних контактов принимается? Все другое, я думаю, будет сложнее.

— Пожалуй, — соглашается Лена.

— Тогда сразу переходим на «ты», — бодро говорю я и добавляю: — Давай закончим легенду. Кто наши родители? Твои, например, кто?

— У меня нет родителей, — тихо говорит Лена. — И я их не знаю. Можем оставить твоих.

— Как так не знаешь? — вырывается у меня.

Лена отводит глаза и отрывисто говорит:

— Они погибли. На фронте. Мама была радисткой. А папа... Он был разведчик. Они погибли вместе. За месяц до окончания войны. Я не знаю как. Мне было два года... — Она умолкает.

Я тоже молчу. Мне вдруг становится неловко. Сам не знаю почему. За свою неприязнь к ней, что ли? Или за то, что у меня есть родители, есть Светка, и вообще я какой-то уж очень благополучный, и все у меня хорошо? А у нее...

— Кто твои родители, я знаю, — говорит Лена. — И как их зовут, тоже. Пусть будут они. Так легче. Давай дальше.

Я собираюсь с мыслями и предлагаю:

— Мы приехали в Одессу на праздники.

— К друзьям?

— Нет. Друзья нас могут связать. Мы приехали посмотреть Одессу. И остановились в гостинице.

— Да. Так лучше.

Словом, мы составляем неплохую легенду. Вечером еще уточним ее с Кузьмичом.

Я провожаю Лену и напоследок говорю:

— Знаешь, когда поедем, оденься как-нибудь... полегкомысленней.

Она впервые улыбается. Улыбка у нее хорошая.

— Обязательно.

Не успеваю я вернуться к себе в комнату, как звонит телефон. Вздвигнутый и какой-то знакомый девичий голос просит:

— Товарища Лосева можно?

— Слушаю вас.

— Ой, здравствуйте! Это Надя Пирожкова. Вы знаете, я его сейчас встретила, этого парня.

— Какого парня?

— Ну, который звонил нам.

— И говорили с ним?

— Да, да!

— Можете заехать ко мне?

— А я... Вы знаете, я напротив стою, в будке...

— Так что же вы?! Идите сейчас же!

Через две минуты Надя появляется у меня в комнате. Короткое кожаное пальто расстегнуто, глаза возбужденно блестят, волосы спутаны, в руках у нее красивая сумка с длинным ремешком. Надя тяжело дышит. Видно, бежала.

Сев к столу, Надя немного успокаивается и начинает торопливо рассказывать.

— Я к вам прямо с вокзала. Подругу провожала. Она в Киев уехала, к родным, на праздники. Так вот, стоим мы около вагона. Кругом люди. И вдруг подходит парень. В дугу пьяный. И говорит: «Вот ты где, сучка. Давай, давай гуляй пока». Я отвечаю: «Что вам надо?» А у самой руки-ноги трясутся. А он смеется. «Скажи, — говорит, — спасибо, что не завалил. Папаше своему скажи». «Отстаньте, — говорю. — Я вас не знаю». А он говорит: «Зато я тебя знаю. Показали мне тебя. Вот вернусь, тогда со мной погуляешь». И еще что-то в таком роде. Я чуть не умерла со страху.

— Больше ничего он не сказал?

— Нет... Ах, да! Еще сказал: «А то давай со мной махнем в Одессу-маму». Динка моя стоит, трясется. Я тоже.

— Какой он из себя, этот парень? Одет как?

— Какой? Громадный, вот какой. Бык просто. И глаза красные. А одет... Ну, я не помню, как одет. Как все.

Больше мне ничего у нее не удастся узнать. На глазах у Нади слезы, губы трясутся, и она никак не может открыть сумку, чтобы достать платок.

Я помогаю ей. Потом даю стакан с водой.

— Ну, а теперь, — говорю я, когда вижу, что она немного успокоилась, — скажите, зачем вы приходили в гостиницу к тому человеку?

— Какое это...

— Прямое, — перебиваю я ее. — Прямое отношение имеет к тому, что случилось. Ну, говорите...

— Я... сама не знаю... — мнется Надя. — Он пришел к нам домой... Папы еще не было... Мы разговорились... Потом он сказал, что у него есть одна вещь... и... и он мне ее подарит...

— Какая же вы, извините, дура! — в сердцах говорю я.

— Конечно, дура, — покорно соглашается Надя.

А я незолно вспоминаю Варвару, ее гневный взгляд, презрение, какое было в ее голосе, когда она говорила о Зурихе.

— Уж не браслет ли он вам обещал подарить? — с усмешкой спрашиваю я.

— Да. Откуда вы знаете?

Надя сидит пунцовая и не поднимает на меня глаз. Посмотрел бы на нее сейчас этот красавец Виктор Сбокий. Кстати, по его мнению, Зурих и не думал ухаживать за этой девчонкой.

— Что он от вас хотел? — снова спрашиваю я.

— Он... он и не думал ко мне приставать, честное слово... Просто хотел, чтобы я повлияла на папу...

— Ну, и вы повлияли?

Я не могу скрыть злости и презрения.

Надя еще ниже опускает голову.

— Я пробовала... — еле слышно шепчет она. — Папа на меня страшно накричал... и тоже сказал... что я... дура...

— Идите и немедленно привезите этот браслет, — говорю я. — Немедленно. Мы оформим это, как положено.

Надя поднимается и выходит. У нее вид побитой собачонки, мерзкой собачонки причем.

Вечером мы долго сидим у Кузьмича. Испытываем «на прочность» нашу легенду. Ведь нам наверняка придется контактировать с весьма подозрительным окружением Галины Кочерги, а может быть, и самого Зуриха. И тут надо не ошибиться, надо точно сыграть свою роль. Мы имеем дело с умным и опасным врагом. Кузьмич звонит в Одессу. Когда разговор кончается, я осторожно спрашиваю:

— Больше никуда не позвоните, Федор Кузьмич? В Пунев, например?

— Звонил, — хмурясь, говорит Кузьмич. — Ничего там нового нет.

При Лене я не решаюсь ни о чем больше спрашивать. И Кузьмич, видимо, тоже этого не хочет. Я чуть скашиваю глаза.

На Лене все та же скромная белая кофточка, темная юбка и никаких украшений, губы не тронуты помадой. И вся она какая-то ординарная, незаметная. Даже высокая, тонкая фигура и копна светлых, рыжеватых волос не придают ей броскости. Правда, она чуть-чуть изменила прическу, но эта смешная попытка ни к чему не привела и отнюдь не прибавила ей красоты и обаяния. Странная все-таки девушка. Скованная какая-то, молчаливая. Ей, наверное, нелегко контактировать с людьми.

Лена внешне сейчас абсолютно спокойна и невозмутима. Но я замечаю, как при последних словах Кузьмича тонкие ноздри ее вздрагивают, Лена на миг прикусывает нижнюю губу. Кажется, она о чем-то все-таки догадывается.

Поздно вечером я приезжаю к Светке.

— Опять надо лететь, — виновато говорю я, снимая пальто в передней. — Опять, Светка.

— Ой, какая у тебя работа! — досадует она. — Бедная твоя жена.

Светка, как обычно, забирается с ногами на такту, уютно устраивается среди подушек и, кутаясь в голубой шарф, спрашивает:

— А куда ты летишь, Витик?

Я улыбаюсь и молчу.

— А! — Светка досадливо машет рукой. — Ну, конечно, в один большой город Эн. Пустяковая прогулка, да? Я все никак не могу привыкнуть.

— А знаешь, с кем я лечу?

— С кем?

— С той самой Леной.

— С какой Леной?.. Ах, с той?..

— Вот именно.

Светка долго смотрит на меня и неожиданно говорит:

— Как тебе трудно будет, Витик...

Утром за мной приезжает Володя. На улице еще совсем темно.

В передней я хватаю чемодан, который сложил еще вчера и отнюдь не за пять минут, как обычно свой неизменный портфель. На этот раз мой «джентльменский набор» претерпел существенные изменения. Поверх свитера я надеваю легкую, теплую поролоновую куртку на «молнии», на голову пижонскую кепку, обвязываю шею красивым и броским шелковым платком, который вчера дала мне Светка. Мельком смотрю на себя в зеркало и остаюсь доволен своим видом.

Когда я выхожу, Володя встречает меня вполне спокойно. Он призыв и не к таким перевоплощениям.

Еще из дома я успел позвонить Лене, и теперь мы едем за ней.

Мимо проносятся знакомые московские улицы, площади, скверы. Пустынно, темно, горят фонари.

Вот и самый, по-моему, красивый из московских проспектов — Ленинградский. Мы выезжаем на него из тоннеля, возле стадиона «Динамо». Слева темной стеной тянутся густые деревья сквера. А справа вдруг промелькнул, как видение, старинный петровский дворец. Потом в снопах света плывут за деревьями два сверкающих, огромных параллелепипеда центрального аэровокзала.

Машина стремительно несется вперед.

На Песчаной мы сбавляем скорость, чтобы не проскочить нужный дом. Затем, рассмотрев номер, останавливаемся.

И тут же из подъезда выскакивает высокая, гибкая фигура и бежит к нам. Это Лена. Нет, это она и в то же время не она! Я не могу скрыть своего удивления, и улыбка у меня, наверное, довольно глупая. Потому что Лена весело смеется, пока я открываю ей заднюю дверцу машины. А может быть, ее развеселил мой собственный вид?

На Лене блестящие расклешенные брюки, по-моему, чуть ли не кожаные, яркая красная куртка с откинутым назад капюшоном расстегнута, под ней виден красивый узорчатый свитер, рыжеватые волосы рассыпались по плечам, на шее повязан легкий нейлоновый шарфик, а в руке у Лены большая, красивая, в каких-то пестрых наклейках, кожаная сумка на «молнии». И, главное, все это ей необычайно идет. Вид у Лены лихой, кокетливый и совершенно юный.

— Эй, мальчики, подкиньте быстрее в аэропорт! — задорно кричит Лена. — Два поцелуя каждому!

— Ну, дает! — смешавшись, говорит Володя.

— Вот какие у нас офицеры! — бормочу я, с трудом приходя в себя от удивления.

Лена проворно опускается на сиденье позади нас и хлопает дверцей. Володя рвет с места как бесеный.

— Нравится тебе такая сестренка? — лукаво спрашивает Лена.

— Еще бы! — вполне искренне отвечаю я.

Нет, я ее решительно не узнаю и, кажется, начинаю понимать Игоря. Между прочим, сестренка сестренкой, но такой помощник мне, пожалуй, здорово пригодится.

Во Внуково мы прибываем в рекордно короткий срок.

И вот снова знакомая суeta аэропорта. Взлет...

Некоторое время мы молчим. Потом Лена спокойно, почти безразлично спрашивает:

— Ты перед отъездом с дежурным не говорил?

— Говорил.

— Что Пунев?

Я чувствую, как она напрягается, чтобы скрыть волнение. И мне становится не по себе.

— Молчит... Лен,— спрашиваю я,— а как ты пришла к нам в розыск?

— Как все.— Она пожимает плечами.

— Женщины к нам, как все, не приходят.

— Ну, поспорила немного с начальством.

— А до этого?

— Кончила юрфак. И тебя, кстати, помню. Ты был курсом старше.

— Гм... А я тебя что-то не помню.

— Ну, куда уж там!.. К такой великолепной каланче, как ты, разве мы смели подступиться? Да еще к секретарю курсового бюро. Между прочим, здорово ты тогда в баскет стукал. Мы ходили смотреть, девчонки. Кумиром был.— Она насмешливо улыбается.

— Скажешь...— Я усмехаюсь.— А вот чего тебя к нам потянуло? Не женское это дело, вообще-то говоря.

— Вообще, может быть. Но не в частности.— Лена хмурится.

— А что в частности?

— Отстань...

— Ну, все-таки,— не унимаюсь я.— Не скрывай от брата. Нехорошо.

— Ну, был такой случай. Шли мы из кино. Три девчонки. Это на пятом курсе уже было. Пристали какие-то хулиганы. Попытались затащить во двор. А когда не удалось, один вытащил нож. И ударил. Веру... Я не помня себя кинулась на него. От неожиданности он нож выронил. И я подхватила... В этот момент я почему-то подумала о папе, которого не знала... И тоже ударила... Ножом, представляешь? Он закричал. От страха. Нож его еле поцарапал... Тут прибежали. Их поймали, хулиганов этих. Был суд. А Вера умерла в больнице... Лучшая моя подруга, самый любимый человек на земле, самый хороший... И я решила... я поклялась... я все время тогда думала о папе...— Лена умолкает и низко склоняется к иллюминатору.

А я думаю о мере ненависти и мере добра в душе этой девушки, в душе каждого из нас.

На нашей работе, когда все время сталкиваешься с чьей-то жестокостью, когда видишь страшные порой ошибки и трагедии, чью-то несправедливую смерть и чью-то нравственную катастрофу, то невольно пытаешься установить причины, как-то объяснить для самого себя все это. И становишься, я бы сказал, житейски мудрее, становишься в какой-то мере, конечно, и психологом и социологом. Не всякий из нас, правда, но человек думающий. А таких у нас теперь все больше. И Лена, как мне кажется, именно такой человек. Она поняла главное, ради чего мы работаем, ради чего готовы нести все тяготы и, между прочим, все опасности этой трудной работы. Она не случайный человек среди нас.

Я курю сигарету за сигаретой и думаю.

Лена молчит, отвернувшись к иллюминатору.

В одесском аэропорту нас встречают.

Мы не успеваем сойти по трапу, как прямо на летное поле выскакивает новенькая черная «Волга», из нее появляются два парня в легких плащах и без колебаний направляются к нам.

— Привет братику и сестричке,— весело говорит один из них.— Или вы думаете, мы вас не узнаем в этих шмутках?

Они крепко жмут нам руки.

Я замечаю, как их взгляды останавливаются на Лене.

Сначала мы едем в гостиницу.

— Согласно указанию,— оживленно говорит Стась,— вам забронирован номер «люкс». Конечно же, по благу. И за некоторую, извиняюсь, взяточку.

— На вашей машине подъезжать не стоит,— напоминаю я.

Стась смеется.

— А это вовсе и не наша машина. Это, извиняюсь, «левая». Боря имеет интерес заработать тромяк, пока его хозяин бредет и целует молодую жену.

И он треплет по плечу водителя. Тот смущенно ухмыляется.

Стась — невысокий, полный, с хитрыми глазами на круглом, улыбчивом лице, светлые волосы расчесаны на аккуратный пробор, на затылке они уже заметно редеют. Стась сидит впереди, рядом с водителем.

А с нами, по другую сторону от Лены, сидит Лева. Он худощавый и жилистый, лицо резкое, угловатое, острые скулы, тонкий, с горбинкой нос, сросшиеся на переносице густые черные брови и синие от бритвы щеки. Лева молчалив и застенчив.

— У нас роскошная погода,— продолжает трепаться Стась.— Одесса решила нас побаловать. Девушки цветут, как магнолии.

Действительно, в Одессе очень тепло. На улицах женщины в пестрых, открытых платьях, у многих зонты от солнца, мужчины в легких, светлых костюмах. Придется и нам расстаться со своими теплыми свитерами.

Вот и гостиница.

Все три комнаты «люкса» потрясают нас своей роскошью. Никакого модерна, все старинно и солидно, включая рояль и громадную лепную вазу на мраморной тумбе в гостиной, а в кабинете диван красного дерева на высоких гнутых ножках и необъятный письменный стол с зеленым сукном и здоровенной бронзовой чернильницей. На высоченных окнах красивый прозрачный тюль и тяжелые набивные шторы по сторонам. Мне даже становится как-то не по себе от такой умопомрачительной роскоши.

Ребята прощаются. Уславливаемся встретиться через час в управлении. От машины мы отказываемся.

Мы с Леной обходим наши владения. Они необъятны, и их надо хоть как-то освоить.

А затем мы идем по залитым солнцем, шумным улицам. Задерживаемся у витрин магазинов, у концертных афиш, киосков. Я даже угощаю Лену мороженым.

Наконец подходим к небольшому комиссионному магазину и принимаемся вместе с толпой зевак разглядывать выставленные в витрине вещи, при этом довольно оживленно обмениваемся впечатлениями, спорим. Получается у нас совсем неплохо.

Заодно мне видно и всех, кто находится в магазине, и я пытаюсь узнать среди продавщиц Галину Кочергу. Однако ни одна из девушек не подходит под известные мне приметы.

Мы идем дальше.

— На тебя довольно выразительно поглядывал один тип возле того магазина,— говорю я.— Ты заметила?

— Еще бы,— кивает Лена.— Он назначил мне свидание. В семь, на Приморском, возле Ришелье.

— Когда он успел? — удивляюсь я.

Лена смеется.

— Когда ты уткнулся в витрину. Такой интересный парень...

— Между прочим,— говорю я,— одна женщина там сказала: «Это брат и сестра, или я ничего не понимаю в природе».

— Да? — оживляется Лена.— Представляешь, этот парень мне шепнул: «Оставьте братца, а вечер при мне. Будет интер». Что такое «интер»?

— Интернациональный клуб моряков. У Гали, между прочим, там много знакомых.

Мы переглядываемся. У нас мелькает одна и та же мысль.

Но вот и управление. Входим с самым беззаботным видом, словно никакого отношения к этому учреждению мы не имеем. В вестибюле постовой недоверчиво разглядывает наши удостоверения.

В кабинете у Стаса начинается совещание.

Стась, кстати, оказывается майором и замначем уголовного розыска города. Как обманчива бывает внешность. И ведь, хитрец, сразу не назвался.

Я подробно докладываю все обстоятельства, которые привели нас в Одессу.

— Мы, между прочим, проверили, — говорит Стась. — Галина сегодня на работе. Так что не теряйся. Знакомься сегодня же.

— Интер тоже пойдет, — замечает Лева. — А вот насчет командированного к нам бандита кое-что прикинем. У нас есть одно место, куда таких тянет, как магнитом, со всего города. Мы там понаблюдаем эти дни.

— Точно, — кивает Стась. — Левушка все правильно ухватил.

— Что за место? — спрашиваю я.

— Сам увидишь, — загадочно отвечает Стась. — На сегодня пусть будет интер. Для вас обоих, если удастся, — и обращается к Лене: — Ты, сестричка, не тревожься. Мы приглядим. Между прочим, этот мальчик, что с тобой познакомился, — пижон и мелочь. Мы его знаем. Но связи кое-какие есть.

— Я и не тревожусь, — улыбается Лена и как бы между прочим спрашивает: — Как у вас связь с Москвой?

— Нормально, — удивляется Стась. — А что?

— Так... На всякий случай.

Но я-то понимаю, почему она об этом спрашивает, и говорю:

— Попозже надо будет позвонить. Возможно, получим кое-какие новые данные.

Лена бросает на меня благодарный взгляд. Нет, эта девчонка мне положительно начинает нравиться.

Когда совещание заканчивается, мы с Леной расстаемся. Она отправляется бродить по городу, а я иду в комиссионный магазин.

Галина Кочерга — пока что у нас здесь единственная ниточка, ведущая к Зуриху. И надо быть очень осторожным, чтобы эту ниточку не оборвать или, что еще хуже, не передать по ней ненароком сигнал тревоги всей этой шайке. Кстати, самого Зуриха, по видимому, пока здесь нет. Иначе Галина встретила бы с ним хоть раз за эти дни. Но этого не случилось. Последнее время ребята Стаса внимательно приглядывают за ней. Вообще Галина ведет себя странно. Она почти никуда не ходит, ни с кем не видится, просто избегает встреч и вечерами сидит дома. Правда, по словам Левы, который ее неплохо, оказывается, знает, Галина — человек настроения, может удариться в загул, и тогда ей море по колено, а может и захандрить и тогда никого к себе не подпускает. Видимо, сейчас у нее именно такое настроение. И это, конечно, осложняет мою задачу.

Около комиссионного магазина по-прежнему толчутся зеваки, разглядывая выставленные в витрине вещи. Я подхожу и некоторое время тоже торчу возле витрины. Надо придумать какой-то способ зна-

комства. Неожиданно около меня оказывается юркий паренек в берете и немыслимо пестрой рубашке, под которой видна полосатая тельняшка.

— Желаете резинку? — негромко спрашивает он, глядя в сторону. — Парагвай. Могу толкнуть.

— Чего? — переспрашиваю я.

— Ха! Салага. Ты хочешь жевать или нет? — усмехается он. — Имею заграничный товар «люкс».

— А-а, жевательная резинка? — догадываюсь я.

— До кенгуру доходит быстрее. Так да или нет? А то я...

Он не успевает кончить. Возле него вырастают два паренка с красными повязками на рукавах.

— Интересуемся заграничным товаром, — насмешливо говорит один из них. — Пойдем поторгнемся. Ну, топай, топай ножками, тюлька сухопутная.

— Дружина... — цедит сквозь зубы тот. — Кошмар, а не жизнь.

И покорно следует за ребятами.

Эта жанровая сценка наводит меня на интересную мысль. Я захожу в магазин.

После залитой солнцем улицы здесь кажется темно. Однако постепенно глаза привыкают, и я начинаю ориентироваться в окружающей обстановке. Наряду много. Слева тянется прилавок, где торгуют посудой и всякими антикварными безделушками; дальше, кажется, ювелирный отдел и часы. Справа вдоль стен развешаны костюмы, платья, пальто.

Я разглядываю продавщиц. Нет, ни одна не похожа на Галину. Спрашивать о ней я не решаюсь. Откуда я могу ее знать? Наше знакомство должно произойти только сейчас.

Некоторое время я топчусь возле прилавка среди покупателей, даже прицениваюсь к чему-то. Я чуть не на голову выше всех тут, и мне отлично видно вокруг.

Но вот появляется и Галя. Она выходит из подобного помещения. Я сразу ее узнаю. Вот это девушка! Вызывающе дерзкие черные глаза, яркие пухлые губы, стройная фигура, красивые ноги. Я вспоминаю старика Бурлакова и восхищение, с которым он описывал Галину.

Что же, тем лучше. Попытка познакомиться с такой девицей не вызовет ни у кого подозрений, в том числе и у самой Галины. Хотя задача моя, конечно, не из легких. Я себе представляю, сколько таких попыток делается каждый день. Тут действительно нужен какой-то неожиданный ход. И то, что мне пришлось в голову еще на улице, будет, кажется, самым подходящим.

Я незаметно приближаюсь к прилавку, где стоит Галя. Впрочем, незаметно — это не то слово. Меня, конечно, замечают. Такую каланчу, как я, нельзя не заметить. Когда я оказываюсь возле нее и нас разделяет лишь прилавок, я наклоняюсь и негромко говорю, безбожно коверкая русскую речь:

— Мадемуазель показывайт мне кой-что интерес-но и абсолютно азиатско?

— Что же вам показать? — обольстительно улыбается она.

— О-о! Где угодно, мадемуазель.

Галя прыскает от смеха.

— Где или что? — спрашивает она.

— Я не совсем понимаю вопроса. Вы восхитительна, мадемуазель. Такая девушка... я забываю слов. Можю, я сделаю подарок лично вы? Или это... как сказать?.. вас мог обидеть?

— Нельзя, — строго говорит Галя, но глаза ее продолжают смеяться.

— Закон такой, да?

— Да, да, — не выдержав, улыбается она.

— Какая жаль. Я бы так хотел. Я привез одна прелесть...

— А что взамен? — игриво спрашивает Галя.

— О-о! Одна прогулка по красавице Одесса. И один обед. Все!

— Ой ли?..

Галя смотрит на меня так лукаво, что я на секунду ощущаю неподдельное волнение. Просто черт, а не девка!

— Слово! — говорю и приподнимаю руку, как будто клянусь.

— Я подумую.

— И долго? Вечность?

— Но я же на работе.

— О ля, ля! Понимаю. Вечность — значит до вечно-ра, да?

Галя на миг с улыбкой зажимается, давая понять, что я угадал.

— В который час?

Я вижу, что она колеблется. И еще я вижу, что сумел ее заинтересовать. Но колебания, видимо, серьезные. Глаза ее становятся неожиданно задумчивыми, между красивыми бровями возникает строгая складочка. Какая-то борьба явно происходит в ней. Наконец, Галя вздыхает, улыбается, бросает на меня лучезарный взгляд и говорит:

— Ладно. Была не была. — Она понижает голос и быстро оглядывается. — Приходите в семь к оперному. Знаете?

— О, да. Знаю, знаю. Гран мерси, мадемуазель. Она с улыбкой кивает мне.

Лавируя среди покупателей, я направляюсь к выходу. Краем глаза замечаю, что Галя следит за мной, и движения мои невольно становятся ловкими и гибкими. Мне тоже хочется произвести впечатление.

Интересно, почему она так вздохнула, решившись назначить свидание, почему сказала «была не была», почему так настороженно оглянулась?

Вечером мы с Леной отправляемся на свидания.

У Лены все предельно ясно: парень ее мелоч, но есть интересные связи. Он часто бывает в интер-клубе и всех там знает. Возможно, знает и Галю и ее окружение.

Передо мной куда более сложная задача. Как вести себя с Галей, до конца не ясно, и как завоевать ее доверие — тоже. И никто тут посоветовать ничего не может. Придется ориентироваться на месте, исходя из обстановки.

Уславливаемся только об одном: Лена никуда из интерклуба не уходит, как бы этот парень ее ни тянул. А я, если удастся, приду туда с Галей. И тогда же познакомлю ее с Леной. Если я не приду, знакомство откладывается. Но вообще это необходимо, нам надо двигаться вместе. Я помню слова Кузьмича. То, что могу не понять или не сумею узнать я, может удастся Лене.

Я прихожу к театру минут за десять до условленного срока. Надо успеть сориентироваться.

На небольшой, уютной площади перед театром, окруженной гигантскими платанами, толпятся нарядно одетые люди.

Я оглядываю все вокруг очень внимательно, но ничего подозрительного не замечаю. Правда, в толпе шныряют компании каких-то чересчур развязных парней, у некоторых за спиной гитары, другие, кажется, по-мелкому спекулируют. Но все это особого внимания не заслуживает.

Вот только те двое. Они неподвижно стоят в тени деревьев. Внешне ничем не отличаются от парней, шныряющих в толпе. Одеты тоже весьма пестро. Узкие, в обтяжку брюки с необъятным клешем,

широкие инкрустированные ремни и расстегнутые рубашки, пестрые платки вокруг шеи, на голове маленькие кепочки с обрезанными козырьками. Курят, изредка тихо переговариваются между собой. И, кажется, поглядывают в мою сторону. Почему они тоже не снуют в толпе, не кричат, не задираются, не хохочут вместе с другими? И почему к ним никто не подходит? Впрочем, мало ли почему. Может быть, они ждут своих девушек?

Но вот и Галя. Она появляется возле меня как-то неожиданно. На ней легкая накидка, красивое темное платье с блестками, нитка гранатов вокруг шеи, в ушах крупные, тоже гранатовые серьги. Глаза подведены и блестят. Галя очень красива, но как-то слишком уж броско, вызываясь, для всех.

— Здравствуйте, дорогой гость Одессы,— чуть насмешливо говорит она и протягивает мне руку.

На ее пальце сверкает кольцо. Три бриллиантика, как три ягодки, висят на золотом стебельке. То самое кольцо!

— О, мадемуазель! Вы восхитительны,— говорю я и вполне искренне люблюсь ею.— Можно выйти на эту площадь? Я стану на колени и буду просить у вас прощение.

— Вот как? Вы, значит, провинились? — Она улыбается так лукаво, что мне на секунду становится не по себе.

— О, да. Провинился. Перед вами.

— Ну, говорите уж,— машет рукой Галя и окидывает меня каким-то странным, оценивающим взглядом.

— А вы меня после этого не прогоните? — спрашиваю я уже без всякого акцента.

Галя так звонко хохочет, что на нас оглядываются.

— А я все ждала... когда вам... надоест... — захлебываясь от смеха, говорит она.— Нашли где притворяться... в Одессе...

Мне неловко, но я доволен. Галя не думает сердиться и, кажется, тоже довольна. Чем доволен я, это понятно. А вот чем довольна она? Я не могу забыть ее странного взгляда.

— Пойдемте отсюда,— говорит она и берет меня под руку.

Мы выходим на Дерибасовскую. По широким тротуарам льется поток гуляющих. Кажется, вся Одесса пришла сюда отдохнуть и повеселиться.

Галя увлекает меня в какую-то боковую улицу, потом мы оказываемся во второй, на третьей. Вокруг уже тихо, пусто и темно. Гулко звучат наши шаги по каменным плитам.

— Вы долго здесь пробудете? — спрашивает Галя.

— Мне вообще не хочется отсюда уезжать,— отвечаю я.

— Неужели влюбились?

В голосе Гали слышится усмешка.

— А вы к этому не привыкли?

— Даже надоело,— притворно вздыхает Галя.

В это время я слышу позади нас чьи-то быстрые шаги. Идут несколько человек. Торопятся.

Раздается свист.

— Эй, мальчик! — кричит кто-то.

Я оглядываюсь.

Нас догоняет компания парней, человек пять.

Ко мне подходит высокий, кряжистый парень, поверх пестрой рубашки на плечи накинута пиджак. Да ведь это он стоял около театра под деревом, только без пиджака почему-то.

— Куда хилешь с нашей Халей? — развязно спрашивает он.— Ты, шлендра... Или я что-то не понимаю?

Остальные пытаются меня окружить.

Я отступаю к стене дома.

— Ребята, не надо,— как-то неуверенно говорит Галя.

— Исчезни,— приказывает ей высокий парень.— Тут мужской разговор.

— Кое-что ты не понимаешь,— говорю я ему как можно спокойнее,— придется объяснить.

— Он еще тязкает,— говорит кто-то.

— Будем драться? — спрашиваю я.

— Ха! Он будет драться! Вы слышали? — издевательски произносит высокий.— Жаба,— обращается он ко мне,— мы тебя будем сейчас делать, понятно?

И тут я вдруг улавливаю чей-то взмах рукой. В ней зажат нож. Ого!

Я перехватываю руку, заученно выворачиваю ее и сильно бью ребром ладони. Парень с воплем катится на мостовую. Удар гарантирует его невмешательство в дальнейший ход событий.

Остальные кидаются на меня.

Я падаю и тут же двоящим ударом ног бью высокого парня в живот. Это страшный удар. Тот складывается пополам и медленно оседает на землю, хватая ртом воздух. И сразу же я получаю в скулу резкий, но не очень умелый удар слева.

Я вскакиваю. Теперь передо мной трое. Длинный катается по земле, изрыгая проклятия. Второй парень лежит около стены и тихо стонет.

А я бросаюсь вперед. Ярость захлестывает меня. Двое отскакивают. Но третий попадает в мертвый клинч. Сзади кто-то бьет меня в спину. Я разворачиваюсь, и второй удар приходится по зажатому мною парню. Тело его обвисает. Глубокий обморок. Я отпускаю руки. И тут же парирую новый удар.

В этот момент в конце улицы появляется машина. Ослепительный свет фар, рев мотора и резкий, пугающий перезвон сирены...

Я оглядываюсь. Галя в испуге прижалась к стене. Я хватаю ее за руку и увлекаю в темную дворовую дорожку. Недостает нам попасть в милицию.

Мы оказываемся в каком-то дворе, перебегаем его, и я с треском распахиваю дверь, над которой укреплен тусклый фонарь.

Сзади, на улице, слышны свистки. Ну, конечно, это патрульная милицмейская машина.

Мы с Галей осматриваемся. Высоко под потолком горит лампочка. Это подъезд дома. Напротив выход на улицу.

— Ну, вы мужчина,— одобрительно говорит Галя.— С вами не страшно.

Голос у нее спокойный и даже чуть веселый. Кажется, я преувеличил ее испуг там, на улице.

— А с вами не страшно? — спрашиваю я.

Галя усмехается.

— Вам нет. И три бюллетеня вы сегодня обеспечили, это уж точно.

— А еще что-нибудь я обеспечил?

— Или я не женщина? — улыбается Галя.— Или я могу остаться равнодушной, по-вашему?

Она привстает на цыпочки и нежно обнимает меня за шею.

И тут я вспоминаю странный ее взгляд при встрече, две молчаливых фигуры в тени, возле театра. Да, тут есть о чем поразмыслить.

Я молча отряхиваю брюки, поправляю куртку, волосы и поворачиваюсь к Гале.

— Вид у меня как? Вам не стыдно со мной идти?

— С вами мне теперь никуда не стыдно идти.

Она достает из сумочки платок и, снова встав на цыпочки, осторожно вытирает мне щеку. Скула ноет.

— Знаете, мне хочется пойти в одно место,— говорю я.— Но не знаю, как туда попасть.

— Что за место? — спрашивает Галя.— В Одессе нет такого, куда нельзя попасть.

— Интерклуб моряков. Знаете?

— Или! — откликается Галя. — Пойдемте. Все будет сделано.

Мы выходим на улицу.

У меня все-таки побаливает спина, но я не подаю вида.

Вот и набережная. В обе стороны тянется Приморский бульвар. А прямо перед нами на площади одинокий памятник Ришелье, основателю Одессы. Он угрюмо смотрит на море и на знаменитую лестницу, волнами спускающуюся к порту, широченную красивую лестницу в сто девяносто две ступени, которую знает, по-моему, весь мир.

Справа от нас светятся огни интерклуба, окна его выходят на Приморский бульвар.

— Сейчас тебе все будет, — говорит Галя, прижимаясь ко мне. — Или я не «мадемуазель Галя».

Из интерклуба доносится музыка.

Галя шепчет что-то людям у входа, и нас мгновенно пропускают.

Красиво в клубе, весело, шумно. В зале гремит оркестр. У стойки бара и в буфете толпятся моряки, с ними нарядные, раскрасневшиеся девушки, тут же какие-то парни с длинными, по моде, волосами. Среди моряков много иностранцев, их можно узнать по лицам, по фасонам курточек, по замысловатым нашивкам на рукавах. Это, по-моему, греки, итальянцы, англичане...

О, как светло, празднично и весело тут!

Мы проходим в зал.

По пути я смотрю на себя в зеркало. Вид, прямо скажем, неважный. На скуле растекся рыже-фиолетовый синяк, перечеркнутый запекшейся царапиной, куртка испачкана и помята, брюки тоже. Ну, да ладно.

— Потопчемся? — предлагает Галя. — Или что?

— Нет, нет. Обязательно потопчемся, — весело отвечаю я.

Она вскидывает мне руку на плечо.

Оркестр прямо-таки надывается. По маленькой эстраде мечется с микрофоном в руке потный парень в черном приталенном пиджаке, оглушительные вопли его понять невозможно да и не обязательно.

Зал веселится и хохочет. Боже мой, чего тут только не пляшут под эту бешеную музыку!

Я ищу глазами Лену.

Вон она. Танцует с каким-то иностранным моряком. Где же ее кавалер? Ага, вот подходит и он, отрывает от моряка и угощает мороженым. С высоты моего роста мне все отлично видно. Ну, теперь, кажется, самое время.

— Ого! Кого я вижу! — говорю я. — Моя сестренка!

— Ты здесь с сестрой? — удивляется Галя.

Она как-то очень легко и естественно перешла со мной на «ты». Все-таки столько вместе пережили.

— Ну да, — отвечаю я. — Отличная сестренка. Сейчас я тебя с ней познакомлю.

Но это, оказывается, не так-то просто. Когда мы, танцуя, пробираемся, наконец, к Лене и ее кавалеру, они уже покончили с мороженым и сейчас с упоением что-то отплясывают. Парень не сводит с Лены восхищенных глаз. Она раздумывается, рыжие волосы рассыпались по плечам. Лена, гибкая, в узких кожаных брюках, выделяет немислимые телодвижения, что-то уж сверхсовременное. Откуда только она всего этого набралась, интересно знать? Мне становится смешно.

— Алло! Ленка! — кричу я.

Лена замечает меня, останавливается и тащит своего кавалера к нам. Мы знакомимся.

— Гога, — представляется парень.

С Галей он, оказывается, знаком.

— Чао, Гога, — улыбается она, но я замечаю, что ее не очень радует эта встреча.

Гога отвечает ей тоже довольно сдержанно.

— Виталий, что с тобой? — всплескивает руками Лена, разглядывая мой великолепный синяк.

Я безмятежно машу рукой.

— Упал, — говорю я. — Поскользнулся на ровном месте. Со мной это бывает, как ты знаешь.

— Влез в какую-нибудь драку? — не унимается Лена. — Ведь так? — обращается она к Гале.

— Я страшно спешил на свидание, — быстро говорю я. — Галя меня таким уже получила.

— Именно, — весело соглашается Галя. — И такой он мне очень понравился. Или я ничего не понимаю в мужчинах.

С Галей то и дело кто-то здоровается, порой довольно развязно. Какой-то парень пытается даже увести ее от меня, но Галя неуверенно отказывается. Парень бросает на меня недобрый взгляд. Хлопотно же быть кавалером у этой «мадемуазель Гали». Не хватает только еще одной драки из-за нее. Впрочем, та, первая, произошла, мне кажется, совсем не стихийно. «Халочка», наверное, решила проверить меня на свой манер. Зачем только ей это потребовалось, интересно знать?

Через некоторое время мы все идем в буфет.

— Ой, как я устала, — говорит Лена.

— Проводи даму, Гогочка, — ласково приказывает Галя.

— А ты не боишься тут оставаться? — с ехидцей осведомляется тот.

— Нет, Гогочка, — тем же тоном отвечает Галя.

Мы пьем вино, заедаем яблоками и конфетами. Потом Лена поднимается из-за столика.

— Я пошла. Виталька, не приходи поздно.

— У тебя мировая сестричка, — замечает Галя. — И вы здорово похожи.

— Да, говорят, — киваю я.

Мы снова идем в зал, где гремит оркестр.

Несколько раз в толпе мелькает парень, который недавно хотел увести Галю. Он словно следит за нами. Надо его запомнить на всякий случай. Про себя я отмечаю еще одно странное обстоятельство. Галя, кажется, испугалась этого парня вполне искренне. А вот в ее испуге там, во время драки, я не уверен. Значит, кого-то она боится все-таки настоящего? Уж не потому ли она и из дома не выходит в последние дни?

Мы танцуем еще долго. И долго кипит вокруг нас веселье и смех. Моряки умеют отдыхать.

Галя возбуждена и бросает на меня красноречивые взгляды. Но я почему-то не очень верю в свой успех. Она оказалась куда хитрее и скрытнее, чем я полагал. И у меня такое ощущение, что я ей зачем-то нужен.

— Тебе здесь нравится? — спрашивает Галя.

— Очень, — говорю я. — Хотя... не все.

— А что не нравится?

— Например, тот парень, который хотел с тобой посекретничать.

Галя улыбается.

— Уже ревнуешь?

— Немного.

— Не надо. Это, милый, не тот случай. Это... Ай, не говори мне о Сенечке. Не хочу его даже видеть.

— Зато Сенечке, кажется, хочется.

— Расхочется...

Галино лицо становится неожиданно злым и озлобленным. Такой я ее еще не видел. Впрочем, она тут же спохватывается и снова улыбается.

— Не болит? — ласково спрашивает она и проводит рукой по моей щеке.

Да, ей легко вскружить голову любому парню, и, если она его потом бросит, он будет так же смотреть на соперника, как этот Сенечка на меня. А может быть, тут дело серьезнее?

Поздно вечером мы уходим из интерклуба.

Галя выводит меня через какую-то незаметную дверь во двор.

— Это еще зачем? — удивляюсь я.

— Тебе что, нужны лишние встречи? — насмешливо спрашивает она. — Или ты думаешь, тебе будут платить за каждый синяк?

Мы долго идем по пустынным, полутемным улицам. Галя живет где-то далеко, по пути к Большому Фонтану, в маленьком деревянном домишке.

Около калитки мы прощаемся.

Я пытаюсь Галю обнять, но она неожиданно вывертывается и строго говорит:

— Не трогай. Потом. Сейчас у меня большое горе. Я потеряла любимого человека.

— Он тебя бросил? — с негодованием спрашиваю я.

— Нет. Его... убили.

— Ну да?..

— Или такого не может быть, думаешь? Так вот, может, — и тихо шепчет: — И меня.. могут. — Она

вдруг хватает меня за руку, прижимается ко мне. — Ты меня не оставишь?.. Ну, неделю хотя бы не оставишь? Ну, поклянись!..

В гостиницу я возвращаюсь совсем поздно.

По дороге я еще захожу в управление и связываюсь с Москвой.

Наш дежурный мне сообщает:

— Получено сообщение из Пунежа. Откаленко нашелся. Жив. А человек уехал к вам, в Одессу. Так что учтите.

— Что случилось с Откаленко?!

— Наделал глупостей. Поспешил. Погорячился. Завтра получите подробное сообщение. Пока все.

(Окончание следует.)

Леонид Латынин

Разговор в Сургуте

Сургутские шири, юганские топи.
И будни Сибири — реальность утопий.
Болота, озера, таежные реки.
И взмах семафора — отныне. Вовеки.
«Дорога не сразу — надежда сначала,—
Красивую фразу мне манси сказала,—
Мы скифы с тобою, нам строить

не просто —

Над Обью-рекою железные версты.
Но это не много,— мне манси сказала,—
И эта дорога, и мрамор вокзала,
Все строилось в мире. Но, землю любя,
Сегодня в Сибири
Мы строим себя!»

Перед прозой

Я поле успею измерить,
Колосья погладить рукой.
Успею понять и поверить,
Что в жизни есть тайный покой.
Так дно океана спокойно,
Ни света, ни бурь в глубине.
Мы век завершим свой достойно
В работе или на войне.
Допишем, как водится, прозой
Об этом покое сполна.
О том, что приходят с мороза
И женщина и тишина.
О том, что над бурями реет
Темнеющий лес и рассвет,
О том, что не камни немеют —
В самих нас внимания нет.
О том, что пока непонятно
И брезжит в созвучьях едва,
Что, верно, вернемся обратно,
Где брошены лес и трава.
О чем-то немного печальном,
А в общем, совсем о простом —
Природном, спокойном, начальном,
Как воздух, как поле, как дом.

Стихи о весне, написанные осенью

Все сохнет, все блекнет, все вянет,
Все осенью, друг, сожжено.
Недоброе слово не ранит,
Что, впрочем, уже все равно.
Все дышит спокойней и тише,
И птицы ленивы крыла,
И изморозь глянец на крыши
Ровнехоньким слоем легла.
Во сне разметалась девчонка,
Резвушка, певунья, юла.
Короткая, в пятнах юбочка
На лавку, свернувшись, легла.
Туманное око окошка,
И петли в чулане скрипят.
Ласкается рыжая кошка
Из самых последних котят.
Дотянем с тобой до апреля!
— Дотянем, молчи не молчи!
Чу,— осени третья неделя
Курлычет в чернильной ночи.
Дотянем, железная койка,
Тесовая дверь, доскрипим.
Болтушка, затейница сойка,
Весной над рекой полетим!

Еще не брошена монета,
Еще не катится, звеня,
Еще гудит грозою лето...
Люби меня, люби меня.
Пока звонок еще не грянул,
Как будто гром средь ясна дня,
Пока я в прошлое не канул,—
Люби меня, люби меня.
Еще брусчатка под ногами,
Еще, лучи к земле гоня,
Горит звезда, горит над нами.
Люби меня, люби меня.
Еще ни слова, даже звука.
Еще ни света, ни огня,
Еще прекрасна даже мука.
Люби меня, люби меня.
Еще не день, еще не встреча,
Еще начало только дня.
Высокий час — беды предтеча.
Люби меня, люби меня.

Перемена погоды,
И потеря потерь:
Мои лучшие годы
От вчера до теперь.
Мои лучшие мысли
И надежд кутерьма,
Прозревание выси
И рождение ума.
И недолгое горе,
Беспричинная боль.
Мое первое море,
Моя первая роль.
Перемена размера
И наград перепад,
Моя ясная вера
Только вечер назад.
И понятней как будто,
Что же делать теперь.
И прекрасное утро...
И потеря потерь.

Сон о речке Тахе

Или вижу нынче плохо,
Или вправду предо мною
Речка Таха — пересохла,
Заросла густой травой.
Тальник заросли раскинул,
Тихо гусь в траве гогочет.
День не дожит, полдень миновал,
Прокричит лениво кочет,
Пыль вздохнет, под шиной всхлипнет,
Мост качнется, но смолчит.
Чей-то глаз к окну прилипнет,
Поезд где-то прокричит.
Было — русло, стало — пусто.
Речка Таха, где ж вода?
Только тальник — густо-густо.
Да полынь, да лебеда...

Первое прощанье

Твоя рука в застуженном окне,
В двуркой невесомой рукавике.
Застыл перрон в натающем огне
Приставшей на мгновенье электрички.
Вверху звезда сорваться не спешит,
Но чуть дрожит и напряженно тлеет,
Еще душа доощутить спешит,
А не тускнеет, глохнет и немеет.
Еще... Пстой, мой голубой вагон,
Моя судьба, замри у светофора.
Глядит лицо из слившихся окон,
Потом — из наступившего простора.
Я расстоянием хлынувшим давлуюсь,
Тону, кричу, иссякнут силы скоро.
И все равно, едва дыша, молюсь —
Судьба, пстой, замри у светофора.
Галдят огни, перекричав звезду,
Летит метель — целительное благо.
Остановись — я больше не могу
Сойти с пути, к спасенью сделать шага.
Летит, тобой ведом, электровоз,
Пока зима, весна еще не скоро.
Не виден путь из-за бегущих слез...
Судьба, пстой, замри у светофора.

Осеннее Подмосковье

Белая бумага!
Чистая страница!
Юность и отвага
Мне сегодня снится.
Журавли курлычут,
И синицы плачут,
И кого-то кличут.
Что же это значит!
Мне бы выйти в поле,
Посмотреть на небо,
Журавля на воле,
Ах, увидеть мне бы.
Я б пустил по следу,
Строчку, как борзую,
В пятнах непоседу,
В линию косую.
И журавль бумажный
Закричал прощально,
Гордо и протяжно,
Лишь потом печально...
Медленно катится
Лунная телега,

Первая страница
Моего нощлега.
В Подмосковье осень,
Золотые веси,
Ах ты, семь на восемь,
Разгуляться если б!
Серый свет равняет,
Лики или лица.
Молча лес роняет
Желтые страницы.
На листьях неровно
Буквицы пробиты:
«Тех, что с нами — помню,
Прочие — забыты».

Моисей Ефимов

Перевел
с якутского
С. ШЕВКОВ.

Ленские писаницы

Сполна заплативший привалами
Гористому рубежу,
Стою под отвесными скалами
И с писаниц глаз не свожу.
Вот, загнанный, вскинулся в ярости
Сохатый... Вот свищет стрела...
Дыминка немыслимой давности
На красную охру легла.
Коль есть «галерея картинная»,
Быть должен и экскурсовод.
Пусть речка по имени Синяя
До залам меня проведет.
Быть может, сместится во времени
Ее голубая струя
И гения древнего племени
Увижу воочию я.
Охотника, гордо и трепетно
Постигшего контур и цвет,
Чтоб слава Рембрандта и Репина
Взошла через тысячи лет.
Увижу, как в горном урочище
Свершает он замысел свой,
Восторженный шепот сородичей
Не слыша в пылу за спиной.
Пускай лишь магическим символом
Им кажется писанный зверь,
Но речка по имени Синяя
Услышит и песни теперь...
И так же, омытые ливнями,
Куда-то, то вместе, то врозь,
Уходят тропинками длинными
Охотник и охровый лось...

МАРК
ГРИГОРЬЕВ

КРАЙ, ГДЕ ВЗРОСЛЕЮТ МАЛЬЧИКИ

Он невелик, этот дневник. Обыкновенная общая тетрадь, черные «корочки». Иписано всего тринадцать листов. Случайное, конечно, совпадение, но вместе с руководителем ребят на трассе Тюмень — Сургут было тоже тринадцать. На каждого по страничке и досталось. «По-моему, дневник — это летопись самых интересных событий, размышлений, выводов. Всему повседневному, будничному не стоит оставлять места» — такую запись Гена Абрамов сделал 20 июня. А на следующий день он запишет, как обивали стены школы-новостройки штукатуркой. Событие? Да нет — рядовое, будничное дело. Тогда почему об этом целых полторы странички?

Когда мы встречаем человека, побывавшего в Антарктиде, на Северном полюсе или за экватором, то всматриваемся в его лицо, глаза, ожидая заметить что-то такое... Ну в самом деле — был человек в дальних краях, видел и пережил, чего нам, может, никогда испытать не придется, а вот внешне ничем не отличается от учителя географии, соседа дяди Володи или начальника жэка. У мальчишек встреча с такими людьми вызывает даже разочарование: «Такой, как все! Может быть, поэтому на школьных вечерах особенно любят людей не только много

На снимке: отряд «Юность» возвращается с работы.

Фото Н. СЫТЕНЬКОГО.

повидавших, но и обязательно одетых в форму, с наградными на груди и при кортике.

Гена Абрамов, появившийся в своем дворе после поездки в Сибирь, не произвел на ребят особого впечатления. Какой был, таким и остался: та же улыбка на круглом лице, те же очки. Даже не подрос.

— Подумаешь, Сибирь, — сплевывают мальчишки презрительно. — Даже медведей не видел. И заработал всего 90 рз. Лучше в Останкине овощи поливать.

— Ну-ка, сделай шаг, — говорит Гена такому Фоме-неверующему. — Просто? А нашу дорогу продлить на один метр — тысячу рублей стоит. Понял?

И это наглядное знакомство с азбукой сибирской экономики не пройдет даром. Несмотря на каникулы, один за другим потянутся ребята в школу, чтобы потрогать серебряный костыль, кедровые шишки, взглянуть на почетные грамоты, на немудреные фотографии. А вечером, зайдя домой к Генке Абрамову, как бы между прочим, попросят: «Комиссар, дай почитать дневник».

10 июня. В дороге время летит незаметно — завтрак, обед, ужин, сон. Сегодня длительная остановка в Тюмени. Осмотрели город, побывали в редакции газеты «Строитель», встретились с начальником комсомольского штаба стройки Валерием Фадеевым. Услышали притчу о «золотом яйце». Это как у Джека Лондона в рассказах про золотоискателей. Там продукты, доставляемые собачьими упряжками на Клондайк, обменивались на золотой песок. Здесь каждое куриное яйцо, попавшее на трассу дороги Тюмень — Сургут вертолетом, стоит рубль: золотое... Пока все. По московскому времени сейчас 19.30.

Еще несколько дней будет появляться в дневнике приписка: «По московскому времени». И ребята, посматривая на часы, будут говорить: а у нас еще только три часа. У нас — значит в Москве. Точнее, в Тимирязевском районе, около станции Лихоборы Окружной железной дороги. Там, где все привычно — кубики домов, школа, асфальт, мама...

11 июня. Вот мы и на месте. Поселили нас в отличном помещении. С утра все отсыпались, а потом пошли на речку Туртаску. По берегам — буйная растительность. Если смотреть сверху, то красиво получается: по зеленым жилам течет вода, багряная от заката. А кругом такая тишь, что чувствуешь себя незванным гостем, пришедшим порушить всю эту первозданную гармонию природы.

Отряд «Юность» прибыл в поселок Туртас. На самой новейшей карте не отыщешь населенного пункта с таким названием. Полтысячи жителей Туртаса — молодежь не старше двадцати пяти. Поселок временный. Когда железная дорога Тюмень — Сургут — Нижневартовск будет построена, здесь останется небольшая станция. Пока возводятся дома, школа, клуб, потому что именно здесь разместился опорный пункт строительно-монтажного поезда (СМП) 522.

Как же попали московские школьники на Всесоюзную ударную?

Все началось с обыкновенного школьного музея. А может быть, именно потому, что был он не совсем обыкновенным. Сейчас почти в каждой школе есть музей. Миллионы ребят по всей стране собирают материалы по истории революционных дружин, армейских соединений, партизанских отрядов, прославленных трудовых коллективов. В 249-й школе предпочтение отдали «новейшей истории», событиям, которые происходят сегодня и только завтра станут историей. Здесь собирают материалы, рассказывающие о всесоюзных ударных комсомольских стройках.

Строек много. Как быть? Родители многих учеников — даром, что ли, ребята живут у Московской Окружной! — железнодорожники, станционные служащие. Вот и решили выделить стройки, связанные с прокладкой новых рельсовых путей. Вырезка из газет да нарисованная пунктиром дорога на карте Западной Сибири составили первый планшет музейной экспозиции Тюмень — Сургут.

12 июня. Экономическое значение дороги трудно переоценить. Не считая вертолетов и водных путей, это единственный канал связи северных районов Сибири, богатых нефтью и газом, с «Большой землей». Будущая железная дорога, или, как ее здесь называют, трасса, — это и ориентир в безбрежной тайге и место для прогулок (на дороге сухо, а кругом, куда ни глянь, — болота; и мошка, когда идешь по шпалам, вроде не так свирепствует). Это и путь к нефтяным запасам Среднего Приобья. Метр за метром отвоевывают люди у тайги топкое пространство.

Поиски новых материалов для школьного музея привели ребят к нам в журнал. Мы им и предложили: поезжайте на трассу к нашим подшефным. Посмотрите своими глазами сегодняшнюю Сибирь, поработайте на стройке.

У ребят — сразу масса вопросов. Предложение заманчивое. А что скажут родители, педагоги? И что это вообще будет — экскурсия, турпоход или работа на стройке наравне со всеми?

13 июня. Сегодня первый рабочий день. Первый в нашей жизни. Тяжело, но не это главное. После часа работы пот с нас катился градом. Но никто не пикнул, не заговорил об отдыхе. Я еще раз убедился, что ребята у нас подобраны крепкие. Дневное задание мы выполнили.

Готовиться к поездке начали с осени. Была составлена целая программа: овладеть специальностью маляра-штукатурки; собрать библиотеку для строителей; подготовить музыкальную программу для концертов на трассе; собрать экспонаты для школьного музея; для своей школы, для учеников младших классов привезти образцы флоры Тюменского края.

В отряд «Юность» мечтали попасть многие девятиклассники. Как выбрать самых надежных?

В 249-й даже первоклассник с гордостью говорит: «Мы — лихоборские». Авторитет мальчишке во дворе ли, в классе ли завоевать нелегко. Но Виктора Пыхтина, не сговариваясь, предложили в командиры. Не за высоченный рост, а за справедливость. Гена Абрамов — готовый комиссар («о чем ни спроси, все знает», «спокойный», «член комитета комсомола»). Валерий Гудков, Андрей Артамонов и Гена Фельдшеров должны были привести в порядок туртасскую библиотеку. Игорь Астахов и Сергей Сафонов — фотографы. Андрей Васин и Сергей Журавлев — художники и музыканты. Валерий Лазарев и Сергей Хоботов — музыканты.

Девчонок решили не брать: знали, что на стройке и ребятам будет трудно.

Не ошиблись.

15 июня. Устал чертовски. Скорей бы уснуть и отдохнуть...

В этот день ребята работали на строительстве школы. Задача вроде бы проста. В сорока метрах — плиты сухой штукатурки. Надо эти плиты перенести в здание и обшить «внутренности» — стены и потолок. Сорок метров — болото сплошьяком. Промостили бревнами дорогу, сверху настелили досками — получился тротуар не хуже столичного. Начали перетаскивать плиты. По четыре-пять штук сразу. Первый раз показалось легко, во второй — чувствительно, в десятый — руки дрожат. Как-никак, а каждая плита

та в 32 килограмма... А станешь прибавлять ее к толку, так четверо ребят, как атланты, держат плиту на вытянутых руках. Пятый с молотком бегаёт. Прихватил гвоздиками. «Отпускайте!» — кричит. Только отпустили — плита с грохотом падает на пол. Начинать все сначала...

На многие вещи Сибирь заставила их взглянуть по-другому. Раньше, например, слово «тайга» легко слетало с языка. Представлялось что-то непролазное, вроде джунглей. Приехали — кругом березы, как в Подмосковье. Инженер по технике безопасности сказал: «Вы не смотрите, что тайга приветлива. От трассы в сторону не уходить. Вправо и влево на сотни километров болота».

23 июня. Тайга — это такое, что сразу не охватишь ни взором, ни даже мысленно. Поражает величием, размахом и, конечно, красотой. Правда, эта красота бывает разной...

Сегодня суббота. Только что вернулись из первого похода за десять километров на лесное озеро. Огромная подкова, берега которой поросли лесом. Вода, как и везде в этих местах, с красноватым оттенком. Кое-где видны радужные пятна. Нефть. Мы по ней буквально ходим.

Возле шалаша развели костер, натаскали дров на ночь и стали готовить рыболовные снасти. А часов в десять пошел дождь. Сначала мелкий, потом крупней и крупней. Полезли в шалаш. Только не мы одни такие хитрые. Комары нас опередили. Вот и решай: сидеть у костра под дождем или отдать себя на съедение комарам в шалаше. Через час мы поняли: тайга — это хорошо, но без комаров; дождь — это тоже хорошо, но когда у тебя крыша над головой.

Дождь лил и лил. Мы потихоньку начали проклинать такую романтику...

Через два-три дня от мрачного настроения не останется и следа. Тайга покажется приветливой, деревья — величественными, а тишина — внушительной. И в дневнике появится «бодрая» страничка.

25 июня. Тайга не давит своей красотой, а наполняет тихой радостью. Дождя нет, комары не докучают, а какой клев! За час ловли — 40 крупных окуней, не считая мелочи. Ловили до тех пор, пока глаза различали поплавки. А когда совсем стемнело и мы осмотрели улов, то, откровенно говоря, растерялись. Перед нами стояли два полных ведра рыбы, да еще в кукане болталось штук тридцать. Оказалось, что поймали за вечер 9 щук, 15 очень крупных окуней, а всего 153 рыбины!

Весело застучал топор, затрещали дрова в костре, забулькала вода в котелке. Но вот уха готова, а через пять минут только рыбьи косточки остались. Да, такую ночь на берегу таежной реки не забудешь.

Почему такой восторг? Мудреное ли дело: рыбы наловить да уху приготовить? Но подумайте: мальчишки — одни в тайге, в Сибири. Без нянек, тут все приходилось делать самим. Свари кто-нибудь из ребят самый распрекрасный суп в Москве — осмелился бы. Есть на то мамы, бабушки. А здесь ты — рабочий. И ешь не только приготовленное тобой и твоими товарищами, но и заработанное тобой, всеми. Совсем другое дело.

16 июня. Сегодня заработались до того, что прозевали ужин. Пришлось варить самим, и гречневая каша показалась нам вкуснее всяких деликатесов. Андрей Васин незаурядный кашевар...

Еще в Москве было решено: продолжительность рабочего дня — четыре часа. Но трасса — не конвейер. То материалы задерживаются, то транспорт. Работать «от» и «до» невозможно. «Что мы, дети?» —

обиженно говорили ребята, когда им напоминали, что время вышло. А Виктор Пыхтин добавлял, глядя на инженера по технике безопасности сверху вниз: «Не беспокойтесь, КЗоТ у нас соблюдается. С поправкой на акселерацию, конечно»...

Сказывалось и другое. В тайге развлечений — раз, два и обчелся. Рыбалка, танцы (оркестр, разумеется, ребячий). По вечерам бывало скучновато. Привезенная в подарок строителям библиотека (20 ящиков книг) мгновенно разошлась по рукам, самим и книжки не осталось.

Работали до седьмого пота. В общем деле, в бригаде время бежало незаметно. И не скучаешь по солнечной суете, вымытому машинными «поливалками» асфальту.

17 июня. Первая победа. Закончили работу на школе. Какое ощущение!..

В дневнике у Гены немало восклицательных знаков. И много раз повторяется слово «первый». Первый рабочий день, первые трудности, разочарование от встречи с тайгой в первый раз и первая таежная уха. А за всем этим — первая встреча со взрослой жизнью, где не в угол ставят за шалости...

В школе, на занятиях, ребята были далеко не ангелами, а вот на стройке все работали по-настоящему. Еще в Москве, когда отбирали кандидатов в отряд, многие родители частенько заходили в школу. «Моего не берите, — говорила одна мамаша, — лодырь. Подведет товарищей, мне стыдно будет». Другие рассуждали по-иному: «Возьмите нашего балбеса. Пусть жизнь увидит...»

Вслед за здешней школой отряд сдал очередные объекты: медпункт, общежитие. Перед отъездом в Москву ходили, прощались. В общежитии, которое ребята штукатурили, уже поселились строители. Кто-то перебирал гитарные струны, на окнах полоскались незатейливые занавески. Остановились. Учитель хотел что-то сказать, но, взглянув на ребят, понял: все думают об одном и том же.

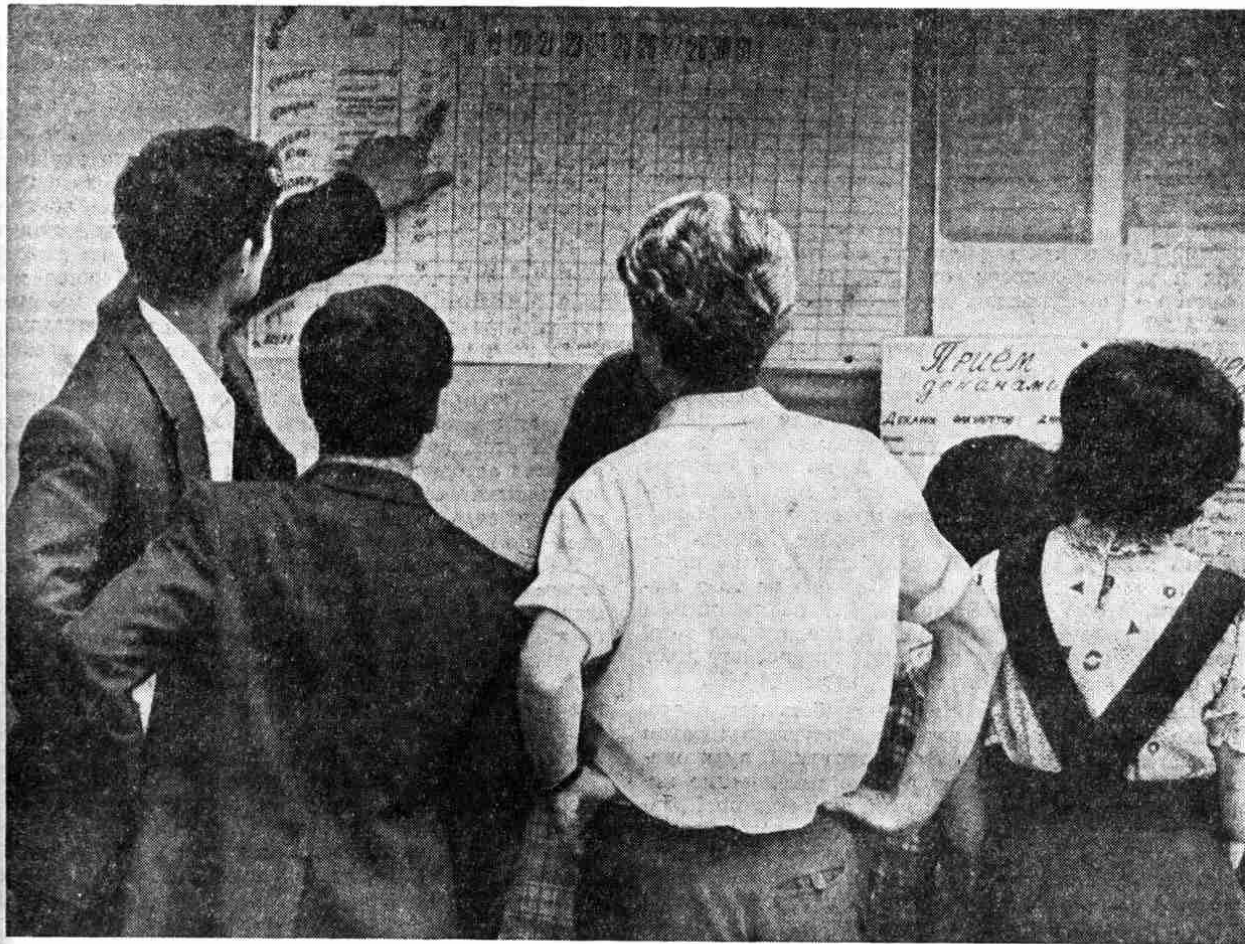
20 июня. У Володьки Аржанова сегодня день рождения. Нашему имениннику семнадцать. Взрослые скажут: детский возраст. А для нас это уже много. В 17 лет обо всем имеешь свое суждение. В 17 лет чувствуешь себя самостоятельным...

В самом деле, кто они такие, шестнадцати-семнадцатилетние из отряда «Юность»? Дети? Подростки? Юноши? Утром встают — бредутся. Вдруг возмущенный вопль. У одного на куртке выведено тушью: «Ляпа-73». Во время перерыва один пробует закурить. Солидно, не спеша: смотри ты!.. Другой ухватил кусок штукатурки и пишет на стене: «Сергачок». А вечером все рассыпалось по кедровнику, на самые вершины за шишками лезут. В то же время каждый день мастер закрывает им настоящие, «взрослые» наряды.

5 июля. Прощайте, Туртас, тайга, трасса! Мы уезжаем, но запомним вас надолго. И лучше, расставаясь, сказать: «До свидания».

Двенадцать школьников и учитель — экспериментальный отряд. Педагогический коллектив 249-й школы и Тимирязевский райком комсомола Москвы решили: быть отряду и в следующем году. Одна, последняя, страничка из дневника Гены Абрамова разъяснит нам причину такого решения.

«Пишу лежа — нет сил подняться. Да, поработали на славу. По-моему, за сегодняшний день все поняли цену рабочей копейки. Сколько пота надо пролить, прежде чем ты сможешь сказать: это я заработал. Пусть кому-то эти слова покажутся напыщенными. Пускай попробует сам, а потом рассуждает... А хлеб тут пекут замечательный!»

МИХАИЛ КАЗАКОВ

ИЩУ СВОЕГО СТУДЕНТА

Сегодня еще приходится слышать невеселые отзывы институтских преподавателей о первокурсниках. «Кажется, опять набрали случайных людей!» — сокрушаются в вузах, итожа первую зимнюю сессию.

Да и руководители производства, получив новое пополнение инженеров, нередко сетуют на то, что институт выпустил далеко не полноценных специалистов. Вроде и знания и навыки у человека есть, а нетворческий работник, не предан избранной профессии: «Куда они там, в институтах, смотрят, когда набирают людей?»

Вопрос очень точный. Нередко в вузах будущий студент, будущий специалист подбирается вслепую — без учета навыков и склонностей. Единственный проверенный инструмент отбора — это конкурсные испытания. Как поведет себя на студенческой

скамье абитуриент-отличник, это уже никому не ясно.

В результате — внушительные цифры отсева. И порой «рекламации» промышленных предприятий учебным организациям: «Слабо готовите специалистов». А кроме того, — и это крайне важно — немалый моральный ущерб. Молодые люди, которые «отсеиваются» из вузов в первом семестре, бывает, теряют веру в себя, начинают считать, что они и вовсе ни на что не способны. А причина их первой жизненной осечки чаще всего в неточном, весьма приблизительном выборе будущей профессии, в стихийности вузовских пожеланий и требований.

Абитуриенты волнуются: какой нынче проходной балл?

Фото В. ВОЛИНА.

Я не претендую на обобщения. Просто решил заглянуть вместе с абитуриентами в три крупнейших московских вуза в предэкзаменационную страду и посмотреть глазами этого самого абитуриента: что, где, как?..

Московский автодорожный институт — вуз очень интересный, перспективный, раскрывающий массу возможностей перед молодым инженером-автодорожником. Только, как я убедился, об этих возможностях и увлекательности будущей профессии большинство из поступивших имеет смутное представление. А жаль...

Толпа абитуриентов замерла от удивления у входа в институт. И есть от чего! Здесь настоящее представление, от которого дух захватывает. Новехонкие, экзотического вида гоночные автомобили совершают почти цирковые виражи, стремительно взлетая по лестнице к парадным дверям. А по обе стороны флигелей здания — выставка новых моделей, которые еще не пошли в массовое производство. Машины одна другой занятнее, своеобразнее. Хочешь потрогать модель руками? Пожалуйста! Хочешь покопаться в механизме? Копайся! Машины на то и выставлены, чтобы ты, абитуриент, мог познакомиться с ними и снаружи и изнутри... А все это для того, чтобы абитуриент понял, как много интересного ждет его, если он надумает стать студентом МАДИ...

Наглядная агитация на улице срабатывает четко. И уже в определенном настроении абитуриенты потом пускаются в путешествие по институту. В аудиториях и залах им показывают разные технические новинки, в том числе и электронный экзаменатор. Правда, прямого отношения к специфике автодорожного транспорта эта очень полезная для учебного процесса любого вуза машина не имеет, но все равно интересно. А раз интересно — можешь и сам «побеседовать» с этим электронным экзаменатором. Смотрю — шестеро ребят из 28-й московской школы, которые забрели в МАДИ после Института стали и сплавов («Нас машины интересуют!» — объяснили они мне), «прилипли» к «экзаменатору» — не оторвешь. На экране высвечивается вопрос, потом возникают варианты возможных ответов, потом машина, «выслушав» тебя, оценивает твой ответ.

В результате же, еще не оторвавшись от «экзаменатора», ребята почти наверняка решают: будем поступать в МАДИ...

Рядом со мной идет парень, возрастом чуть постарше остальных. Знакомимся. Видимо, он заметил, что и я постарше других абитуриентов.

— Тоже стажник? — интересуется он. — С производства?

— А ты? — отвечаю вопросом на вопрос.

— Я с ЗИЛа. Два года контролером ОТК работал после школы.

— Не добрал баллов?

— Нет, просто не торопился поступать. Искал, как говорится, себя и свое дело.

— И как?

— Наверняка нашел. Ведь два года уже среди автомашин. Хочу стать эксплуатационником на транспорте.

— На подготовительном отделении занимался?

— Нет. Для меня подготовительным ЗИЛ стал... Кстати, меня Володей зовут, фамилия — Истратов. А тебя?

— Михаилом...

— Что ж, встретимся на экзаменах?

— Постой, — говорю я. — А если ты сам в МАДИ решил, что же сейчас по институту бродишь? Проверить себя хочешь? Убедиться, что не ошибся?

— Да что ты! — смеется Володя. — Это ж вроде смотри — интересно, с кем соревноваться на вступительных придется, с кем и учиться потом, если поступлю...

«И в самом деле — смотрины, — думал я. — Смотрины института. А для самого института мы все на одно лицо. Кто станет студентом? Тот, кто хорошо сдаст экзамены, наберет проходной балл. А пока мы нечто единое, собирательное — одним словом, абитуриенты. И те, кто пришел сюда с конкретной тягой к профессии, и те, кто забрел случайно, из любопытства, в поисках конкурса пониже... Хорошо ли это? Наверное, не очень. Но ведь так во многих вузах. Впрочем, а вдруг я поторопился с выводом? Надо проверить, насколько конкретно подыскивают здесь будущих автодорожников».

— Пытаемся, — объяснили мне в ректорате. — Приглашаем школьных учителей, рассказываем им о специальностях, которые дает институт, просим заинтересовать автодорожным делом их учеников... Дает ли это практический результат? Трудно сказать. Не проследишь ведь, кто пришел сюда «сагитированный», кто — по инерции.

Ребята из научного студенческого общества, к которым я обратился, явно обрадовались, что я спрашиваю не о конкурсе. Сказали, что присматриваются к победителям традиционных весенних олимпиад по физике и математике.

Но тотчас развели руками: олимпиадные оценки в экзаменационный лист не поставишь. И где гарантия, что победители олимпиады будут поступать именно в Автодорожный?!

И все-таки поток абитуриентов, как я сам убедился, здесь основательный, хоть и нет конкретной индивидуальной работы с каждым.

Специалистов готовят добротных, знающих. Отсев с первого курса — один из самых небольших в Москве.

— Значит, все идеально? — допытывался я. — Достаточно одного желания — «пустить меня научат»?

В ответ слышал:

— Мы ориентируемся прежде всего на людей старательных, добросовестных, усидчивых. За «звездами» не гонимся. А если появятся «звезды»? Так кто же против них возражать будет?! Но старательных людей мы уж наверняка хорошо обучим. Кстати, мы почти не получаем «рекламаций» на своих выпускников. Наш главный фильтр — экзамены. И этот фильтр пока не подводит...

«Хорошо-то хорошо, — размышлял я, выходя из здания МАДИ. — И все-таки — или я уж слишком максималист? — стоило бы поосновательнее, наверное, поискать своих студентов. Ведь знаю, что в некоторых институтах это дело поставлено и попире и поемче. На моей памяти (я кончал МВТУ — Московское высшее техническое училище имени Баумана) делались попытки более дифференцированно искать своих будущих студентов. Конечно, у нас использовались и традиционные методы — дни открытых дверей, экскурсии по институту, выставки, олимпиады. Зато там была и своя физико-математическая школа...»

Восемь лет назад я тоже был среди ребят, которые пришли подавать документы в МВТУ. Что знали об институте? В основном то, что писалось в справочнике для поступающих в вузы, — перечень специальностей. Заинтересовали специальности — пришли на День открытых дверей, чтобы узнать побольше.

Мне же лично (и моим одноклассникам) повезло. Одно нечаянное обстоятельство помогло мне, например, «определившись», настроиться на МВТУ... Так случилось, что в десятом классе серьезно заболел наш

учитель физики. И тогда, по просьбе школы, к нам прислали преподавать Клима Зайцева — студента выпускного курса МФТИ (Московского физико-технического института). Преподавал он здорово (я не хочу обидеть нашего прежнего учителя физики, но Клима больше «прощупывал» наши склонности к точным наукам, к инженерии, а кроме учебного материала, охотно рассказывал и о своем вузе и о других, в том числе и об МВТУ). В Физтех поступал только один парень из нашего класса (поступил!). Я же направился в МВТУ. Кстати, в предэкзаменационной суматохе даже из очень коротких фраз, которыми перебрасываешься на ходу, можно узнать многое. Так, я узнал, что не только в нашей — 250-й, — но и других школах Москвы работали учителями или вели кружки, читали лекции по физике и математике студенты МВТУ. И еще узнал, что за два года до нашего прихода в этот старейший вуз страны здесь силами студентов и аспирантов создана своя собственная вечерняя физматшкола.

Тогдашний ее декан, Гриша Лакшня, много рассказывал мне об этой «научной кузнице» для абитуриентов, как и Леша Крутов (сейчас он аспирант), насколько лет бывший завучем школы.

— Понимаешь, — говорили они оба, — энтузиазм энтузиазмом, когда дело касается только нас, студентов, но без помощи школьных учителей (мы просили роно помочь нам в отборе ребят для школы) мы бы дела не решили. Учителя проводили и сейчас проводят по нашей просьбе серьезную предварительную работу с ребятами, рекомендуя нам лучших. Поэтому и отсева из нашей школы почти нет, хоть и заниматься у нас трудно...

Да, приезжать три раза в неделю по вечерам, после школьных занятий, в течение двух лет в физматшколу МВТУ — это не каждый выдержит. А ведь есть такие, что приезжают и из Подмоскovie... Народ упорный, волевой...

— И потом, после школы, поступают к нам?

— Как правило... И даже, смотри, такой факт говорит сам за себя: аспирантов из бывших учеников физматшколы мы получаем больше, чем из Научного студенческого общества...

Но сколько ребят таким вот индивидуальным путем приходит в наш институт? Набор на первом курсе — две с половиной тысячи человек, а выпускников физматшколы чуть больше сотни. Вот в прошлом году из ста трех выпускников в МВТУ поступило 85 (остальные ушли в другие институты, — правда, поступили все).

— Капля в море? — обращаюсь снова к Леше Крутову.

— Капля в море, — соглашается он. Но тут же уверенно добавляет: — Зато капля весомая... — И все-таки, — тут уж тон его становится менее оптимистичным, — наверное, чего-то мы все-таки не учитываем, упускаем нужных людей, а случайные к нам попадают... Сам знаешь, «стабильный» отсев с первого курса — около восьмисот человек!..

По себе помню: группа, в которой я учился, на треть изменилась по составу, прежде чем мы пришли к диплому. Почему такой отсев? Очень интенсивная нагрузка, обширен учебный план. Не все выдерживают. Уходят сами или, что, конечно, хуже, отчисляются ректоратом по неупеваемости... Правда, на пятом курсе все же две с половиной тысячи человек, как и на первом. Только люди на треть новые: пришли за счет дополнительного набора, или перевода со старших курсов других институтов, или перехода вечерников на дневное отделение. Тут уж, сама собой, приходит «верняк», люди, «тертые» в точных науках и уже определенно знающие, что профиль МВТУ — это их профиль...

Итак, нужные люди в конечном счете в МВТУ приходят. Но ведь они в значительно большем числе могли бы прийти и на первый курс. Физматшкола — дело верное, хорошее, но не менее важное и хорошее — просто средняя школа. Если б почаще приходили туда студенты-старшекурсники в поисках своей институтской смены — насколько глубже была бы прямая ориентация на вуз (не только МВТУ, но и любой, в том числе и гуманитарный)!

...Книжный киоск МВТУ был открыт, я спросил у знакомого киоскера, нет ли чего новенького, интересного. Он протянул мне книгу американского социолога, где были затронуты проблемы подготовки научных кадров. Тут же я перелистал несколько страниц и сразу наткнулся на подходящее к случаю высказывание: «Наилучший способ для студента изучить хорошо известную область науки — это преподавать ее другому. Готовясь к экзаменам, преподаватель изучает тему более глубоко, чем даже самый старательный из его слушателей...» Эффект, суммировал американский профессор, двойной. Я подумал: тем более значительный, если преподают в обычной школе студенты, отлично знающие свой институт и умеющие увлечь им ребят.

Я снова вспомнил Клима Зайцева — нашего физика из выпускного класса. И слова Леша Крутова о том, что, мол, если б разрешили нам устраивать приемные экзамены на месяц раньше, как Физтеху, может, и у нас приток абитуриентов можно было бы упорядочить. Не знаю, насколько изменил бы положение прием в МВТУ на месяц раньше. В Физтехе, как я позже убедился, вообще работа с абитуриентом поставлена иначе. Не случайно же опыт этого института целиком перенял Новосибирский университет, где, кстати, подавляющее большинство преподавателей — выпускники Московского физико-технического института...

В коридорах Физтеха было людно. Но я не заметил, чтобы ребята особенно много внимания обращали на выставку. Большинство оживленно беседовало со старшекурсниками, и, прислушавшись, я убедился, что разговор, как правило, идет не о количестве заявлений, поданных в прошлом году на место...

— Представляешь, — восторженно говорил один парнишка (потом я узнал, что он мой тезка и приехал из Гомеля), — в этом году здесь будет руководить секцией плавания сам Данилов... Какой Данилов? Да тот самый тренер, который с Васиним, олимпийским чемпионом по прыжкам в воду, занимался!..

Из другого разговора мне довелось узнать, кто в МФТИ первым сдал нормы ГТО. Оказалось, ректор института лауреат Ленинской премии, профессор Белоцерковский (кстати, он был одним из первых выпускников этого молодого вуза, созданного четверть века назад).

А не слишком ли много здесь говорят о спорте? Может, у будущих студентов есть какие-то спортивные привилегии при приеме в МФТИ? Ничего подобного. Условия приема те же, что и везде, только вот контингент абитуриентов иной. Подавляющее большинство приезжие, причем люди в основном известные институту — через собственные очную и заочную физматшколы (филиал этой заочной школы есть и в Ленинграде).

Тот парень из Гомеля, мой тезка, охотно рассказал, как он лично пришел в МФТИ.

— Только учти, моя история — типичная для Физтеха, — подчеркнул он. — Так вот... В зимние студенческие каникулы приехал к нам в город один первокурсник из Физтеха. Привез, как мы потом узнали, серию довольно сложных задач по физике и матема-

тике, а вместе с ними письмо в горono из ректората и комитета комсомола. Эти задачи дали во все школы города (значит, и в нашу) для проведения олимпиады. Потом наши ответы отправили в Москву, в институт. Там их проверили, посмотрели, у кого голова лучше варит по части точных наук, предложили кое-кому поступить в заочную физматшколу. Тех, кто тогда в восьмом классе учился, взяли в двухгодичную школу, кто в девятом — в одногодичную. Ну, и стали присылать нам задания, а мы задачки эти решать и прицеливаться к Физтеху... Оказалось, так во всех городах делают, откуда физтеховцы родом. Так и в Москве, но здесь вечерняя школа, для ребят из города и области... А потом, не забудь, мы ведь и слышаны о Физтехе порядочно — от своих же «связных» по физматшколе. А для многих это заочное знакомство началось с телепередач КВН. Помнишь команду МФТИ? Какие ребята! Остроумные! Яркие! Можно сказать, и наглядная агитация на высшем уровне!.. Так что многие из учеников заочных физматшкол пожаловали теперь сюда — и это каждый год...

Да, институт всерьез, заинтересованно ищет своего студента. Ректор Олег Михайлович Белоцерковский убежден, что подлинный успех в подготовке молодых специалистов начинается с кропотливой работы со старшеклассниками. И абитуриент, неся в приемную комиссию свой новехонький аттестат зрелости, знает уже о Физтехе немало. И о здешнем университетском охвате физики и математики, и о том, что в Физтехе изучают два иностранных языка, и о том, что первые три года все (и москвичи и иногородние) будут жить в общежитии (так лучше рождается чувство коллективизма)... А сам институт знает бо́льшинство абитуриентов «в лицо» — ведь они уже год или два под его внимательным оком. Потому и процент случайности при наборе практически сведен к нулю...

И еще. Своих будущих студентов институт подыскивает и через собственную Всеобщую городскую московскую физико-математическую олимпиаду (этот вуз, единственный в Москве, получил право на олимпиаду такого масштаба, проводимую одновременно, в один день, в доброй половине московских школ).

Таким образом решается проблема подготовки своего абитуриента. Но работа эта, надо заметить, не прекращается и после сдачи приемных экзаменов. Общественная приемная комиссия встречается с абитуриентами, чтобы побеседовать по душам: проверяют кругозор, интересы человека, умение самостоятельно мыслить, жизненные взгляды, уровень влечения к теоретической науке. Мне рассказали о случае, который произошел два года назад на таком собеседовании. Парнишка, набравший всего двенадцать баллов и предупрежденный, что его шансы на зачисление в институт равны нулю, неожиданно заявил: «Прошу минуту внимания — я доказал Великую Теорему Ферма!»

Уважаемые члены комиссии, отлично знающие, что теорему Ферма доказать невозможно, все-таки решили выслушать дерзкого абитуриента. «Минута внимания» затянулась на два часа — в конце концов парня рекомендовали зачислить. Хотя в решении была, конечно, обнаружена ошибка. Тому, что продемонстрировал этот юноша, никакой репетитор не научит...

...Каждое лето в Долгопрудной, где находится МФТИ, — громадный наплыв абитуриентов. Выбирать есть из кого. Конечно, везет не всем. Но наиболее упорные через год приезжают снова.

— Приняв очередное пополнение, всегда хочется найти в нем что-то особенное, новое, — говорит Олег Михайлович Белоцерковский. — О первокурсниках семидесят третьего года могу сказать, что это серьез-

ные, хорошо подготовленные люди, знающие, чего они хотят. Жаль только, что среди них снова мало девушек. Правда, — улыбаясь ректор, — некоторые утверждают, что это не недостаток, а достоинство, делающее физтеховцев «рыцарями». Может, они и правы!.. Еще мы заметили, что ребята, демобилизованные из армии, сдают экзамены ничуть не хуже тех, кто только что окончил школу. Армия готовит технически грамотных людей, и это превосходно. В общем, я рад...

Механизм высшего образования в нашей стране хорошо отлажен, продолжает совершенствоваться каждый день (об этом очень серьезно говорилось и на Шестой сессии Верховного Совета СССР в июле нынешнего года). Определенное высокое качество подготовки студентов всеми вузами страны гарантировано. Но брак все еще встречается. Вновь и вновь возникает вопрос: а может, мы не тех набирая на первый курс?.. Социологи занимаются опросами и подсчетами, называют самые разнообразные причины несовершенства системы образования. Они действительно есть. Сегодня мы затронули одну из них — прием в вуз. Работу института с абитуриентом. Эта работа ведется, но разными способами, с разной эффективностью. Высшей ступенью такой работы на сегодняшний день представляется опыт МФТИ.

Олимпиады и Дни открытых дверей, физико-математические школы при институтах, подготовительные отделения, общественные приемные комиссии... ЭВМ стали проводить предварительный контроль знаний (еще до вступительных экзаменов), отсеивая тех абитуриентов, которые не знают элементарных вещей (например, в Московском экономико-статистическом институте и еще ряде вузов страны). Но все-таки далеко не всегда нужные данному вузу люди в этот вуз попадают. А по сути дела, это потеря не только для абитуриента, но для института, промышленности или науки, короче, для государства. Приходят юноши и девушки, узнают о специальностях, даваемых вузом, сдают экзамены. Сдали — хорошо, не сдали — «до свидания». Принципы равенства приема в вуз соблюдены. Но равенство-то стихийное. Все абитуриенты (за редчайшими исключениями) пока на одно лицо. А заводу, на который придет через пять лет инженер, или школе, куда придет молодой учитель, — это лицо далеко не безразлично. Нужно внимательно вглядеться в лица абитуриентов, узнать их, не упустить... Но как? Практика (например, МФТИ) дает много полезного, что можно было бы использовать широко. Подумать о привлечении студентов-старшекурсников к работе со старшеклассниками обычных школ... Искать постоянно... А Министерство высшего и среднего специального образования внимательно и заинтересованно встречает дельные предложения.

Так давайте подумаем все вместе и поговорим, как лучше и четче поставить работу вуза с абитуриентом. Ведь эта проблема касается всех нас...

Виктор Шкловский: брайтонские впечатления

Старейший советский писатель и литературовед Виктор Борисович Шкловский известен во всем литературном мире. Его книги переведены в Венгрии, Польше, Чехословакии, Румынии, Югославии, США, Англии, Франции, Италии, ФРГ и других странах.

Недавно В. Шкловский был приглашен в Англию, где ему в честь заслуг перед литературой и в связи с недавно исполнившимся 80-летием был вручен диплом доктора литературы «гонорис кауза» Сассекского университета. Председательствовал на церемонии вручения канцлер университета лорд Шоукросс (истати, фигура историческая — он был главным военным обвинителем на Нюрнбергском процессе в 1945 году от Великобритании).

После церемонии В. Б. Шкловский посетил с лекциями о советской литературе Лондон, Оксфорд, колледж Брасс-ноуз и Куин-колледж.

Наш корреспондент попросил В. Шкловского поделиться воспоминаниями о своей поездке.

Море в Брайтоне старое, вечное. Скалы в Брайтоне описаны сотни раз. Дороги я увидел в первый раз ночью, лесов нет, а деревья огромные; городки старые.

В море выходит непрерывная цепь домов, похожая друг на друга. В море возвылись, как мосты, никуда не идущие дебаркадеры: они разрушены бурями, они проржавели. На них собирались пышные компании.

Дома на набережной тесно следуют друг за другом. Они похожи друг на друга; смотрят на тропу моря железные мосты, идущие в море. Сейчас уже не нужны.

Сейчас иначе купаются, иначе дышат воздухом. Но эти длинные полосы прочного металла, вошедшие

в море, похожи на джентльменов, которые купаются в серых сюртуках. Такие сюртуки уже никто не носит.

За линией высоких белых домов расположены дома — старые дома рыбацкого города, а за ним страанный дворец, в котором жил безумный король Георгий.

Около дворца огромная крыша старого театра: партер, похожий на круглое поле, усаженное черными кустами.

На углу сцены стоит орган, играет по строго написанному регламенту. Веселыми черными вереницами всходят на сцену высокие белокурые мужчины в черных мантиях, в черных шапочках и женщины в черных мантиях, из-под которых видны мини-юбки или брюки.

Представители колледжей представляют лорду-канцлеру людей, получивших степень бакалавра в алфавитном порядке. Играет орган.

В Англии ничего не проходит. Все остается под своими именами и все изменяется, кроме огромных деревьев, по сравнению с которыми Дарвин и Диккенс и даже Резерфорд — ребята.

Этот университет, расположенный в Сассекском графстве, хранящем название с тех пор, когда племена саксов завоевали зеленые холмы, выросшие на белых скалах. Зеленые леса.

В Англии ничто не изменяется. Остаются имена, остаются традиционные обряды, традиционное спокойствие.

В музее Лондона такое количество греческих статуй, что хочется поехать в Грецию и посмотреть, что там осталось в храмах.

Но надо помнить, что памятники Вавилона, Египта и Ниневии вырыты из холмов — традиция иногда воскрешает прошлое, включая исчезнувшее прошлое в традиционное настоящее.

В музеях Оксфорда — письма русских царей, написанные в первые годы династии Романовых, письма свежи, и позолота букв не потемнела.

Город Лондон похож на спутанные колеса, которые бегут в будущее и сохраняют будущее. Дома похожи на семьи, которые сменяли друг друга, а потом закрепились в своих воспоминаниях, а Темза так наполнена воспоминаниями, что лежит чуть ниже балюстрады.

Эти старые колледжи, в которых еще сохранились покрытые шифером древние пивоварни, где зелень газонов принадлежит к древнейшей династии трав мира, где полы не старые, но древни.

Все это — Англия, которая все знает, все помнит, все понимает по-своему, где таксомоторы так высоки, что в их кабинках можно сидеть в цилиндрах, а цилиндры не носят.

Но если бы Робинзон, или Пикквик, или герои Киплинга, или призраки Джойса пришли в Лондон или в Брайтон, они бы не потерялись, только их изумило бы многолюдство.

Англия все знает, все помнит, все понимает по-своему.

Я очень благодарен этой стране за дружелюбие ко мне, за то, что профессура и студенты хорошо знают нашу литературу и за то, что они так спокойно изменяются.

*Уволена
по собственному
желанию.*

Дорогая редакция!

Решилась побеспокоить вас по невеселому поводу. Не так давно я уволилась с завода. По собственному желанию. И мне все как-то не по себе, хотя теперь я получила «свою» работу (я токарь-универсал). И люди, которые окружают на новом месте, внимательно и с уважением ко мне относятся... Видно, все дело в том, что я не могу забыть того первого в моей жизни серьезного разочарования, которое случилось на старой работе...

Вышло все так. Я с отличием окончила ПТУ по специальности «токарь-универсал». Училась старательно. Все ждала встречи с заводом. Волновалась: справлюсь ли с работой... Наконец первый рабочий день. Напрасно я волновалась. Все было в тот день прозаическим. Для начала мне дали новенький фартук, метлу, лопату, ведро. Сказали: «Надо навести на участке порядок, накопилось мусору...». Что ж, убирать так убирать. Я черновой работы никогда не боялась. Вычистила участок... Проходит неделя, вторая, а я все в том же качестве: уборщица...

Намекую мастеру: не пора ли мне к станку? Там больше от меня будет отдачи. Да и государство на мою учебу деньги тратило неспроста... Мастер мне говорит: «Не торопись. Ты сейчас при деле? При деле... Успеешь за станком наработать. На твой век хватит...».

Словом, о том, что я токарь, все забыли. А вот приставка «универсал» врезалась в память. Год работала уборщицей, стружечницей, на подсобке. Еще ходила с кувшином за газированной водой для бригады, за папиросами, за билетами в кино. Не жаловалась, старалась быть во всем добросовестной. А однажды поняла, что моя добросовестность эксплуатируется, что не видеть мне в ближайшее время станка и настоящей работы. Что нечего и помышлять о росте... Пошла в отдел кадров. Там меня с сочувствием выслушали и тут же обо всем забыли. Мне стало ясно, что заводу я не нужна.

«Увольняйся, — посоветовала мама. — Работа найдется, а то ведь позабудешь, чему в училище учили». Я уволилась. Никто мне в этом не препятствовал... Горчинка от первого поражения до сих пор. Выходит, мои знания, старание все не так необходимы, как об этом говорили и в школе и в училище... Чем же еще объяснишь такое отношение на заводе и ко мне и ко многим другим ребятам, которые, как и я, уволились по собственному желанию?

С уважением Лида К.

г. Волгоград.

ПРАВИЛЬНО ЛИ ПОСТУПИЛА ЛИДА?

К сожалению, Лида не назвала ни своей фамилии, ни точного адреса, ни предприятия, на котором работала. Однако это не снимает остроты проблемы, поднятой девушкой. Мы познакомились с письмом Лиды начальника участка автозавода имени Лихачева В. А. Козырина. Владимир Александрович много лет проработал на производстве. Был бригадиром, мастером, заместителем начальника участка общезащиты ЗИЛ. Он заинтересовался Лидиным письмом и по нашей просьбе посетил одно из крупнейших предприятий страны — Волгоградский тракторный завод, где работает немало ровесников Лиды. Посмотрел, как там обстоят дела с рабочей сменой.

Сегодня мы публикуем ответ В. А. Козырина Лиде.

В тот день, когда я первый раз пришел на Волгоградский тракторный, с завода уволилось восемнадцать парней и девушек. «Многовато, — скажет иной читатель. — Неблагополучно, значит, обстоят дела на тракторном...»

Не будем торопиться с выводами. Замечу сразу, что увольнение по собственному желанию вовсе не всегда сопряжено с ситуацией, описанной Лидой. Человек может найти себе лучшую, более подходящую работу — работу по способностям, по душе. Он увольняется. И общество и личность в выгоде. Ибо, как известно, работу по душе люди делают гораздо лучше, чем по обязанности...

Или другой, весьма распространенный в наше время случай: родители молодого рабочего получили квартиру в новом районе. Теперь до завода парню ездить час, а то и полтора. Можно ли его осуждать, если он поищет для себя место «под боком»? Не тратить же ежедневно по три часа на дорогу...

Наконец, очень много молодежи увольняется по собственному желанию, поступая на учебу...

Нас сегодня занимает совсем иная категория. Были ли среди тех восемнадцати ребят, судьба которых сложилась подобно Лидиной? Были. Я познакомился с двумя из них — Володей Тереховым и Генной Москаленко.

— Жаль с завода уходить, — признался Володя. — А что делать? Мастер заел. Я два года тут отгорбатил. Пусть не смущает словечко. Именно «отгорбатил», потому что всегда меня посылали на самую черную работу, куда другие не шли. А в результате кадровым и премия и путевка в дом отдыха, а меня, как гадкого утенка, на задний план... Спросил как-то мастера, когда это кончится. Он отвечает: «Не все ли равно, где тебе отрабатывать два года. Не поставлю же я кадрового рабочего на твое место: у него семья, дети. А ты один». Тогда я и подал заявление на расчет...

— С мастером поругался крепко, — сказал мне Геннадий Москаленко. — Не хочет разряд повышать. Два года сижу со вторым. А я всегда старался. Какую ни дадут работу — делал... Пойду на другой завод. Может, там повезет...

Нетрудно заметить, что и письмо Лиды и обе недлинные исповеди моих волгоградских знакомых одинаковы не только исходом. И Лиды и оба парня добросовестно относились к делу. Но это не избавляло их от работ на «подхвате», от вторых ролей на участке. Туманной была перспектива, ребята жили в атмосфере недоверия, постоянно чувствуя, что их возможности не используются.

Над всем этим — фигура мастера. И кажется, что все беды ребят именно оттого, что не повезло им с мастером.

Что ж, всяко бывает. Однако дурной характер, невоспитанность, грубость мастера — это дополнительное, отягчающее, так сказать, обстоятельство. Суть конфликта и не в настороженном отношении к молодежи: «Надо бы сначала присмотреться к парню. Молодо-зелено...»

Существуют некоторые объективные обстоятельства, и они порождают диктуют мастеру ту, а не иную линию поведения.

Мастеру на производстве выгоден не просто квалифицированный работник. Таких сегодня немало среди выпускников ПТУ. Ценится специалист со стажем, привычный к заводским условиям, не нуждающийся в дополнительной опеке, натаскивании. Такой, как правило, уже отслужил в армии, обзавелся семьей, не мечется в поисках себя. Успокоился, выбрал место в жизни. Если собирается учиться, то на вечернем отделении. На него вполне можно положиться (разные ситуации бывают на заводе). Можно надеяться, что он составит костяк коллектива, а не даст «деру», случись какая недолга. Что не будет опаздывать, лениться — человек семейный, заинтересован в заработке. И мастер ориентируется прежде всего на него. Он «коренник». Он выполняет, вытягивает, а то и перевыполняет план, влияя на размеры материального поощрения цеха, участка, бригады, да и того же мастера. А «зеленый» — одна обуза.

«Не поставлю же я кадрового рабочего на твое место», — говорил Володе Терехову его мастер. То есть «кадровый» давно доказал свою полезность для производства. Его по пустякам расхोждать нельзя. А ты молод. Никак себя еще не выказал. Или, помните, как в письме у Лиды: успеешь еще за станком настояться... На твой век хватит... И Лиды, молодой специалист, с отличием окончивший ПТУ, целый год проходила в уборщицах...

Я давно заметил, что нежелание некоторых мастеров возиться с молодежью напрямую связано еще и с состоянием дел на участке, с тем, насколько здесь разны содержание и условия труда.

Если коллектив спянит, техническая оснащенность на уровне, мало «подсобки» — молодые потихоньку

в дело вписываются. А когда участок постоянно лихорадит, и не сложился коллектив, и в основной работе много неквалифицированного труда, мастер ко-со поглядывает на «молодняк». (И о нем плюс ко всему надо заботиться! Отпуск у ребят месячный, да и притом обязательно летом. Еще и учебный полагается. Рабочий день сокращен. Оставлять сверхурочно работать запрещено. Норму в первые четыре месяца нужно снижать до 40 процентов, а платить как взрослому.) Потихоньку зреет в голове идея вытеснить с участка молодежь и решить все проблемы подбором взрослых, умудренных опытом кадров...

На Волгоградском тракторном я наблюдал в отделе кадров такую картину. Пришел наниматься парень лет восемнадцати. Просил взять электромонтером в цех гальванопокрытий. Инспектор ответила, что электромонтеры не нужны. Требуются слесари-сборщики в сварочно-сборочном цехе. Парень подумал, подумал и согласился пойти слесарем. А полчаса спустя инспектор приняла в цех гальванопокрытий рабочего со стажем.

— Тут у нас своя дипломатия, — сказала мне она. — Электромонтера в тот цех я всегда найду. Работать там — одно удовольствие. А вот в сварочно-сборочном условия, знаете ли, не лучшие. Попробуй туда найти опытного рабочего... Обходимся молодежью...

— Но ведь они тоже оттуда уходят! — сказал я, вспомнив Геннадия Москаленко. Он был как раз из сварочно-сборочного цеха.

— Ну, это когда еще уйдут, — беззаботно улыбнулась инспектор. — К тому времени найдутся другие подростки...

Вот ведь каким нелепым образом оборачивается отсутствие заинтересованности мастера в воспитании рабочей смены. Немалый, очевидно, от всего этого получается материальный ущерб. А моральный кто измерит?.. Молодой рабочий увольняется по собственному желанию. Иди потом ищи его...

Еще в тридцатые годы Надежда Константиновна Крупская писала, что «при правильном подходе к вопросу выбора профессии интересы и производства и рабочего совпадают, но именно для того, чтобы найти такой подход, надо постоянно иметь в виду интересы работника».

До сих пор шла речь о том, что каждый мастер охотно учитывает интересы опытных рабочих, стараясь, чтобы эти интересы совпали с производственными. **Мастер сам материально заинтересован в этом.** Молодым же рабочим, даже квалифицированным, часто достаются вторые роли, работа на «подхвате». То есть иным мастерам, живущим сегодняшним днем, возня с молодыми кажется хлопотной: мол, когда-то еще скажутся плоды, а производство не ждет...

На Волгоградском тракторном я познакомился с другим типом мастера. Василий Михалик — молодой парень. Отлично знает работу, свой участок. (Здесь — 140 человек. Половина — молодежь.) Заядлый книголюб, эрудит. Ребята так его и зовут: «Наша энциклопедия». (Я, кстати, заметил давно, что с подростками, как правило, умело срабатываются только вот такие широкообразованные, преданные своему делу мастера.) Любит ребят, с каждым старается найти общий язык. Педагогический его метод довольно прост. Он «разведывает» способности паренька, затем дает ему интересное дело — одно, другое, — и, ступенька за ступенькой, человек поднимается по профессиональной лесенке. Не случаются

обыкновенные, ничем себя не проявившие у других мастеров ребята становятся у Василия хорошими рабочими, талантливыми рационализаторами и, главное, истинными патриотами своего завода. Не сразу, но вдруг это случается, но непременно.

Кстати, правило Михалика — работать не в одиночку, а всегда привлекать к общему делу актив кадровых рабочих и комсомольский комитет.

Прежде чем прикрепить того или иного подростка к какому-либо кадровому рабочему, Василий тщательно изучает характер юноши. И старается, чтобы ученик и наставник дополняли один другого, имели общие и не только производственные интересы. Такая работа требует от мастера немало дополнительной энергии, времени. Однако результат искупает все. «Дело это рентабельное, — говорил мне Михалик. — Что получаем в итоге? Нет прогулов, опозданий, многие ребята увлеклись рационализацией. Пристальное внимание к молодому человеку, так сказать, дает прибыль. Моральную и материальную. Заводу и людям. И ребята без изломов растут — нормальными рабочими людьми».

Я заметил, Михалик не сюсюкает со своей молодежью, не фамильярничают. Обычно он строг, требователен. Однако после работы ребята роются вокруг своего мастера. Все поголовно в него влюблены, многие ему подражают. Михалик полностью соответствует представлению молодых людей о современном человеке завода, о мастере...

На участке у Михалика я не встречал ребят разочаровавшихся, озлобленных.

Таких энтузиастов, как Василий Михалик, среди мастеров покуда мало. Да и можно ли требовать от каждого сверх меры и той неустанности, и того внимания к молодым ребятам, и той полноты отдачи сил?

Нужно поискать какой-то иной инструмент, с помощью которого можно было бы заинтересовать всех без исключения мастеров и опытных производственников в работе с молодежью. Этим инструментом может стать устойчивый материальный стимул.

На Минском заводе автоматических линий было утверждено положение о специальных премиях — за высокое качество подготовки молодых рабочих, за сокращение сроков их обучения, за оказание молодым практической помощи в освоении профессии. Парни и девушки, принятые на завод учениками, закрепляются за мастерами и квалифицированными рабочими. Наставники обучают молодых профессии в твердо установленные сроки. За успешное обучение и учителю и ученику — специальное вознаграждение.

Но это еще не все. Новичок, выполнивший нормы выработки два месяца подряд (перед окончанием обучения и после присвоения разряда), так же как и его наставник, получает премию. Вот в каком порядке. Если норма выполнена от 100 до 120 процентов, учителю начисляется пятнадцать рублей, ученику — десять. Выполнил молодой рабочий норму до 140 процентов, учителю — двадцать, ученику пятнадцать рублей. «Выдано» 160 процентов — сумма премии увеличивается соответственно до тридцати и двадцати пяти рублей. Существует еще и двадцатипроцентная надбавка — за досрочную подготовку ученика.

Неразрывность связи между учеником и учителем обеспечена на долгий срок. Если молодой рабочий выполнил за год план не менее чем на 130 процен-

тов, его наставнику выдается премия пятьдесят рублей, молодому передовику — сорок, мастеру участка — тридцать рублей.

Думаю, что в такой ситуации ни один мастер не устоит против соблазна закрепить на своем участке как можно больше молодых рабочих. Это прямо в его интересах. Вместе с тем это и в интересах молодого рабочего. Ибо мастер может получить премию лишь в том случае, если неустанно принимает участие в воспитании молодого рабочего, в профессиональном его становлении, приобщении к делу. Если следит за тем, чтобы молодого не затеряли, не подсовывали ему низкооплачиваемой работы, не настраивали с места в карьер на «подхват»...

Будет ли поддержан опыт минчан, распространится ли он широко, покажет время. Что же делать молодым людям, попавшим в ситуацию Лиды, — увольняться, как и прежде, по собственному желанию?

Думаю, что поступать так — значит идти по линии наименьшего сопротивления. Молодой человек, пришедший на предприятие, владеет не меньшими, а большими правами, нежели кадровый рабочий. Вот об этом молодые люди часто забывают, проявляя робость там, где надобна огласка, совет старших.

Какими бы высокими соображениями ни руководствовался мастер, посылая Лиду на подсобку, он прежде всего нарушал закон, попирая право девушки работать по той специальности, по которой она была принята на завод.

Что же Лиды? Ее хватило на робкий полунамеке мастеру да на визит — под занавес — в отдел кадров. Тогда как есть комсомольская и профсоюзная организации, которые в таком конфликте, как Лиды, несомненно, приняли бы сторону девушки.

Словом, молодой рабочий, кроме высоких профессиональных навыков, должен обладать развитыми гражданскими качествами, должен уметь отстаивать свои права перед лицом злоупотреблений и нарушения закона.

Но это еще не все.

От молодого человека требуется высокая сознательность, дисциплина, умение считаться со сложностями сегодняшнего производства. Иными словами, требуется не только знание своих прав, но и четкое выполнение обязанностей рабочего человека.

Владимир КОЗЫРИН

**ВЛАДИМИР
АННЕНКОВ**

ОТВЕТСТВЕННЫЙ ПЕРЕД ИСТОРИЕЙ

*К столетию
со дня рождения
скульптора
Н. А. АНДРЕЕВА*

Скульптором Николай Андреев стал вроде бы «случайно». После окончания Строгановского училища, которое в конце прошлого века готовило всего-навсего технических рисовальщиков, семнадцатилетний Андреев уехал работать в Серпухов на ситценабивную фабрику Цинделя. Однако через год его пригласили опять в то же училище, но уже преподавателем рисунка. Очевидно, молодой выпускник Строгановки запомнился руководителям училища своей серьезностью, склонностью к сосредоточенной педагогической работе. А приехав в Москву, Андреев решил прежде всего продолжить свое художественное образование, на этот раз — в знаменитом Московском училище живописи, ваяния и зодчества. Но утренние часы — лучшее время для живописных студий — были заняты у Андреева преподаванием в Строгановке. Тогда-то он и записался в скульптурные классы, где можно было заниматься вечерами. Так чистая, казалось бы, случайность определила творческую судьбу одного из крупнейших русских скульпторов двадцатого века.

Он учился в Москве и много сделал для Москвы. Старые москвичи помнят андреевскую статую Свободы на Советской площади; взметнувшаяся рука прекрасной женщины — Свободы возвещала народам о рождении нового мира. К сожалению, непрочные материалы, в которых были выполнены первые революционные монументы, оказались недолговечны, и все же... Дыхание первых месяцев советской жизни можно почувствовать и сегодня, взглядываясь в барельефы Герцена на решетке Литературного института на Тверском бульваре, в памятники Герцену и Огареву у здания Московского университета на бывшей Моховой...

Есть много примечательного в том революционном энтузиазме, с которым воздвигали новые монументы в первые советские годы... Было в этом лихорадочном увлеченном творчестве много желания восторженно, материально утвердить появление молодой республики, выразить чувство благодарности к великим деятелям революционной мысли и действия, к мастерам культуры, которые предчувствовали грядущее освобождение России и сами много для него сделали. Читая сегодня декреты и постановления первых советских месяцев, проникаешься грозовой атмосферой великого времени, когда на улицах городов люди читали слова «о снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг», о том, чтобы уже к 1 мая 1918 года были «сняты некоторые наиболее уродливые истуканы и постановлены первые модели новых памятников на суд масс...»

Это были поистине дни творения — социального, политического, культурного творения. Художников обуревали грандиозные замыслы. Лучшие ваятели тех лет — Коненков, Голубкина, Шадр, Мухина, Матвеев сразу же включились в работу по выполнению знаменитого плана монументальной пропаганды. «С большевиками работать можно», — заявил Степан Эрзя и поехал на Урал отыскивать подходящую гору, которую он с помощью взрывов хотел превратить в памятник революции.

Николай Андреев увидел в начинаниях Советской власти небывалые возможности для творчества. Он был уже известен как выдающийся скульптор: в М. Казенном переулке (ныне пер. Мечникова) стоял его памятник доктору Гаазу, на Арбатской площади — отличный памятник Гоголю, поставленный в 1909 году...

Каждый раз, проходя по Суворовскому бульвару, мимо дома, в котором жил великий писатель, невольно замедляешь шаг, чтобы еще раз окинуть взглядом эту склонившуюся в задумчивости фигуру художни-

ка. Девятисотые годы, потопленная в крови первая русская революция, совсем недавно широко опубликовано гневное письмо Белинского Гоголю... Молодая Россия ушла в подполье, готова силы для нового революционного подъема. И вот появляется монумент писателя с зорким, пронзительным взглядом, словно разрывающим завесу времени, писателя, «получившего удар железной палицей самодержавия, переломившей его пополам» (А. Луначарский).

Сегодня, с дистанции времени, мы чувствуем в андреевском Гоголе социальную зоркость художника, его глубокие раздумья о судьбах России, его человечность и пророческий дар, помогавший ему видеть фантасмагорию обывденной жизни. Нынешнее, более сложное понимание гоголевского творчества находит в памятнике изумительное пластическое выражение. Оно пришло к Андрееву не по наитию, а после многодневных творческих поисков. Конечно, был тот счастливый день, счастливый миг, когда в воображении скульптора появился такой Гоголь, но этот миг стал возможен после ряда долгих лет интенсивной работы. Еще в 1904 году Андреев начал искать пути к решению столь трудной задачи. А летом 1906 года он едет на Украину, в Миргород, посещает Яновщину, встречается с сестрой Гоголя, делает сотни набросков, вчитывается в чеканную гоголевскую прозу... Николай Андреев вообще мало доверял наитию, он больше верил в сто первый, единственный вариант, который наиболее полно сможет выразить его представление, его понимание творческой задачи.

И даже в первые советские годы, когда требовалось поставить десятки новых монументов, когда иные скульпторы торопились, представляя порой незрелые решения, Николай Андреев не спешил. Он понимал, что памятник будет стоять не одно десятилетие и должен всегда соответствовать новым эстетическим запросам современников и потомков. Так прочно и бесспорно вписалась в пространство перед фасадом Малого театра фигура сидящего Александра Островского.

Николай Андреев смотрел на работу художника как на ответственную миссию, выражающую важную потребность народного самосознания. Он часто вспоминал, что его отец был крепостным крестьянином и вместе с миллионами своих соотечественников мечтал о свободной России. И когда революция совершилась, Андреев увидел в ней воплощение надежд и чаяний народных. Потому, наверно, с таким душевным трепетом художник приступал к работе над ленинским образом.

В первые месяцы революции скульптор с блоком и карандашом в руках приходил на митинги и собрания, на которых выступал В. И. Ленин; протискиваясь поближе к трибуне, старался в летучих набросках запечатлеть удивительный облик вождя революции. И можно только представить радость художника, когда весной 1920 года А. В. Луначарский выписал ему пропуск в кремлевский рабочий кабинет В. И. Ленина, сказав, что Ильич не возражает против присутствия художника в его кабинете, хотя и на очень жестких условиях.

Условия были, конечно, нелегкие. В. И. Ленин не любил, да и не имел времени позировать. Разве что изредка сядет на полчаса, давая художнику возможность поработать как в студии, а потом опять телефонные звонки, прием товарищей и посетителей. Но и в эти короткие периоды Андреев успевал сделать много. Чаще он сидел где-нибудь в стороне от рабочего стола Ильича и наблюдал поворот головы, линию профиля, движение рук; иногда переходил в другой угол кабинета и рисовал, рисовал... Или, держа в руке кусок мягкой мастики, лепил голову вождя. Работа: скульптор без станка, прямо так, «с руки».

В один из первых дней Андреев вылепил с натуры голову В. И. Ленина; этот первый скульптурный портрет стал основой для дальнейшей работы...

Николай Андреев не вел дневника своих встреч в Кремле, он не оставил никаких воспоминаний о своей жизни; в этом сказались аскетичность, свойственная русским художникам, понимание ими бремени ответственности своего труда. Лишь в рукописном отделе Третьяковской галереи хранится небольшая докладная записка скульптора, направленная комиссии по увековечению памяти В. И. Ленина. С полным правом Андреев пишет там:

«Никакому другому художнику не было дано столь близко и долго изучать Владимира Ильича. Это не только давало право, но и налагало обязанность и долг принять заказ и отнестись к нему со всею самою суровой серьезностью, как к подвигу. Памятник величайшему гению на месте его творческой работы — труд, ответственный перед историей. Ни тени спешки, небрежности...»

Сейчас нелегко представить, с каким неистовым напряжением работал над ленинским образом Николай Андреев. Он делал скульптурный портрет в глине и, если находил в нем что-то удовлетворительное, отливал его в гипсе, затем продолжал работу над оригиналом, что-то менял, уточнял, опять переводил в гипс, и так десятки раз...

Одновременно с пластическими поисками Андреев создает серию графических портретов В. И. Ленина, Ф. Э. Дзержинского, А. В. Луначарского, А. М. Горького и еще многих. В них графическая точность сочетается с изысканными живописными достоинствами. Выполненные сангиной, пастелью и углем, портреты доносят через десятилетия обаяние рыцарей революции, глубину и многогранность их человеческого облика. Среди них незабываем Дзержинский, его утонченный профиль, утомленные от бессонницы глаза; образ почувствован многомерно, сложно; Андреев знал, что перед ним и «железный Феликс» и Феликс Эдмундович, председатель Комиссии по борьбе с беспорядочностью, нежнейший с детьми и друзьями человек...

Требовательность Андреева к своей работе была поразительной. Несколько раз в течение своей жизни он проводил «разборку» своей мастерской и по его указанию рабочие разбивали и выносили в подвалы скульптуры, которые казались мастеру незначительными или «пройденным этапом». Такие «чистки» Андреев практиковал и в дореволюционные и в советские годы, и друзья скульптора часто ужасались тому, с какой решительностью он уничтожал свои прежние работы или варианты известных произведений. Николай Андреев не распаивал свою творческую лабораторию, был скрытен, застенчив, очень неуверен в мучительных своих поисках и безжалостен в самооценках. Уже после смерти художника в его мастерской, в особом помещении была найдена серия из тридцати семи вариантов портретов Ленина, которые он никому не показывал. Эта подвижническая работа давалась нелегко; Николай Андреев не обладал крепким здоровьем и в последние пятнадцать лет своей жизни (он умер в 1932 году) часто прибегал к помощи младшего брата своего, Вячеслава Андреева, тоже известного скульптора.

Советские художники сегодня продолжают славную Лениниану, начатую Николаем Андреевым. Создаются и еще будут созданы прекрасные портреты вождей революции. Но всегда художники и зрители с жадным интересом будут вглядываться в андреевские скульптуры и портреты, находя в них живое дыхание Октябрьской революции.

**МАКСИМ
ШТРАУХ,**

народный артист СССР,
лауреат Ленинской
и Государственных премий

ГЛАВНАЯ РОЛЬ

*Миллионы зрителей
видели М. Штрауха
в роли В. И. Ленина
в театре и в кино.
Сегодня, в дни празднования
56-й годовщины
Великой Октябрьской революции,
«Юность» предлагает читателям
мемуары известного
советского актера.
В издательстве ВТО
готовится к выпуску
книга М. М. Штрауха.*

Меня часто просят рассказать: как я работал над образом Ленина? Интерес к этой теме не убывает. Раз так, надо попытаться ответить.

Началось это все для меня неожиданно. Даже странно.

Главный режиссер театра Революции, где я работал, Николай Васильевич Петров остановил меня за кулисами и повелительно сказал:

— А ну-ка, снимите очки.

— Зачем?

— Снимите, снимите, не бойтесь.

Я послушно выполнил просьбу и близорукими глазами уставился на него.

Петров пристально глядел на меня. Словно видел впервые. Обошел справа, слева, и вдруг, как бы отвечая на собственные мысли:

— А пожалуй, можно...

— Что можно?

— Нет, ничего, ничего.

И ушел. Все...

Не правда ли, разговор несколько странный? Но я не очень-то удивился — мало ли чего не слышишь иной раз в театре? И особого значения этой мимолетной встрече не придал.

На самом же деле, этот «странный разговор» с Петровым оказался для меня началом едва ли не самого значительного периода всей моей творческой жизни. Ведь вот как бывает!

Однажды, задолго до этого разговора, по театру разнеслась интересная весть: председатель Комитета по делам искусств П. Керженцев пригласил к себе наших лучших драматургов — А. Толстого, К. Тренева, А. Афиногенова, В. Вишневского, Н. Погодина, А. Корнейчука и предложил им принять участие в закрытом конкурсе на написание пьесы, посвященной торжественной дате XX годовщины Октября. Было высказано пожелание попытаться создать даже образ самого Ленина! В самом деле, коль скоро отображать такие события, то как же без Ленина?! Вывод логичный, но он показался всем тогда невероятно смелым. Смелым до дерзости!

Драматургов такое ответственное предложение поначалу очень смутило, даже напугало. Вот их признания.

А. Корнейчук: «В первую минуту это показалось настолько трудным, что мы не решились взять на себя какие-либо обязательства».

Н. Погодин: «Поставленная перед нами задача казалась неосуществимой... Нас, литераторов, все это пугало, казалось чуть ли не святотатством взяться за изображение Ленина».

Страх, неуверенность, робость... Пусть не пугают вас эти слова. Робость может иметь свой синоним — благоговение. Всякое прикосновение к теме Ленина вызывало у художников великий творческий трепет.

Интересен случай, описанный А. Корнейчуком:

«...Меня взволновало, что в пьесе должен быть выведен образ гения революции — Владимира Ильича Ленина. Первые два месяца во мне шла борьба. Казалось, что это невозможно. Когда я делился своими сомнениями с друзьями-актерами, они просили меня: «Если уж напишете пьесу, то в конце выведите образ Владимира Ильича, только без слов, так как это не под силу».

С таким настроением я поехал в Ленинград, чтобы встретиться с рабочими-красногвардейцами, которые в дни Октября видели Ленина.

На встрече я изложил им свой план будущей пьесы и рассказал условия конкурса.

Почти всю ночь мы беседовали. Рабочие взволнованно рассказывали яркие эпизоды, и когда прощались, один старик слесарь спросил меня: «А в пьесе Владимир Ильич будет говорить?» Я ответил, что образ Ленина будет показан в конце, без слов.

— Нет, вы уж, товарищ писатель, сделайте так, чтобы мы услышали слова Владимира Ильича.

— Боюсь, что не выйдет...

— Знаем, что трудно, но раз вам правительство поручило, значит, оно верит в силы писателей наших. Вам и оправдать надо такое доверие. Так что, пожалуйста, чтобы со словами.

Итак, друзья советуют: «...Выведите образ Ленина только без слов, так как это не под силу».

А рабочий дает другой наказ: «...Раз вам правительство поручило, значит, оно верит в силы писателей наших... Так что, пожалуйста, чтобы со словами».

Как и следовало ожидать, пьесы получились разные. Интересно даже было проследить по ним, если можно так выразиться, эволюцию творческой храбрости драматургов. Хотя дело было, конечно, не только в ней, но в таланте и творческой удаче.

А. Афиногенову и В. Вишневскому, к сожалению, пьесы просто не задались. У А. Толстого дело тоже не ладилось. Приходится поэтом начинать обзор с Н. Вирты. Его «Земля» была показана на сцене МХАТ, но где же там Ленин? Его нет. Использован «прием отражения». О Ленине рассказывает крестьянин-ходок, побывавший в Кремле. Такой прием, конечно, имеет право на жизнь. Но для прямого решения ленинской темы этого недостаточно. К. Тренев в пьесе «На берегу Невы» хотя и вывел на сцену самого Ленина, но... не дал ему заговорить. Бессловесный проход из кулисы в кулису. Это тоже не в полной мере решало задачу. А вот в «Правде» А. Корнейчук отважился показать Ленина в двух сценах и наделил его текстом. Наконец, у Н. Погодина в «Человеке с ружьем» Ленин действует уже в трех отлично написанных сценах. Автор долгое время работал разъездным корреспондентом газеты «Правда», это дало ему боевую закуску, наделило оперативностью, знанием жизни, сноровкой, хорошо подготовило к профессии драматурга. Думаю, такой опыт ему пригодился.

Видите, как интересно и по-разному проявлялась творческая смелость у наших писателей.

И хотя «урожай» конкурса количественно был невелик — значение его огромно, он положил начало Лениниане в театре.

Забегая вперед, хочется сказать: проходят годы, а эти первые подступы к ленинской теме не меркнут и кажутся до сих пор значительными, может быть, в чем-то даже не превзойденными.

Н. Погодин был с нашим театром тогда не в ладах. Поэтому на его пьесу мы рассчитывать не могли. Так и вышло: она «уплыла» от нас в Театр имени Вахтангова.

Николай Васильевич Петров, уже раньше ставивший пьесы А. Корнейчука, был творчески близок с драматургом. Надо также полагать, что для получения его пьесы «Правда» Н. Петров проявил инициативу, потому что создать юбилейный спектакль к XX-летию Октября каждый режиссер считал для себя большой честью. Таким образом, в этом «пасьянсе» пьеса А. Корнейчука досталась нам — театру Революции.

Ее прочитали на труппе. Сразу возник кардинальный вопрос: кому же играть Ленина?

Тут-то Николай Васильевич мне и признался:

— Помните, я вас просил снять очки? Я разглядывал ваши глаза. Проверял для себя вашу кандидатуру на роль Ленина. В тот момент принял окончательное решение. Я и раньше думал о вас. Подглядывал, когда вы режиссировали пьесу «Последние»: как увлеченно говорили с актерами, как вбегали на сцену, как серьез у вас неизменно переплетался с юмором... Я как сыщик следил за вами. Так что готовьтесь: вам играть Ленина!

Я так и опешил. Кажется, даже рассмеялся — настолько это предложение казалось фантастичным, невероятным. Даже несерьезным. Что это — шутка, розыгрыш?

— Да кому же могло взбрести такое в голову?!

— Мне! — отпарировал Петров.

Я даже посмотрел на себя в зеркало. Совсем, насколько не похож! Нет, невозможно! Это легкомыслие режиссера!

Иной раз читаешь, как актеры сами мечтают о роли Ленина, как исподволь готовятся к ней. Признаться, у меня таких моментов не было. Я никогда об этом не помышлял. Даже когда в 1927 году работал у Эйзенштейна в режиссерской группе по фильму «Октябрь» и на мне лежала обязанность разыскать человека, похожего на Ленина, и готовить его к этой роли. Короче говоря, никаких оснований для такой мечты у меня не было.

Инициатива принадлежала всецело Н. Петрову. До сих пор считаю, что с его стороны была проявлена смелость безудержная.

Да, бесконечно обязан я Николаю Васильевичу за ту веру в меня, которую он тогда проявил.

Надо сказать, что театральное и киноискусство — дело артельное, по природе свой коллективное. Мы часто забываем об этом. И склонны порой приписывать себе то, что достигнуто общими усилиями.

Вот почему ни на минуту не хочется преувеличивать, что мне удалось сделать, и предавать забвению своих товарищей, коим многим обязан. Буду возвращаться к этой теме не раз...

Итак, Н. Петров остановил свой выбор на мне и объявил об этом во всеулышание довольно решительно. Можете себе представить, каково было мне, актеру, это услышать!

Скульптор лепит фигуру Ленина — она вне его. Художник рисует портрет — он вне его. Поэт или драматург пишут о Ленине — образ живет в авторских строках.

А как у актера?

Он должен уметь слиться с образом до той степени, когда будет иметь право торжественно провозгласить: я — е с м ь! Сказать: я — Ленин!

Ну-ка, попробуйте, наберитесь храбрости, чтобы иметь право — гражданское, профессиональное, этическое, нравственное, какое хотите, — такое изречь!

И потому не случайно образ Ленина возник в театре и кино позже, чем в других видах искусств.

Если в области скульптуры, живописи, поэзии, прозы мы уже могли гордиться достижениями, то в театре стали делать лишь первые шаги!

В 17-м году зашумела, забурлила, всколыхнулась вся Москва. Жизнь выплеснулась на улицы, на площади. На бесконечных митингах выступали и спорили до хрипоты. О Ленине говорили всюду и везде. Кто с надеждой, кто с ненавистью, кто с усмешкой, кто с великим уважением. Имя Ленина ворвалось в нашу жизнь бурно.

А увидел я впервые, как выглядит Ленин, когда появилась знаменитая фотография Наппельбаума,

где Ильич заснят с не отросшей после подполья бородкой.

Еще удалось мне почувствовать магическую силу имени Ленина, когда вез во времена гражданской войны личный пакет от него в Туркестан.

И очень, очень много, конечно, дала работа над фильмом «Октябрь»...

Но все эти знания и эмоциональные восприятия показались мне теперь недостаточными. Возникла настоятельная потребность в новом, более подробном и глубоком постижении образа. Мне захотелось узнать о Ленине по возможности все!

Но приступить к работе сразу не смог... Духу не хватало. Мысленно себя подбадривал: ведь бывали же случаи, когда на сцене показывались крупные государственные деятели. Даже вспомнил, с каким интересом в детстве сам взирал в Малом театре на фигуру Кутузова, его в пьесе «1812 год» играл А. Южин. Но от таких воспоминаний мне легче не становилось...

Ведь речь шла о Ленине!!!

Было отчаянно трудно. Казалось, все против меня!

И мои внешние данные: ведь я на Ленина совсем не похож!..

И жесткие сроки... В театрах они редко когда соблюдаются — одного дня всегда не хватает. А тут: премьера — 7 ноября, и ни днем позже. Н. Петров подсчитал: на всю постановку 29 репетиций!

И внезапность работы. Я был застигнут врасплох. Психологически не подготовлен. Оставалось только завидовать Б. Щукину: ведь он пять лет привыкал к этой мысли.

И «эскизность» текста роли. Четыре листика тонкой бумаги тетрадного формата, сколотые простой булавкой, — там и сшивать-то было нечего!.. Трудно было поверить, какое значительное содержание уместилось в них!

И выжидательное молчание окружающих.

И, наконец, может быть, самая главная трудность: к моему великому сожалению, я Ильича никогда не видел и не слышал...

Так чем же восполнить отсутствие непосредственных живых впечатлений?

Время шло. Стало ясно, что бесконечно сомневаться нельзя. Надо было заставить себя начать работать.

С чего же начать?

Я стал лихорадочно набрасывать план.

Надо внимательно читать книги о Ленине и самого Ленина... Уже сразу начинать учить текст роли...

А как быть с гримом? Надо срочно собрать по возможности все фотографии. Основательно их изучить... Начинать делать первые «наброски» грима!

А костюм? А ботинки? И об этом надо уже думать!..

Надо непременно пойти в Музей Ленина. Побродить там, все разглядеть...

Не теряя времени, приступить к опросу людей, знавших Ленина лично. Составить их список, найти телефоны, адреса...

Надо обязательно прослушать и основательно изучить пластинки с ленинским голосом...

Просмотреть ленинскую кинохронику. Это очень важно, вероятно, с этого надо начать!..

Надо заглянуть и в «смежные искусства» — скульптуру, живопись, графику... Что же там достигнуто ценного в области Ленинианы?..

М. Штраух и режиссер Н. Петров (с права).
1937 год.

Надо, надо, надо... Сколько таких «на до» сразу обрушилось на меня!

Обычно в работе над ролью существует некая последовательность. Один этап сменяет другой. Овладение образом должно происходить постепенно и органично.

А тут все плотно спрессовалось в один жесткий период, необычайный по своей насыщенности и напряженности.

И приступать ко всему надо сразу.

Одновременный «штурм» образа со всех сторон!..

На помощь мне пришла и не дала окончательно растеряться моя кинопрактика: участие в таких машинах С. Эйзенштейна, как «Стачка» (история рабочего движения в России), «Броненосец «Потемкин» (революция 1905 года), «Старое и новое» (перестройка деревни) и, конечно, «Октябрь» (революционные события 1917 года). Мы перерыли тогда, перечитали горы материалов, опросили сотни участников, исходили, исследовали все места событий в Петрограде (Смольный, Зимний и др.). Подготовка названных фильмов стала для нас великолепной общественно-политической школой, познакомила с революционной жизнью России. Все это сейчас мне вспомнилось и пригодилось...

И все же, несмотря на такой солидный багаж, моя актерская работа над образом Ленина должна была протекать новым, особым путем — путем эмоционально-аналитического постижения образа.

Итак, все сначала, все впервые!..

Предложение Н. Петрова приступить к работе над образом Ленина застало меня в напряженный момент. Я выпускал пьесу М. Горького «Последние». Состоялась премьера, и было сыграно пять спектаклей... Кроме того, при нашем театре существовала школа, где мы с Ю. Глизер вели целый курс. Кон-

чался учебный год. Надо было готовить и сдавать со студентами отрывки...

Но и это еще не всё! Театру предстояли гастроли на Кавказских минеральных водах. В афише уже были объявлены два «моих» спектакля — «Лестница славы» и «Последние». Значит, опять репетиции, утомительное дежурство по вечерам.

Наконец-то наши гастроли закончились! Наступили блаженные дни отпуска. Мы в нашем любимом Кисловодске. Только перебрались из гостиницы в санаторий профсоюза работников искусств «Теберда». Здесь всегда было шумно и весело...

На сей раз я провел свой отпуск необычно, не покурортному. Привез с собой из Москвы целый чемоданище, туго набитый литературой о Ленине. Предстояло одолеть всю эту грудку материалов. Комната моя была на втором этаже с балконом. Балкон-то и стал моим основным местопребыванием. Я даже не ходил на нарзанные ванны — не до них...

Снизу доносились оживленные голоса: люди шутили, смеялись, играли в волейбол, словом, отдыхали... А я смотрел на все это сверху, как из скворечника. Смотрел «отрешенно»: тот мир, в который я был погружен, бесконечно меня увлекал. Я не отрывался от книг. Читал их запоем...

Я был поглощен грандиозностью темы. Обуреваемый подъемом, хотелось горы воротить.

Но закрадывался и предательский страх. Особенно, если вспоминал, как мало времени мне отпущено до премьеры.

Вместе с тем я чувствовал (и это было главным!), что неумолимо втягиваюсь в работу, что во мне разгорается исследовательский азарт! Какие-то колесики уже завертели, и остановить их было невозможно. И я гнал прочь все сомнения. Ощущение необычайности, необычности, значительности не покидало меня...

Я занимался и техникой. Войдя к себе в комнату, прикрывал дверь на балкон и тихо, вполголоса тренировал ленинское «р».

Однажды, в момент таких упражнений, в дверь постучались. На пороге стояла Елизавета Сергеевна Телешева, моя давняя, еще с детских лет, знакомая. Зашла проведать. Услышала из-за двери «рулады» и рассмеялась: «Что делается! Я только что из Железноводска. И там в парке услышала, как Щукин потихоньку тренировал это самое «р». Посочувствовал я своему коллеге: тоже мучается, не отдыхает, бедняга!

...Итак, я жадно изучал одну книгу за другой. Обращался с ними не милосердно: делал на полях, в тексте всякие пометки, отметки, заметки. Подчеркивал все, что меня задевало, удивляло, поражало...

Это были книги о Ленине. И не только о нем. Читал биографии революционеров-большевиков, потому что и в них отражался Ленин.

Нахлынул огромный поток событий, фактов, впечатлений.

Но скоро почувствовал — меня захлестывает, я в материале... тонуть!

Испугался, думаю: так не годится! Надо срочно что-то предпринимать. А то захлебнусь.

Не буду описывать тот первозданный «творческий хаос», который неизбежно возникает на первоначальном этапе накопления. Интереснее рассказать, как весь этот обрушившийся на меня материал стал постепенно приводиться в порядок, укладываться в моем сознании. Как происходила кристаллизация образа. Как возникал, вырисовывался образ Ленина, величественный и простой.

Начал с простого: взял несколько листов бумаги — на каждом написал: речь, голос, жест, юмор,

смех, взгляд, походка, привычки, черты характера... Потом, читая книги, стал делать выписки, заносить по рубрикам, раскладывал все как бы по полочкам. Когда эти записи объединились воедино, получилось довольно наглядно и убедительно.

Потом подумал: вот мы говорим — образ Ленина многогранен. А что это за грани? Как мне их для себя определить? И какие из них главные? Вероятно, надо все накопленные сведения подвергнуть анализу. Заняться «анатомией» образа.

Первое, что мне бросилось в глаза: почти во всех воспоминаниях о Ленине встречается фраза — «Ленин стал меня расспрашивать».

Все упоминают об одном и том же — значит, это не случайность. А раз так, что она обозначает?

Я стал эти расспросы выписывать на отдельных листах.

Смотрите, что получилось!

М. Горький: «Свободные минуты, часы он проводил среди рабочих, выспрашивал их о самых мизерных мелочах быта...»

А. Андреев: «Вы, кажется, с Урала? — спросил Ленин. И тотчас же засыпал меня вопросами: работают ли все уральские заводы? Как настроение крестьян после Колчака и дадут ли нам хлеба?»

К. Ворошилов: «Завязалась непринужденная беседа. Владимир Ильич шутил и в то же время спрашивал то одного, то другого из нас обо всем, что его интересовало...»

О. Гримлунд: «...Он был очень любознателен и спрашивал меня обо всем: о молодежи, о профсоюзах, о правых социал-демократах...»

Н. Крупская: «Ильич расспрашивал необычайно внимательно, стараясь познакомиться с бытом и жизнью».

М. Горький: «...он подробно расспрашивал о жизни каприйских рыбаков, об их заработке, о влиянии попов, о школе...»

Маяковский:

«В какого-то парня
в обмотках,
лохматого,
установил
без промаха бьющий глаз,
как будто
сердце
с-под слов выматывал,
как будто душу
тащил из-под фраз».

Расспросы, знаменитые ленинские расспросы!

Почему же все о них упоминают?

О чем они говорят?

Я себе так объяснил: эти расспросы таят в себе глубокий смысл. Для Ленина это один из способов познания жизни, Ленин был ученым и философом, много времени проводил в библиотеках, но в то же время он черпал свои знания из прямого общения с людьми. Он читал «книгу жизни»! Н. Крупская образно пишет: «Ленин всегда держал руку на пульсе республики», «любил прикладывать ухо к земле и слушать ее голос». Ленин чутко прислушивался к страданиям, думам и чаяниям народа. Он убеждал: надо «...жить в гуще рабочей жизни, знать ее вдоль и поперек, уметь безошибочно определить по любому вопросу, в любой момент настроения массы, ее действительные потребности, стремления, мысли...»

Трудящиеся отлично чувствовали это сами.

Крестьянин-сибиряк О. Чернов вспоминал: «Он не меня, конечно, слушал как персону необыкновенную, а через меня он слушал все крестьянство». Замечательно подмечено!

Сцена из спектакля «Правда». Ленин (М. Штраух) беседует с украинским крестьянском-фронтовиком.

Вспомнилась картина художника А. Моравова. Посмотрите, Ленин (он ехал из эмиграции в революционный Питер) запечатлен на ней в вагоне поезда, среди солдат-фронтовиков именно в такой, характерный для него момент расспроса! Я, конечно, приобщил репродукцию этой картины к «заготовкам» по своей роли.

Не менее интересно и характерно умение Ленина слушать собеседника.

Клара Цеткин: «...я не знаю никого, кто умел бы лучше слушать, чем он».

А. Луначарский: «Надо было видеть, как слушает Ленин... Он буквально впитывал в себя каждое слово, когда он подвергал быстрому, меткому дополнительному допросу того же докладчика».

Финская писательница Вуолийокки: «Все мы, наблюдая Ленина, поражались его умению слушать людей. Со стороны нам казалось, что человек, с которым беседовал Ленин, самый нужный ему человек на свете. Как будто именно его искал он всю жизнь и наконец нашел. Так активно, внимательно он умел слушать собеседника, так дорог он ему был и необходим!»

Ленинские расспросы, умение слушать голос народа — в них-то и кроется, в них-то и проявляется глубочайшая вера в массы!

Ленин располагал к себе. С Лениным было легко. Он притягивал к себе подобно магниту... Для трудящихся он был близкий, «свой». Интересно в порядке контраста сопоставить те впечатления, которые производил при встречах с людьми Г. Плеханов.

Н. Крупская: «...поражали блестящий ум Плеханова, его знания, его остроумие, но как-то оказывалось, что, уходя от Плеханова, рабочий чувствовал лишь громадное расстояние между собой и этим блестящим теоретиком...»

М. Горький: «...Плеханов ни о чем не расспрашивал, он уже все знал и сам рассказывал», «...когда

меня «подводили» к Г. В. Плеханову, он стоял скрестив руки на груди и смотрел строго, скучновато, как смотрит утомленный своими обязанностями учитель еще на одного нового ученика»; «...редко встречал я людей до такой степени различных, как Г. В. Плеханов и В. И. Ленин».

Один рабочий, по воспоминаниям Горького, сказал: «Плеханов — наш учитель, наш барин, а Ленин — вождь и товарищ наш».

Моя «балконная работа» продолжалась...

Другую черту ленинского характера удалось определить не сразу. Она складывалась постепенно, как мозаика. Из разных фактов, штрихов, деталей...

Давайте проследим, как эти разрозненные наблюдения, сопоставляясь, нанизываясь друг на друга, начинали вырисовывать, выявлять новую грань.

Вот мои записи:

...Я в Музее Ленина. Поражают записки Владимира Ильича, написанные им в острые, напряженные политические моменты. Вот под стеклом письмо от 24 октября 1917 года членам ЦК о начале восстания. Какая динамика в построении фраз, в их ритме, в расстановке знаков препинания! Буквы, слова, строки так и стелются, так и летят по бумаге! Они дают мне зрительное, даже чисто графическое ощущение огромной экспрессии, огромной динамической устремленности.

Удивительна сама техника ленинского письма. Это скоропись! Ленин писал, не отрывая пера от бумаги, сжимая слова, выкидывая гласные, сокращая их. Так быстрее!..

Н. Крупская: «Сокращения букв (гласных часто) и слогов практиковал очень часто, в целях ускорения письма».

...А вот известная фотография — русские политэмигранты в апреле 1917 г. на улице Стокгольма. Заснята группа людей. Но приглядитесь: одна фигура выделяется особенно своим стремительным

шагом, поворотом головы, наклоном фигуры... И это, конечно, Ленин! Он рвется скорее домой — в Россию!..

...Разглядывая фотографии, сравниваю. И оказывается, на каждой из них Ильич разный. Так бывает у людей эмоциональных, очень живых по натуре.

А. Луначарский: «...лицо его было бесконечно подвижно... Чрезвычайно редко наступали минуты, когда лицо это оставалось без движения...»

Скульптор Клэр Шеридан: «Ленин то смеялся, то хмурился, казался задумчивым и печальным, грустным и насмешливым, все подряд».

...Разве не поражает, как Ленин вел заседания Совнаркома! Он слушал выступавших и в то же время писал деловые записки, читал ответы на них и опять посылал эти свои «летучие записки». Что же, он делал одно за счет другого? Ничего подобного. Заканчивались прения, Ленин подводил итоги, и становилось ясно, что он внимательно слушал всех выступавших, ни одна мелочь не ускользала.

Значит, Ленин умел двоить, троить свое внимание. Он «спрессовывал» время, чтобы больше успеть!..

...П. Лепешинский мне рассказывает, как он удивился, впервые увидев (это было в сибирской ссылке), как Ленин читал книгу. Казалось, он только перелистывал страницы. На самом же деле каждая была прочитана внимательным образом. Ленин обладал способностью «конспективно схватывать» текст. Бытует выражение — «глотать книгу». Именно такое впечатление создалось у П. Лепешинского, Е. Усиевич и других.

В. Бонч-Бруевич: «...Времени всегда в обрез, а прочесть нужно целые горы, и долготелая практика выработала у Ленина совершенно особую манеру чтения. Глаза его привычно схватывают десять—двенадцать строк, мгновенно улавливая смысл абзацев и целых страниц... Он не читает, как все, то есть строчка за строчкой, мысленно произнося напечатанные фразы, а как бы мощным насосом безостановочно, стремительно перекачивает в себя содержание книги...»

...Читаю Ленина и неизменно ощущаю революционный напор и энергию мысли, которыми насыщены все его статьи, дышит каждое его слово.

Вот примеры: «Революция должна поднять к активной жизни... гигантские массы, поднять из страшной темноты, из невиданной забитости, из невероятной одичалости и беспросветной тупости».

Вчитайтесь:

жизнь — активная,
массы — гигантские,
темнота — страшная,
забитость — невиданная,
тупость — беспросветная.

И все это спрессовано в одной фразе!

Еще пример:

«В России людей тьма, надо только шире и смелее, смелее и шире еще раз шире и еще раз смелее вербовать молодежь, не боясь ее».

Какое настойчивое внедрение мысли! Какая мускулатура фразы!

Еще пример:

«...скорее извещение публичное о бюро... скорее и скорее и скорее!»

Какое нетерпение! Какая энергичная лексика!

Перечисленные наблюдения, а их было множество, говорили о том, что ленинский характер выкован из энергии и воли. Действительно, Ленина трудно себе представить в состоянии покоя. Даже если он неподвижен, в нем бурлит и пульсирует мысль.

В моем представлении он всегда был страстным, порывистым, целеустремленным, горячим...

Создавая любой сценический образ, надо уметь правильно определять и схватывать его темперамент. У каждого человека он свой. Образ Ленина обязывает актера особенно точно и верно решать эту задачу. Если исполнитель не «поймает» органику ленинской натуры, он обречен на неудачу.

Вероятно, в трактовке роли можно выделять ту или иную черту, но доминирующим для меня в раскрытии образа, несомненно, было его волевое начало: Ленин — вождь!

С увлечением продолжаю приводить в порядок свои разрозненные литературные изыскания.

Третья черта характера оказалась в моем представлении собирательной. Я даже затруднялся определить ее одним словом. И потому назвал ее для себя условно: человечность.

До зрителя обязательно надо стараться донести ленинскую простоту, скромность, чуткость... И оптимизм. И юмор. Эти неотъемлемые свойства его натуры должны «просвечивать» образ. Такие «слагаемые» будут выражать нравственное здоровье. О «большом, крепком душевном здоровье» Ленина писал Горький. Душевное здоровье, нравственное здоровье — вот какие высокие категории!

...Председатель Совета Народных Комиссаров, глава государства просит книгу из общественной библиотеки и обещает вернуть ее к утру! Он поработает над ней ночью, ведь на следующий день она может понадобиться кому-нибудь из посетителей!

...Ленин не принимает присланных в подарок продуктов и переадресовывает их в детские дома и больницы...

...Ленин объявляет официальный выговор Бонч-Бруевичу за то, что тот незаконно повысил ему зарплату...

...Ленин отказывается жить в комнатах с зеркалами и коврами, требуя скромную обстановку...

В 1920 году Истпарт начинает собирать экспонаты для будущего Музея Ленина, что вызывает прямо-таки негодование Владимира Ильича:

«Вы не можете представить себе, до какой степени неприятно мне постоянное выдвигание моей личности».

Примеров ленинской скромности, проявляемой не на словах, а на деле, много! Не предаваясь сентиментальному умилению, постоянно хочется любоваться моральной, человеческой красотой Ленина! Его нравственным максимализмом!

Теперь о ленинском юморе, о котором так много написано. В своем очерке Горький неоднократно возвращается к описанию его смеха. «Никогда я не встречал человека, который умел бы так заразительно смеяться, как смеялся Владимир Ильич. Было даже странно видеть, что такой суровый реалист, человек, который так хорошо видит, глубоко чувствует неизбежность великих социальных трагедий, непримиримый, непоколебимый в своей ненависти к миру капитализма, может смеяться по-детски, до слез, захлебываясь смехом. Большое, крепкое душевное здоровье нужно было иметь, чтобы так смеяться...»

Ленин говорил Горькому:

«Это — хорошо, что вы можете относиться к неудачам юмористически. Юмор — прекрасное, здоровое качество».

Н. Крупская: «Улыбался очень часто... Ух, как умел хохотать. До слез. Отбрасывался назад при хохоте...»

Кстати, среди наиболее удачных словесных портретов Ленина неизменно называют очерк М. Горького и поэму В. Маяковского. Это действительно так, но очень ценным является, конечно, все, что писала Надежда Константиновна.

Как ярко наблюдения А. Луначарского: «...Улыбка на его лице появлялась чаще, чем у любого другого... Работали в Совнаркоме споро, работали бодро, работали с шутками. Ленин добродушно принимался хохотать, когда ловил кого-нибудь на курьезном противоречии, а за ним смеялся и весь длинный стол крупнейших революционеров и новых людей нашего времени — над шутками самого ли председателя, который очень любил сострить, или кого-либо из докладчиков. Но сейчас же после этого бурного смеха наступала внозь та же бодрая серьезность и так же быстро-быстро текла река докладов, обмена мнений, решений».

Многие писали о веселости Ленина. Но у Луначарского мы находим еще и психологическое объяснение: «...В смехе Ильича было много беззаветно-детского, а беззаветность смеха — это его победоносность, это показывает наличие и в натуре и в сознании привычки чувствовать себя силою...» Такое же наблюдение у англичанина Рансома: «Это смех силы».

Кстати, какая удивительная перекличка с характером К. Маркса! Дочь Элеонора вспоминает: «Для знавших Карла Маркса нет более забавной легенды, чем та, которая обычно изображает его угрюмым, суровым, непреклонным и неприступным человеком... Подобное изображение самого живого и самого веселого из всех когда-либо живших людей, человека с бьющим через край юмором и жизнерадостностью, человека, искренний смех которого был заразителен и неотразим...»

...Дни бегут, а я все сижу на кисловодском балконе и «проворачиваю» материал. Работа движется. Делаю для себя открытия.

Уж очень все увлекательно!.. Казалось, я раскладываю спектр солнца на его составные части.

Ясно, что деления на «границы» условны. Тем более их нумерация. Я намечал их для себя «в рабочем порядке».

Естественно, все эти черты не могли существовать раздельно. Они переплетались, сливались, дополняя друг друга, образуя единый, цельный образ. Но процесс детализации и «расчленения» характера неминуем в работе актера. Как с часовым механизмом. Его ведь можно разобрать на отдельные части — разглядеть, изучить, потом снова собрать, чтобы пустить часы на полный ход. Хотя и этот пример условен...

А. Луначарский сказал: «Владимир Ильич кипел политически». Но кипение ленинского темперамента, его неумную энергию актеру не так-то легко схватить органично и точно.

«Всех поражала необыкновенная активность Ленина... Никогда не видел его на заседаниях хмурым или даже суровым. Такова уж была жизнерадостная натура Ленина...», — вспоминает А. Андреев.

Но нас, актеров, тут подстерегает двойная опасность: можно пересолить и впасть в суетливость, что с Лениным никак не будет вязаться. Но, если не дотянешь до нужного градуса, может появиться рыхлость, вялость, что опять же противопоказано образу. Дозировка должна быть точной.

Каждый миг сценической жизни Ленина, его поступки, его слово требуют психологического оправдания.

Своим «балконным отпуском» я остался доволен. Постепенно из хаоса впечатлений проступили контуры образа.

Я и не заметил, как спустился со своего балкона — на землю.

Отпуск кончился — едем из Кисловодска в Москву.

Начинается новый сезон.

Что-то будет?!

...Начались каждодневные спектакли. Приступили к репетициям юбилейного спектакля «Правда»...

И опять меня потянуло в Музей Ленина.

Хотелось все разглядеть: документы, фотографии, картины, зарисовки. И живого Ленина — в кинохронике... Конечно, надо при этом делать поправку на технику тех лет. Некая суетливость, что мы видим на экране, не свойственна Ленину: это издержки того, что операторы в ту пору «крутили» аппарат вручную — 16 кадров в секунду, а современные проекторы рассчитаны на иную скорость. Актеру с этим надо считаться.

Впервые я увидел рабочие зарисовки Н. Андреева, не выставленные для общего обозрения. Они меня очень впечатлили: подготовительная работа большого мастера оказалась не менее ценной, чем ее результат.

...Все воспринималось не только разумом, но и сердцем... Ну, как не волноваться, когда видишь перед собой подлинные строки, написанные в ночь восстания, когда стоишь перед скромной одеждой Ильича или его простреленным пальто!

В течение всей своей работы я посещал музей неоднократно, не только чтобы изучать экспонаты, но и «набираться настроения». Иногда просто бродил по залам... Неотъемлемой частью музея я считал его посетителей, за которыми любил наблюдать, как они смотрят, слушают, с какой душевной взволнованностью впитывают в себя всякую подробность этой великой и удивительной жизни...

Я, конечно, ринулся опрашивать людей, знавших Ленина лично...

Список товарищей, которых хотелось навестить, был обширен. К сожалению, всех опросить — времени не хватило.

Помню, к В. Антонову-Овсенко ходили мы вместе с А. Корнейчуком. Он рассказывал главным образом об аресте Временного правительства: именно на его долю выпала эта историческая миссия.

П. Лепешинский знал Ленина с 1898 года, еще по сибирской ссылке. Посещение это оставило глубокое впечатление. Прежде всего сам П. Лепешинский: седой как лунь, а глаза голубые... Жил он тогда в «Доме правительства» — так назывался большой жилой дом у Б. Каменного моста. Квартира просторная. Большие окна с чудесным видом на излучину Москвы-реки. А обстановка самая что ни на есть простая. Как жил всю свою жизнь вне всякой роскоши и особых удобств, таким и остался — скромным и неприхотливым...

Если бы он ничего даже мне не рассказал, все равно весь его быт, обстановка, манера жить красноречиво говорили сами за себя. Напоминали о том удивительном поколении старых большевиков, которые отдавали служению народу всю свою жизнь без остатка...

Чудесный, милый старик! Он был полон огромной любви к Ленину. Очень хотел помочь мне. Обещал обязательно прийти на генеральную репетицию и свое слово сдержал.

С Николаем Ильичом Подвойским мы встретились как старые, добрые знакомые: ведь он был нашим «шефом» по фильму «Октябрь». Вот и сейчас с большой благожелательностью стал помогать мне, вспоминая подробности Октябрьского переворота.

26 СЕН 1937

Почтупривательная

Надежда Константиновна!

Я — актер Московского театра революции.
Мне поручили в юбилейной пьесе Корнейчук
«Тройка» работать над образом Владимира Ильича.

В жизни мне ни разу не представился
образ Владимира Ильича. Этот образ я воспринял
сейчас при помощи и изучения воспоминаний и факт,
что без конца смотрел и слушал фильмы, демон-
страции, сейчас в Музея В. И. Ленина.

Я обращаюсь к Вам, Надежда Константиновна,
с большой просьбой посоветовать со мной и
этим помочь мне в этой (очень, очень трудной!)
задаче.

М. Штраух.

23 сентября
1937.

Вписка:

Получено: Москва, Театральный музей, 23.09.37. По 44-м
мат. работы: Москва, Театральный музей, 23.09.37. По 44-м.

Рукопись письма М. Штрауха Н. К. Крупской.

Все, о чем он рассказывал, казалось мне драгоценным. Даже то, что было известно ранее, освежало мои познания.

Одна фраза произвела на меня особое впечатление:

«Ночь в Смольном. В комнату, где работала «тройка», вдруг вошел Ленин. Он сказал — «Здравствуйте!». Сказал, как на празднике. Постоял, оглянул всех и ушел...»

Я не понял: зачем же он приходил?

«Ленин хотел убедиться», — ответил мне Н. Подвойский, — все ли так же уверены в победе, как и он сам».

«Сказал, как на празднике»...

Удивительно, подумал я, совершается революция, война не кончилась, льется кровь, страна измучена — суровая, напряженная обстановка, и вдруг... «как на празднике»!

Я эту фразу записал. Но позже, уже на спектаклях, по-настоящему оценил ее смысл. Какое неожиданное определение душевного состояния Ленина! Да, именно так. Ведь Ленин писал: «Революция — праздник угнетенных и эксплуатируемых».

Ощущение революционной праздничности происходящих событий должно, конечно, пронизывать и самого Ленина. Мажорная праздничность окрашивает его поведение. Она должна звучать как лейтмотив, даже в моменты преодоления величайших трудностей.

Вот она — тональность образа!!

Кстати, у Маркса есть такое высказывание: «Существенная форма духа — это радость, свет». Беру эти слова на вооружение!

Понравилась мне одна бытовая подробность: Н. Подвойский сказал, что Ленин имел обыкновенные набрасывать, нахлобучивать кепку на голову так, что она у него даже «пузырилась». И действительно, на некоторых фотографиях это можно отчетливо видеть.

К кому я долго не решался обратиться, так это к Надежде Константиновне. Но вот, набравшись храбрости, написал ей письмо, прося о встрече!

С большим нетерпением ждал ответа, но... его не последовало. Я был наслышан про ее аккуратность, и вдруг... Такой «неответ» был своего рода ответом.

Но вот стало известно, что Н. Крупская приняла «мосфильмовцев» в связи с фильмом «Ленин в Октябре». Этот факт еще больше меня озадачил. Что же все это могло означать?

Ответ я получил несколько позже — от директора Музея Ленина Н. Рабичева. Об этом речь впереди...

Была еще одна интересная особенность в моей работе. О ней стоит сказать.

Сначала я почти не заглядывал в текст пьесы, хотя так и полагается делать, когда начинаешь работать над новой ролью. Общее содержание сцен мне было известно, но действия Ленина, всю обстановку я познавал через описания, воспоминания и документы эпохи.

В результате у меня возникло свое представление, свое ощущение личности Ленина.

И вот наступил новый интереснейший период — я придирчиво проверяю: а как выражен «мой Ленин» в пьесе? Все ли там соответствует моему представлению образа? Может, чего-то не хватает? Может, что-то захочется изменить?

Сразу же мне захотелось первое появление Ленина сделать иным, чем в пьесе.

Легко написать: «катится «ура». Масса напирает. Или: «мощное «ура» покатило по коридору и вскоре переходит в песню». А попробуйте показать это на сцене!.. Вероятно, средствами кино добиться такого пафосного появления легче. Но в театре все могло получиться недостоверно...

Вообще говоря, такая встреча Ленина, как описал ее Корнейчук, вполне вероятна. Ленина встречали с энтузиазмом. Но правда и другое: Ленин шумные приветствия не очень-то любил. При долго не смолкавших овациях он обычно начинал проявлять нетерпение, вынимал иной раз часы, показывал на них — мол, время, время! Надо заниматься делом! Известно, что Ленин наотрез отказался, например, присутствовать на официальной части вечера, посвященного его 50-летию. Примеров таких немало.

Итак, надо придумать другой «выход» для Ленина. Для себя назвал его «скромным выходом», «скромным появлением». Кстати, такое «решение» подсказывали и воспоминания очевидцев. Встреча с Лениным оказывалась часто не такой, какой он себе представляли ее. Ожидали с напряженным нетерпением, воображение рисовало богатыря-великана, а на самом деле он уже здесь, пришел чуть ли не раньше всех и стоит себе в сторонке, беседует с кем-то из делегатов.

Вот мне и захотелось сделать выход Ленина именно таким: его ждут, а он уже здесь! Типичный штрих ленинской скромности, его органичного, непоказного демократизма.

(Окончание следует.)

ОЛЕГ
ЧУХОНЦЕВ

ИЗБРАННЫЕ СТИХИ Д. САМОЙЛОВА

Когда стихи нравятся и нравятся всерьез, о них трудно писать.

Я давно знаком со стихами Давида Самойлова. Помню, лет пятнадцать назад, еще студентом, я услышал: «Телеграфные столбы. Телеграфные столбы. В них дана без похвальбы простота моей судьбы!»

Стихи заворожили меня своей раскованностью. Может, это были не лучшие стихи поэта, но характерные, и я подумал: вот пришел поэт, который должен был прийти, — пришел на свое место. Только потом я понял: поэзия не послевоенная баня, где кто пришел раньше, тот и занял лавку со своей шайкой, нет, поэзия — вся земля, лес, и поле, и небо над полем: «иди куда влечет тебя свободный ум...»

Позже, когда появлялись редкие публикации Самойлова, они не оставались незамеченными, как и его редкие книги.

И вот в некотором роде итоговый сборник избранных произведений поэта «Равноденствие».

В чем главная особенность стиха Самойлова, его доминанта, или, как говорил академик А. Ухтомский, «поведение мысли»?

Пожалуй, в какой-то, только ему присущей, сдержанной доверительности, мужественной трезвости, обаянии словесного жеста. Его суховатую, мужскую походку узнаешь сразу, а интонацию не спутаешь ни с чьей другой.

Бывают стихи вроде бормотания, «песни без слов», где главное — за словами. Стихи Самойлова отлиты в слово. Он любит Слово, простое и веское, как подкова. Саму мысль он старается как бы пощупать, а мир предметный, вещный проверить на звук. «А у

сосен тоже есть стволы», «Качались ветки, полные листвою», «Начинает уставать вода» — это видишь сразу, ощущаешь физически. Его стихам нужны слушатели или хотя бы собеседник. Он говорит как бы прислушиваясь со стороны, играючи, что ли, но никогда не форсирует голоса. Он достаточно артистичен, чтобы не быть театральным:

Звонко цокает кованный конь
О булыжник в каком-то проезде.
Куполов угасает огонь,
Зажигаются свечи созвездий.
Папа молод. И мать молода.
Конь горяч, и пролетка крылата.
И мы едем незнамо куда —
Все мы едем и едем куда-то.

По моему убеждению, нет ни хороших стихов, ни плохих, а есть необходимые и необязательные. У истинного поэта и так называемые «слабые» стихи говорят о многом, в них часто выражено, как бы случайно, проговорясь, самое потаенное, что и самому едва ли понятно, их недосказанность стоит многого.

Самойлов не любит недосказанности, но сказанность Самойлова, его внятность — от полноты содержания. При всей убежденности он не категоричен, а оставляет право на выбор.

История мысли и культуры, ощущение движения человеческого духа у Самойлова — сама реальность, по драматизму и богатству чуть ли не равная жизни текущей, отсюда многочисленные его стихи на темы исторические, литературные, отсюда некоторая реминисцентность его восприятия. На современность он смотрит как на историю в современности, укрупняя, выявляя главное.

Может, поэтому он не любит голого экспериментаторства, а добивается свободы и естественности внутри устоявшихся форм по признаку меры, гармонии, законченности.

Признанный мастер перевода, поэт Давид Самойлов долгое время был заслонен собственными переводами. Заслонен настолько, что недавно один поэт в талантливой рецензии на стихи Самойлова упрекнул его в малости написанного, в скромности вклада оригинального.

Думаю, что это не так.

Тютчев написал около четырехсот стихотворений, а Заболоцкий вполтину меньше. Бальмонт и Северянин написали несравнимо больше, но их вклад в отечественную поэзию несоизмерим со «скупостью» первых двух. В творчестве важна интенсивность, а облегченная плодovitость — это движение вширь, а не вглубь.

Несколько сот стихотворений, опубликованных Самойловым (многие не вошли в его избранное), драматическая поэма «Сухое пламя» (до него удачный опыт подобного рода я знаю в недавнем прошлом только у Кедрина), записки в стихах «Ближние страны» — я уж не говорю о переводах, многие из которых стали фактом русской поэзии, — все это говорит само за себя. Бесспорно, он один из самых интересных и острых современных поэтов.

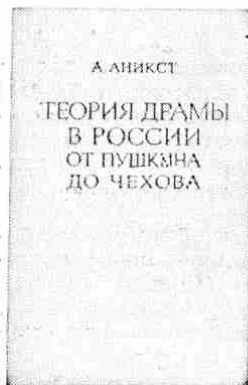
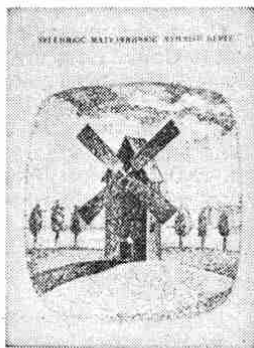
И хорошо, что Давид Самойлов не девальвирует поэтическое слово.

Ибо, как повторил, вернее, выкрикнул Александр Блок в своей знаменитой статье, «стихи в большом количестве вещь невыносимая».

В стихах Давида Самойлова, в его обманчивой легкости чувствуется преодоленное сопротивление материала и среды, оттого они так динамичны и упруги.

А потому скажем словами поэта:

Спасибо тем, кто нам мешал!
И счастье тем, кто сам решал —
Кому — не помогали!

ВМЕСТЕ С ГЕРОЯМИ

«**Т**оварищи с Западного фронта» — сборник очерков, написанных в годы Великой Отечественной войны специальным корреспондентом фронтовой газеты «Красноармейская правда» Евгением Воробьевым. В этой кни-

ге нет сквозного сюжета — очередное задание редакции диктовало писателю тему и материал: нынче Е. Воробьев писал о танкистах, завтра о снайперах, после пехотинцев — о связистах, затем о летчиках или артиллеристах... Но, оканчиваясь под одним переплетом, эти очерки обнаружили внутреннее единство и даже обрели сюжет. Сюжетом книги

стал сам ход войны от немыслимо горьких месяцев 42-го года до победоносной весны 45-го. Собранные вместе, эти очерки составили то, на что в свое время никак не претендовали, — они воспринимаются как своеобразная летопись тяжких и героических лет, летопись Западного фронта, солдаты которого после кровопролитных боев остановили немцев под Москвой, а затем прошли до берегов Балтики, освободив Смоленщину, Белоруссию, Литву, уничтожив яростно сопротивлявшиеся в Восточной Пруссии гитлеровские войска.

Три десятилетия отделяют нас от событий, о которых рассказывает Е. Воробьев. За эти годы о войне созданы тысячи книг, и все-таки читать эти очерки, писавшиеся по горячим следам событий, и сегодня интересно: они долговечны, потому что правдивы.

Пожалуй, я был не совсем точен, сказав, что Е. Воробьев писал о пехотинцах, танкистах, артиллеристах: множественное число здесь означает только род войск, воинскую специальность, не более того. Потому что Е. Воробьев писал не о пехотинцах вообще, а о конкретном солдате или офицере, о пулеметчике Вохминцеве и снайпере Лысове, танкисте Гудзе и минометчике Тихмянове, хирурге Шлыкове и командире полка Булахове. Его очерк — это, как правило, портрет или зарисовка с натуры, но раскрыто в них не только индивидуальное и не только сиюминутное...

Внимательный читатель обнаружит еще одну особенность очерков Е. Воробьева. Для того, чтобы написать об одном человеке, автор самым дотошным образом расспросит нескольких, нередко многих людей. Он постарается своими глазами увидеть все, что возможно. И если он пишет о пулеметчике, то побывает в его окопе, чтобы выяснить, как здесь живут и воюют. Если о связисте, то вместе с ним пройдет по линии, попробует, каково под огнем тянуть за плечами пудовую катушку с проводом. Вот откуда непререкаемая достоверность очерков Е. Воробьева, множество невыдуманных, пронизательно увиденных подробностей, раскрывающих героину, труд и быт войны, психологию фронтовика. Солдатский подвиг и солдатский труд предстают в них, как это и было в действительности, слитыми воедино.

Некоторые очерки в книге «Товарищи с Западного фронта» сопровождаются короткими авторскими примечаниями, написанными уже в наши дни, в которых сообщается о наградах, полученных героями, об их дальнейшей судьбе, приводятся их письма и писателю. Иногда при этом всплывают и какие-то обстоятельства, связанные с написанием очерков, с работой фронтового корреспондента. Жаль, что Е. Воробьев в этом случае ограничивал себя. Очерки, составившие эту книгу, выпущенную Воениздатом, не только запечатлели то незабываемое время, — они сами часть его. И для автора они, вероятно, то же, что для офицера старые карты, по которым он воевал. Сколько связано с ними воспоминаний о войне!..

Л. ЛАЗАРЕВ

ТИШИНА

В стихах литовского поэта Эугениюса Матузавичюса («Лунный берег», «Советский писатель», 1972) чуткая и встревоженная душа поэта открыта навстречу миру. Душа поэта на перекрестке, где сходятся ветры, идеи, искусство, судьба: «Порой — проблема рифмы перекрестной, порою — перекрестного огня...». «Пусть ветер времени в лицо мне дует, и все пути и перепутья века пусть сходятся во мне, затягиваясь в узел поэзии моей».

Но за всем этим напряжением, тревогой, обнаженностью чувств в глубине прослушивается тишина... Тишина сорок пятого: «И притаилась смерть — молчит земля. Безмолвие вокруг. Не вспаханы поля». Тишина осени: «Власть полутьмы и полусвета. В лесу упятан дятел где-то...»

И кажется, что ты одна
На всей земле,
Как та сосна,
Одна, как песня без

ответа,
Как звук без отзвука —
одна

И как лесная тишина
В глубинах суетного
лета.

...Тишина старого, высушенного русла, где раньше был скрип снастей и парусов, влажность, блеск, голося; наконец, тишина кричащая, обугленная: «Тишина — это выжженная земля Хиросимы и Нагасаки... Тишина — это память пепла...»

Тишина прослушивается через всю книгу — не фон, а воздух, в который погружен мир поэта, плоть от плоти литовской земли, ее янтарных «лунных берегов», обнимающих море, ее лесов и полей, несуетных, полных задумчивости, которые встречают нас как зримое воплощение вечности, способных рождать такие удивительные по силе, музыкальности и простоте строки:

Над Вятес Рагас
птичий лет —
на юг, на юг, на юг.
«Но мы вернемся», —
говорит
шумящих крыльев
звук...

(Выразителен русский перевод: в слове «шумящих» мы как бы прослушиваем «щемящий», слово скрытое, возникающее и пропадающее, а с ним — свет и печаль.)

Тишину, полную жизни, разнообразной, многозвучной, противоречивой, человеческой, составляет в нас книга стихов «Лунный берег» литовского поэта Зугениуса Матузевичуса в переводе Льва Озерова.

Еф. БАУХ

ТЕОРИЯ ДРАМЫ И ДРАМА ИДЕЙ

Имя литературоведа, театроведа и критика А. Аникста достаточно хорошо известно. Его перу принадлежат фундаментальные труды по западноевропейской литературе и театру. Тем интереснее, что его новая работа посвящена теории отечественной драмы XIX столетия («Теория драмы в России от Пушкина до Чехова». «Наука», 1972).

Книга читается с неослабевающим интересом, потому что в ней поэтапно воскрешаются страницы острых критических баталий вокруг самых значительных драматических произведений XIX века: «Горе от ума», «Борис Годунов», «Ревизор», «Гроза», «Горькая судьбина», трилогия А. К. Толстого, исторические драмы А. Н. Островского, «Власть тьмы», «Плоды просвещения», «Живой труп», «Иванов», «Чайка»...

Собранные воедино высказывания современников о драме дают возможность читателям составить суждение о позициях спорящих сто-

рон. Постепенно из переплетения высказываний, из столкновения мнений становится очевидным вывод, что «теория драмы в России — это теория реалистической драмы нового времени». И хотя спор ведется о драме, предметом его фактически является судьба народа, судьба России. Не зря декабристы первыми разгадали подлинное достоинство теперь уже бессмертной комедии Грибоедова «Горе от ума». Не случайны были и нападки на ее автора со стороны М. А. Дмитриева, «второстепенного драматурга, движимого завистью и враждой ко всему передовому».

Характерно, что, помимо известных статей и высказываний выдающихся русских писателей прошлого века, А. Аникст привлекает мнения людей, чьи имена обычно реже фигурируют в наших книгах. Не навязывая читателю априорно своего мнения, А. Аникст добывает у недавней истории неопровержимые объективные свидетельства. Он пишет:

«...И дело не только в одних правильных суждениях, истинность которых была подтверждена историей, но и в той живой атмосфере исканий и споров, без которой не могла бы развиваться критическая мысль. Самые дискуссии подчас весьма и весьма поучительны, они раскрывают, как в борьбе мнений рождалась истина».

Эта изящная и популярно написанная книга интересна студентам, преподавателям, всем любящим русскую литературу, не говоря уже о том, что многие произведения, о которых идет речь, входят в школьные программы.

Б. ПОЮРОВСКИЙ

ДОЛГОЖДАНЫЙ ПОДАРОК К НЕОЖИДАННОМУ ЮБИЛЕЮ

В один из прозрачных дней прошлой осени у нас вдруг случился праздник. Добрый старый Политехнический музей устроил утренник «Пятидесятилетия советского джаза». Вот тебе раз! Еще недавно шумели споры, существует ли в природе подобное явление, а явление, оказывается, уже «полста»!

Как раз или почти как раз к юбилею в продаже появилась интересная книга Алексея Баташева «Советский джаз» (исторический очерк), вышедшая в издательстве «Музыка». Ее ждали давно, чуть ли не десять лет она была в работе. Книга эта, несмотря на ее уравниловку, чуть ли не академически-музыковедческий стиль, является собой крепко заряженный аккумулятор страсти. Для того, чтобы пояснить метафору, следует сказать хотя бы несколько слов о личности автора.

В закатно-рассветные вечера поздних пятидесятых Алексея Баташев гулял по Москве в отличном синем костюме и с золотым саксофоном в руках. Он играл на студенческих вечерах нашей молодости пьесы вроде «Бал дровосеков» или «Сентиментальное путешествие» и уже тогда, по его же словам, понимал, что играть так, как играют его кумиры, никогда не сможет. Может быть, вы ошибались тогда, молодой Баташев? «Нет», — отвечает он, — я был прав».

Саксофон перешел в другие руки. Баташев защитил диссертацию по техническим наукам. Он работал по техническим наукам и любил джаз, и любовь эта была его второй, а может быть, и первой жизнью, она была страстной и деятельной. Как энтузиаст Джазового клуба, он собирал артистов джаза со всего Союза, арендовал для концертов самые неожиданные помещения (однажды даже какую-то котельную на Песчаной), устраивал дискуссии, интервью, фестивали в разных городах... Теперь любовь его стала книгой.

Откройте эту книгу, и для вас начнется удивительный полувековой концерт, из пожелтевшей рамки фотографического снимка, из далекого концертного мрака глянут на вас бледные молодые лица музыкантов.

Вы узнаете о русском поэте Валентине Парнахе, которого избрали председателем Парижской Палаты Поэтов, которого рисовал сам Пабло Пикассо и который, вернувшись на родину в 1922 году, привез с собой слово «джаз-бэнд», а также банджо, саксофон, сурдины и тамтам с ножной педалью. Он организовал в Москве свой ансамбль и назвал его «Оркестр - переполох». Должно быть, этот «переполох» мало был похож на «джаз», но от него идет отсчет. Вы узнаете о первых гастроллях в

СССР настоящего джаза — «Шоколадных ребят» Сэма Вудинга, о первых дерзких начинаниях нынешнего, некоронованного короля нашего джаза Леонида Осиповича Утесова, о Цfasмане, Ландсберге, Варлаамове.

Баташев познакомит вас с такими удивительными людьми, как Сергей Колбасев, флаг-свист дивизиона эсминцев Краснознаменного Балтфлота, писатель, дипломат, теоретик и коллекционер джаза. Квартира его в Ленинграде на Моховой была настоящим джазовым клубом. Друзья-джазисты посвящали ему пьесу «Блюз Моховой улицы»... Вы узнаете из этой книги, как появился у нас первый настоящий свинговый биг-бэнд Олега Лундстрема.

В достаточно популярной форме книга рассказывает об эволюции джаза, об импровизации как основе джаза, о современном «ладовом джазе», об особенностях советской школы джаза...

Мы подходим вплотную к сегодняшнему дню и слышим уже ритмы нынешних, еще молодых, но уже признанных повсеместно мастеров Алексея Козлова, Игоря Бриля, Германа Лукьянова, Николая Громина, Андрея Товмасына, Георгия Гарянина, Алексея Зубова, Владимира Журавского, Валерия Буланова, Бориса Рычкова...

Книга «Советский джаз» Алексея Баташева — это у нас первый опыт исторического очерка о джазе. Хочется, чтобы за ней последовали другие опыты. Интересно было бы увидеть портреты джазменов прошлого и настоящего, намеченные здесь по необходимости, лишь контуром. Джазовый музыкант — фигура необыкновенная хотя бы уже своей неистребимой преданностью родному жанру.

...Итак — юбилей. Прозрачный ноябрьский день, и на эстраде сидят оркестр ветеранов: Варламов, Кримян, Ланцман, Полонский. Ривчун... Снимок глянцевитый, новенький, только люди постарели.

Василий АКСЕНОВ

ЮРИЙ КРУГЛОВ

В ПОИСКАХ ПЕСЕН

... **И**дет дождь, теплый, летний дождь. Мы только что выбрались из пригородного поезда Фаянсовая — Брянск и стоим в томительном ожидании попутчиков. Нам сказали, что Косичино километрах в двух от остановки поезда, надо только пройти немного через лес... Из соседнего вагона спускаются две женщины с большими сумками, набитыми покупками, направляются по тропинке к лесу и вот-вот скроются за завесой дождя. Мы бросаемся за ними, я бегу впереди и кричу:

— Вы не в Косичино?

Сквозь шелест дождя по лесу меня все-таки услышали. Одна из женщин, худощавая, светловолосая, на ходу отвечает:

— Туда, в Косичино...

Нас шестнадцать человек: четверо парней, остальные девушки. За спинами у некоторых рюкзаки, у большинства же в руках чемоданы и авоськи.

Наши попутчики идут быстро; как только мы вошли в лес, они разулись, уложили туфли в сумки и почти бегут, легко касаясь дороги. Дорога песчаная, дождь прибил песок, поэтому идти легко. Но не нам. На мне, например, рюкзак со всеми необходимыми на месяц работы вещами, продуктами, да, кроме того, я кругом обвешан магнитофоном, кинокамерой, фотоаппаратом, пленками, кассетами... За шиворот заливает дождь, а по спине стекают струйки пота.

— Далеко еще? — спрашиваю я.

1

— Не очень, — откликается на вопрос светловолосая. — Из леса выйдем, пройдем через луг, там чуть-чуть на горочку — и деревня.

А лес великолепен: сосна попеременно с березой, чудесный воздух и теплый, теплый дождь...

— А вы сами-то к кому?

— Да к вам вот...

— На сенокос — помочь?

— Песни старинные записывать, — говорю я и жду реакции.

Женщины молчат.

— Поют ведь у вас старинные песни? — спрашиваю я.

— Поют-то поют, да чудно как-то — песни собирать.

— Вы, наверное, тоже поете на свадьбах? — говорю я.

— Мы-то нет, — за себя и за подругу отвечает светловолосая. — Это кто постарше, а мы новые песни поем.

— Неужели не нравятся старинные?

— Нравятся, да не знаем!..

...И вот я сижу на сухом крыльце дома воспитательницы интерната. Она побежала за нянечкой (у нянечки ключи), с нянечкой пробежала в сторону интерната (он стоит на краю деревни), а мои подопечные все еще один за другим подходят со своими чемоданами и авоськами к крыльцу. Уставшие, мокрые, возбужденные, они затаскивают вещи в сухой, пахнущий березовыми вениками коридор и тяжело плюхаются рядом с ними. Славка, плотный, сильный парень, ворчит:

— Да тут пять с гаком будет!

— Два с половиной — спидометр проверял, — улыбаясь, отвечает Виктор, муж воспитательницы и местный киномеханик.

Вверху на снимке: студенты МГУ — собиратели песен. Слева направо: Н. Репин, В. Болотских, А. Есиян, И. Цирельман, В. Ковалева, Е. Красикова.

Дождь постепенно стихает, и на противоположной стороне улицы стал виден маленький домик с двумя веселыми голубыми окнами.

— Натари́ха живет в нем, — сообщает Виктор. — Вот она-то вам все песни поет!..

2

На следующий день утром девушки-дежурные тянут за ноги Славку и шепотом переругиваются с ним:

— Слава, помоги! Вставай, Славка! Печь не растапливается!

— Отстаньте вы! Спать хочу!

— Голодным весь день будешь ходить, так и знай!

Славка ворчит, но уже не так яростно. Девчонки уходят из комнаты, он встает, одевается и заспанный выходит во двор. Стучит топор, гремит посуда, вот послышалось легкое потрескивание поленьев в печи, запахло кашей...

— Беда с ними, — спросонья говорит Николай. Он был со мной в прошлогодней экспедиции, опыта у него побольше, поэтому он спокоен. — Помнишь Лену? Утром будит: «Коля-Коля! Печка не растапливается!» Я иду, смотрю, а дождичек накрапывает — сидит она у печки, положила в нее две толстых чурки, а сверху малюсенький клочок бумажки и поджигает его. Бумажка вспыхнет, дождь ее потушит, а она в слезы...

А за дверями в другой комнате просыпаются после вчерашних тревог и трудов юные красавицы, которые неделю назад успешно сдали свою первую весеннюю сессию и уехали из жаркой Москвы в деревню продолжить свое фольклористское образование...

После завтрака мы долго беседуем. В Москве не было времени на такую беседу, а вот сейчас беседуем: как знакомиться с людьми, как в разговоре с ними тонко навести их на песни (представьте, например, такую ситуацию: к вам в городскую квартиру звонят, вы открываете двери, вваливаются два молодых человека и сообщают: «Нам сказали, что вы знаете песни; вы должны нам их спеть!» — вы споете?..) А от контактов с населением деревни очень многое зависит в нашей работе. «Как аукнется, так и откликнется!» — как мы себя покажем, так и нам будут петь! В деревне свой этикет, отличный от городского, поэтому приходится всегда предупреждать, например, ребят, у которых длинные волосы:

— Постричься!

Но особенно ревниво жители деревни — и, как правило, старшее поколение, с которым нам больше всего приходится общаться, — смотрят за девушками. Девушки не должны краситься, пудриться, сильно душииться (по крайней мере, чтобы это не было очень заметно), девушки не должны ходить в брюках. Особенно не любят в деревне курящих девушек: с ними не разговаривают, их презирают.

— И еще, — говорю я, — вы все должны здороваться первыми с людьми старше вас. О нас уже знают в деревне, так что знакомство, можно считать, состоялось. Будьте добры!

Я не первый год езжу в фольклорные экспедиции; эта экспедиция — девятая в моей жизни и, думаю, не последняя. И я до сих пор хорошо помню свою первую экспедицию и свою первую неудачу. Было это на северной реке Онеге, в Архангельской области. Меня только что пустили работать самостоятельно, я шел мимо селы и увидел двух убежденных сединой мужчин. «Старики, — размышлял я, — могут знать бы-

лжны. А не здорово ли с самого начала записать две-три былины?» Я познакомился с ними, они пригласили меня к себе.

— Про Илью Муромца мы оба знаем! — пообещал один из них.

На утлой лодчонке переплыли Онегу — их деревня была на другом берегу, — прошли к большой двухэтажной избе, на крыльце которой нас встретили две удивительно похожие друг на друга старушки — жены моих новых знакомых.

— И-и, сугрѣвушка, — сказали они мне хором, когда узнали, зачем я пожаловал. — И мы знаем про Илью Муромца. У нас книга такая есть, а читать умеем — вот и читаем!

Я был потрясен, я чуть не заплакал с горя тут же, при них, но они заметили мое состояние, мудро приласкали, накормили шанежками, напоили вкусным из самовара чаем и перевезли обратно через Онегу...

И вот, спустя девять лет, я опять волнуясь: долго стучу в двери дома Натари́хи, а в доме — ни звука.

За моей спиной стоят Маша Гуськова и Наташа Великанова. Они тоже волнуются, и я вижу, что немного уже огорчены. Неожиданно выручает соседка Натари́хи. Она все время очень внимательно следила за тем, как я стучу, наконец, сжалась и со своего двора крикнула нам:

— Да она смородину обирает на огороде!

Но Марфа Ивановна (Натари́ха — это ее прозвище) уже сама идет из огорода, привлеченная шумом около дома. Маленького роста, в длинной темной юбке, в серенькой кофточке и в таком же платочке, она похожа на тысячи других старушек, каких можно увидеть в каждой русской деревне. Она молча подходит к нам и так же молча нас рассматривает. Я поспешно объясняю: кто мы, зачем мы, почему именно к ней пришли и т. д. Я вижу ее глаза, ее лицо... У нее очень выразительные глаза! Ей 76 лет, а глаза молодые, веселые и очень-очень чистые. Глаза с любопытством и с затаенной радостью смотрят на нас, и мне кажется, что волнение мое уже исчезло, а я сам давным-давно ее знаю и что уже давным-давно она обещала нам спеть все свои песни. Вот она улыбнулась — морщинки весело разбежались по ее лицу — и сказала, смеясь:

— Да что мне, жалко? Спою. Только вечером... Я вам напою — и в корзине не унесете!

Но самой же любопытно, как это мы ее песни запишем. Она опускается на бревнышки около изгороди и тихонько запекает:

У нас на горке, на горе,
Да на высокой на крутой.
Ой, да люли, люли, сполюли,
Да на высокой, на крутой.
Ой, стоял зеленый дубок..

А вечером мы подводим итоги.

— Ах, какая нам старушка попалась! — в восторге, перебивая друг друга, быстро говорят Люба и Люся.

— Мы, правда, ничего не успели записать, но завтра обязательно запишем! Это чудесная хороводная песня! Мы запомнили ее мелодию!

И они поют:

Ой, зайныка, ой, зайныка,
Ой, зайныка, зайка серенький,
Чего ж тебя долго вечером нет?..

А ребята — Андрей и Слава — загадочно улыбаются.

— Лично мы записали песню «Загорелась бутылочка с перцем», — говорит Слава, когда все рассказали о своих удачах и неудачах.

Исполнительница старинных песен Ефросинья Ивановна Калмыкова, 72 года, с. Косичино.

Признание вызывает улыбки, а Андрей серьезно замечает, поглаживая бородку:

— А улыбаться, собственно, тут нечему: песня-то грустная...

Загорелась бутылочка с перцем,
Заболело у молодчика сердце
На чужую жену молодую!..

Не любит свою жену молодец, потому что женился не по своей воле, а жена досталась «на работу не записана»:

Люди в поле, а моя, шельма, дома,
Люди жати, а моя — лежати,
Люди косят, а моя — голосит!

Вот и «загорелась бутылочка с перцем».

...В эту вторую ночь местные ребята устроили нам «стукалочку». Кто жил в деревне, тот должен знать, что это такое. К обыкновенной нитке привешивается камушек, все это прикрепляется булавкой к оконной раме, другой конец нити протягивают в какое-нибудь укромное место и оттуда ее подергивают. Камешек вздрагивает, ритмично бьется о стекло, и создается впечатление живого стука.

З

В полутора километрах от Косичина протекает река Балва, или, как называют ее местные жители, Былва. Она неширока, почти везде ее можно перейти вброд, но в некоторых местах на поворотах она во время половодья выгребает в берегах такие ямы, что дна не достанешь.

Пожалуй, бытование фольклора в современных условиях можно было бы образно сравнить с Балвой. Кажется, что фольклор умер, кажется, если и осталось что, то осталось случайно... Но когда более внимательно присмотришься ко всему, что поется в деревне, понимаешь, как был неправ.

Я вспоминаю разговор с одним заведующим Домом культуры. Он жаловался мне, что в клуб ходит толь-

ко молодежь, что стариков и среднее поколение, кроме как в кино, и трактором не затанешь, а это обидно, потому что клуб сам по себе хороший, современный и все в нем есть. Я стал пересказывать жалобу заведующего ДК исполнителям, от которых записывал песни, и от всех услышал один и тот же ответ:

— А нам неинтересно в клубе! Там все эти самые буги-вуги, шейки и гав-гав...

Под «гав-гав» подразумевались современные эстрадные песни, в которых, как говорили некоторые исполнители, ничего не понятно.

Пересказывая эти разговоры, я вовсе не хочу согласиться с моими исполнителями, но мне также не хочется согласиться и с теми, кто смотрит на старинные народные песни только как на пережиток давно минувшей старины. Да, совершенно верно, что фольклор изображает события многовековой давности, но разве не читаем мы поэмы Гомера, «Слово о полку Игореве» с таким же наслаждением, а иногда, быть может, и даже с большим, с каким мы читаем некоторых современных поэтов? Значит, дело вовсе не в том, современен ли нам в изображении каких-либо событий или чувств тот или иной автор, а в том, насколько он талантлив, искусен... Пушкин — наш современник, потому что он творил истинное искусство, но искусством в самом высоком смысле этого слова является и фольклор. Так почему же до сих пор встречается такое пренебрежение к нему? Здесь, конечно, не место для подробного объяснения этого факта, но можно коротко самое главное сказать: о фольклоре работники культуры забыли, и забыли основательно. В том же Доме культуры по просьбе того же заведующего мы рассказали молодежи о том, что собираем у них в деревне. А затем прокрутили на магнитофоне записи. Реакция была самой разной. Одни спешили потанцевать, поэтому «бузили», не хотели слушать, другие вдруг узнали голоса своих родных: бабушек, теток и просто знакомых — это привлекло внимание, третьи же буквально сидели, раскрыв рты, — так их поразило то, что они услышали. Естественно, все это они слышали у себя в деревне не раз, но не обращали внимания, потому что ведь если на эстраду обращают их внимание чуть ли не каждую минуту, то на фольклор — никогда. Поэтому-то и кажется, что фольклора нет, а он в глубине, и если молодежь пока не видит его, то это еще не значит, что он «скончался».

...Валя и Ида прибежали из Вербежичей, что за восемь километров от Косичина, обрадованные.

— Мы такую исполнительницу раскопали — просто престель! — спешила выговорить новость Валя. Знает массу интересного и поет великолепно. Четверо детей. Тридцать три года...

— А я примеряла ее старинный костюм, в котором она на свадьбы ходит... Так идет мне! — перебивает Валю Ида. — И еще у нее есть свадебная борушка — вся в жемчуге, с бусами. Такая красота — завал!

И вот мы у Зинаиды Сергеевны Потаповой. Она заметно волнуется, вздыхает, готовясь петь, а когда начинается, то вдруг прерывает пение и спрашивает:

— Хорошо так или по-другому?

— Зинаида Сергеевна, пойте, как всегда поете!

— Это что же — в полную силу? Дак ведь люди-то что скажут: с ума Зинка сошла! — И смеется.

Но, начав песню тихо, она все-таки не выдерживает и поет во весь голос, широко, напряженно — так, как и надо петь.

— А я ведь в Москве жила, — между песнями рассказывает о себе Зинаида Сергеевна. — Да только вот опять в деревню потянуло. Люблю петь! И свадьбу захотелось по-настоящему справить, чтобы на всю жизнь запомнилось: и с песнями, и с пляской, и со

всеми обрядами... А то обидно без настоящей свадьбы. А на свадьбы я хожу только в этом наряде (она показывает борушку), я себе никогда не позволю на свадьбе быть в обычном платье.

— А другие что — тоже на свадьбы надевают старинные костюмы?

— Да кто как... У кого есть — надевают, у кого нет — просят, — спокойно продолжает Зинаида Сергеевна...

Обладая прекрасным, сильным голосом, хорошо чувствуя старинную манеру пения, Зинаида Сергеевна исполнила нам с большим мастерством более двадцати великолепных лирических, свадебных и хороводных песен. Думаю, что она могла бы стать украшением не только любого самодеятельного хора, но даже и профессионального.

4

... **В**озвращаемся мы поздно. У нас хорошее настроение: мы опять записали много народных песен. И одна из них была любимой песней деда Марфы Ивановны:

Ты мальчишечка-бедняжечка,
Ты сложили свою головушку,
Ты сложили свою головушку
Да на правую сторонушку!..

Местные ребята на печную трубу ночью положили стекло, которое вынули из оконной рамы интерната (мы все так спали, что не слышали ничего). Утром, пока догадались, все наши апартаменты были в дыму. Еле выбрались.

А работа кипит. «Картина бытования фольклора» становится все ясней.

Что поет молодежь, например? Конечно же, современные эстрадные песни — «Балладу о красках», например, или «Червону руту». С удовольствием танцует под зарубежную музыку, но с не меньшим удовольствием поет частушки:

Бригадира я любила,
А работать было лень,
Постою, а он запишет
В колхозе трудодень!

или:

Я надену белую кофту,
Белую-пребелую,
Если милый не полюбит —
Забастовку сделаю!

Почти у каждой девушки или молодой женщины есть альбом, в который она записывает свои любимые песни, стихи, советы, афоризмы, письма к любимому или любимой (графареты), «лекции» о сущности любви и т. д. Это совершенно не учтенный никем материал: ни фольклористами, ни социологами, ни учителями, — но как важно знать его, когда мы говорим о проблемах культуры села! Чего стоит, например, такой «афоризм»: «Запомни эту фразу: не любви двух сразу!» И рядом стихок для открытки:

Дарю тебе открытку,
Она из красных роз,
В ней триста поцелуев
И сто горячих слез!

Молодежь поет и песни, которые не услышишь по радио, в кино или по телевидению. Есть среди этих песен хорошие, но есть и такие, которые под стать

Исполнительница старинных обрядовых песен Анна Матвеевна Корнеева, 48 лет, с. Косичино.

мещанским романсам или мещанским балладам, с огромнейшей любовью распеваемым средним поколением:

Зачем ты, без-у-мная, губишь,
Того, кто завле-до-о-кся тобой,
Наверно, меня ты не лю-у-бишь,
Не любишь, так бо-о-ог же с тобой!..

и т. д. и т. п.

Но среднее поколение любит также частушку. Поет оно и так называемые «песни литературного происхождения» — «Коробушку» Некрасова, «Ухаря-купца» Никитина, «Узника» Пушкина... Особенно любима баллада Крестовского «Ванька-ключник» о трагической любви жены князя и его ключника. Встречаются среди людей среднего возраста любители и старинной традиционной песни...

Люди старше 45 лет, как правило, знают старинные свадебные, хороводные, лирические и плясовые песни. Ради старины мы, собственно, и проводим экспедицию.

Не все произведения устного народного творчества сейчас активно бытуют в деревне. Например, еще до войны перестали водить хороводы, но остались воспоминания о них и сами песни, которые иногда распевает теперь на свадьбах и в праздники. Мы записали великолепные образцы хороводных песен... Редко-редко теперь какой-нибудь дедушка, успевший в молодости хлебнуть горя на старой солдатской службе, вспоминает вполголоса старинную солдатскую песню о том, как «о женился» тяжелораненый солдат с «матушкой-землею», а сватом был «штык

вражеский», а невестой была «злая пуля». Только как воспоминания записаны и подблюдные гадальные песенки. Раньше собирались девки на святки и гадали, каким будет муж: богатым или бедным, пьяницей или рачительным хозяином. И вот такая песенка:

Зовет кот кошурку
В печурку спать,—

обещала счастливую замужнюю жизнь.

Часто исполняются сейчас другие народные песни: песни лирические — любовные, семейные или плясовые, свадебные. «Как соберемся вместе, так и поем», — сказала нам одна из лучших песельниц, К. С. Булатова. И действительно, если хороводы перестали водить из-за исчезновения самого обряда, если подблюдные песни перестали исполняться потому, что люди не стали верить гаданиям, то лирические песни — любовные, семейные, шуточные, плясовые, свадебные — часто звучат на празднествах и свадьбах.

5

Мы сидим у Марьи Петровны Филатовой. В избе шумно: провожают дочь Зинаиду. Она кончила сельхозтехникум и теперь уезжает на место работы. У Марьи Петровны гости и другие дочери — с зятьями, с внуками. Ее муж сердито шаркает по полу стоптанными тапочками, косится в сторону поющей жены и ворчит:

— Тоже нашла время петь.. Обедать нет, а она за песни!..

Марья Петровна отмахивается от него рукой: не мешай, мол, надоед, а дочери наперебой заказывают песни:

— Мама, а ты «Ох, пожилось мне, девке, с младости» не пела! Она у тебя хорошо получается!..

— Мам! Спой «Как за речкой за рекой...».

— Ну, мамуля! А эту — «Пойду, сяду под окопце»!..

Марья Петровна поет спокойно, хорошо, четко выговаривая каждый звук в песне. Песни она любит, и голос у нее приятный, а самое главное — она глубоко чувствует содержание песен. Негромкий голос, кажется, оживает, живописует все переживания лирической героини песни:

Ой, ходила я, девушка, по борочку,
Сколота да я ноженьку на дремочку.
Болит, болит ноженька, да не больно.
Любил меня милый друг, да недолго.
Поехал да мой миленький в городочек,
На малое времечко — на один часочек.
Часочек мне покажется да за денечек,
Денечек мне покажется да за неделку,
Неделюшка-матушка — она мне за годочек...

Зина обижается на маму: уезжает, а мать на нее внимания не обращает. Марья Петровна спохватывается:

— Зинушка моя родненькая! Да ты яичек возьми, в ведре — они свежие, да огурчиков пойдя нарви, да побольше... Зинушка! — И нам, смеясь: -- Вот — народила, и покою нет! Растила когда — после войны ведь, что там — одна картоха, сядут все за стол, а я себе:

Ох, лисица космонога,
Народила детей много.
Подошел вечер,
А кормить нечем!

А люди мне: «И как это ты, Марья, кормишь такую ораву!» И про песни не забывала... Ну, я вам спою еще одну, да и хватит!

И Марья Петровна поет... Поет одну, потом другую, потом третью — и возвращаемся мы в Косичино уже вечером...

Наша дорога вьется по лугу. Луг скосили, и он весь уставлен стожками мятно пахнущего сена. На луг уже опустился туман, и дальние стожки темными пятнами скрываются за ним. Туман стелется низко, сливаясь на горизонте с пылающим от заката небом, и кажется, что плывешь по сказочному сине-розовому морю, пахнущему лесом, ягодами, сеном... Слышится тихая короткая переключка косарей и влажное ритмичное вжиканье кос. Мы идем молча, очарованные и красотой луга и песнями...

...Сейчас, когда я дописываю эти строки, все видится уже на расстоянии. Я в Москве. Время пролетело — и не заметил как.

В конце нашего пребывания в Косичине местные ребята уже стали приносить девушкам цветы, сорванные в своих палисадниках, а Ольгу даже привозили из дальней деревни на новеньком «Запорожце».

Ольга Огурцова вместе с Ирой, своей напарницей, сидела в последнюю ночь перед отъездом и переписывала собранные накануне тексты традиционных песен, все время подходя ко мне (в эту ночь никто не спал) и радостно спрашивая:

— А эту песню, наверное, еще никто не записал?

— Нет, Оля, никто... Вы с Ирой записали редкую песню!

Какая пара больше записала — Маша с Наташей или Ида с Валей, — так и не выяснилось. Маша с Наташей записали три общих тетради, а Ида с Валей — две, но, во-первых, у Иды с Валей почерк куда мельче, чем у Маши с Наташей, а во-вторых, Ида с Валей почти ничего не переписывали из альбомов...

Но самое главное, конечно, — это наши исполнители! Все время почему-то вспоминается одна и та же картина. Девушки стоят перед Евдокией Терентьевной Новиковой. Они пришли к ней домой и просят спеть песню. Она и поет:

Вот вам, девки, песенка:
Есть на печку лесенка!
Если будете искать,
Я на печке буду спать,
А на печке за трубой
Не достанешь кочергой!

На другой и в последующие дни Евдокия Терентьевна напела нам около тридцати великолепнейших традиционных песен.

с. Косичино,
Калужская область.

Что может быть прозаичнее хлеба или свиначка? Ручаюсь, большинство читателей этой статьи если и полагает, что существуют на свете удивительные вещи, то уж, во всяком случае, не на животноводческой ферме. А между тем в современном животноводстве удивительное — не редкость, и пользоваться теперь вековым словом «хлев» ничуть не лучше, чем словом «изба» применительно к нынешним высотным зданиям.

На ферме, куда ни глянь, то и дело возникают многочисленные проблемы. Взять животноводческие помещения. Здесь уже полтаит в себе множество сложных, порой головоломных проблем. Стены — тоже проблема. Из чего и какими их строить? А должно ли быть что-нибудь выше крыши? Или вот еще: когда, как и каких животных или птиц выгоднее содержать в «слепых» помещениях — без окон, со сплошными стенами? Даже воздух в помещениях для животных — тоже проблема не из легких. Как добиться, чтобы он всегда был чистым, достаточно теплым зимой, в меру влажным и прохладным летом?

Но помещениями не исчерпываются все проблемы животноводства. Они необычайно разнообразны, нередко уникальны. Ими занимаются специалисты многих отраслей знания, в том числе инженеры. Необходимость решения вставших в последнее время задач и породила самое выражение «индустрия ферм».

Индустриальная животноводческая ферма — это и продуманное во всех деталях помещение для животных и сложные комплексы специальных машин, механизмов, приборов. Это автоматизированное программное управление производственными процессами. Это, наконец, многообещающая область применения вездесущей электроники, которая хотя еще и не стала, но уже становится повседневностью в животноводстве.

Разве уже это не удивительно?

С пищей на нашей планете не все благополучно. Между тем подсчитано, что земля может прокормить гораздо больше людей, чем на ней сейчас проживает. Но как? Отвлечемся от социального аспекта проблемы. Рассмотрим только хозяйственную ее сторону. Здесь один из ответов на это «как» совершенно

**АЛЕКСАНДР
ЗАЛЫГИН**

ИНДУСТРИЯ ФЕРМ

Рисунок
Н. ОФФЕНГЕНДЕНА

очевиден: чтобы в достатке производить для людей животноводческую продукцию, совершенно необходим достаток кормов для животных.

«Молоко у коровы на языке» — гласит народная мудрость. О значении кормов не скажешь точнее. С них, собственно, и начинается животноводство.

Масштабность проблемы кормов грандиозна. Судите сами. Численность населения нашей страны — 250 миллионов человек. Чтобы обеспечить их полноценной пищей, нужно ежегодно выращивать, то есть прежде всего опять-таки кормить миллионы коров, свиней, овец, кур.

Основной источник пищи — земля. Ее возможности безграничны. Пользоваться ею нужно рационально. Известная часть земли отводится для животноводства — под кормовые культуры, под пастбища. Но на этих площадях, и немалых, можно было бы выращивать продукты питания и для человека. Таким образом, животные становятся вроде бы нашими конкурентами в использовании земли. Но именно в организме животного превращаются в ценнейшие продукты питания травы, солома и многие другие корма, не идущие в пищу человека. Некоторых животных можно разводить и пастись на площадях, непригодных для использования под земледелие, — в полупустынях, пустынях, в тундре, в горах.

В последнем справочнике по кормлению животных приведено до семисот (!) видов кормов. Новейшие достижения химии, микробиологии и других наук позволяют получать корма почти из всего, из чего можно извлечь кормовые калории, — даже из древесных опилок. Не следует только полагать, что это — такое уж простое дело. Чтобы практически освоить теоретически возможное, требуются огромные усилия науки и промышленности.

Ученые постоянно создают новые, невиданные ранее корма, инженеры конструируют новые машины, разрабатывают механизированную технологию заготовки кормов. Сейчас существуют машины и хранилища почти для всех видов кормов. Причем четко выявилась тенденция к укрупнению кормохранилищ. Так, в США недавно построена траншея-гигант для закладки 54 тысяч тонн силоса. Это соответствует грузоподъемности примерно 35 железнодорожных составов.

Обычные траншеи вмещают от одной до трех тысяч тонн силоса, но в любом случае независимо от вместимости к современным кормохранилищам предъявляются одинаковые требования: заводское изготовление их элементов, доставка на место в комплекте, монтаж промышленными способами. Да иначе и быть не может! Даже неспециалисту ясно, что заготовить и сохранить несколько тысяч тонн силоса дедовскими способами просто невыполнимо. Отсюда естественный вывод: чтобы производить животноводческую продукцию на промышленной основе, необходимы своевременно и качественно построенные капитальные кормохранилища.

Мы еще вернемся к проблемам кормления животных. Посмотрим, как обстоит с некоторыми другими сторонами индустрии ферм.

Издавна рачительный хозяин стремился укрыть домашних животных на время ненастья или зимовки. Укрытия были примитивными — это предопределялось вековой примитивностью самого скотоводства. Хлев — почти единственное, что строили, кто как умел, для размещения в нем одного или нескольких животных. А если животных много? Ведь современные животноводческие комплексы — а именно они создаются сейчас в нашей стране — это прежде всего концентрация на фермах большого количества коров, свиней или птицы.

Представить себе стадо в тысячу коров нетрудно. Гораздо труднее представить помещение, в котором можно под одной крышей не просто разместить, но содержать такое количество животных. Впрочем, такое помещение уже существует — оно вмещает даже тысячу сто коров. «Домик» этот, правда, пока экспериментальный. Но он есть. Он буквально пронизан различными инженерными коммуникациями, механизированными линиями подачи кормов, очистки помещения, отопления, вентиляции и освещения.

Тысяча сто коров не предел. В совхозе «Щапово», Московской области, возводится — иного слова не подберешь — молочная ферма, рассчитанная на размещение в одном здании двух тысяч коров. Правда, подобные фермы уникальны. На обычных фермах пока строят по типовым проектам коровники на двести и четыреста голов. Это, однако, тоже немало и непросто. Ну, а осваиваемые наиболее крупные животноводческие комплексы вообще не могут работать четко и эффективно без применения электронно-вычислительных машин, методов линейного программирования и составления экономикоматематических моделей. Поэтому предусмотрено создать специально для таких комплексов автоматизированные системы планирования, управления и учета. Эти системы позволяют определить и оптимальные условия содержания скота и птицы, и воспроизводства стада, и обеспечения ритмичной работы. Они же подскажут и выбор самых выгодных режимов кормления животных.

В современном животноводческом помещении человек применяет разнообразное инженерное оборудование, управляет и тепловым и световым режимом. Но ведь та же корова или курица — это живое существо. Не зная инстинктов, рефлексов, повадок — словом, поведения животных, — нельзя создавать машины, которые будут находиться с ними в определенном взаимодействии!

Оператор современного животноводческого комплекса видит на своем пульте лишь кнопки и приборы. Но на деле он управляет и машинами и животными, на которых эти машины так или иначе воздействуют. В треугольнике «человек — машина —

животное» скрывается непечатый край работы для исследователей. Здесь мы стоим на краю самых неожиданных и важных открытий.

На территории ферм находятся кормохранилища, кормоцеха, вспомогательные сооружения, дороги, тепловые и водопроводные коммуникации и т. д. Поэтому, например, крупный комплекс для откорма 108 тысяч свиней в год занимает 24 гектара земли. Обширных площадей требуют и бройлерные фабрики на миллионы голов птицы.

Где земли в обрез — там свои меры ее экономии. В Японии и некоторых других малоземельных странах, на окраинах Лондона строят, например, многоэтажные свинарники. У нас земли, конечно, побольше, но это не значит, что ее можно разбазаривать. В Латвии уже строится птицефабрика на двести тысяч кур-несушек, которая разместится в шестизэтажных зданиях. Многоэтажные птичники возводятся и в других районах страны. Проектируются четырехэтажные свинарники.

Земельную площадь теперь экономят повсеместно, и появление многоэтажных зданий на фермах не дань моде, а знамение времени.

По космогоническим представлениям древних, Земля покоилась на трех китах. Современному животноводству трех «китов» не хватит. Ему требуется больше опор.

Первая из этих опор — породность. Только породистые животные могут обеспечить высокий выход продукции, независимо от того, идет ли речь о надоях молока или о яйценоскости кур. Поэтому для улучшения существующих и выведения новых пород скота и птицы в СССР созданы сеть научно-исследовательских учреждений и специальные племенные фермы.

Но даже самые породистые животные низкопродуктивны при неполноценном кормлении. Накормить животное — вовсе не значит просто дать ему съесть что-нибудь. Без науки о кормлении современное животноводство невыполнимо.

В основе эксплуатации крупного животноводческого комплекса лежат принципы работы промышленного предприятия и прежде всего гарантированный постоянный ритм выпуска в любое время года заданного типа продукции. Причем и по количеству и по качеству, как на заводе. К примеру, типовой свиноводческий комплекс, рассчитанный на откорм 108 тысяч свиней в год, должен ежедневно сдавать триста свиней стандартным весом 112 килограммов.

Чтобы такой комплекс функционировал бесперебойно, все условия откорма следует строго стандартизировать: животные должны принадлежать к одной и той же породе, находиться в одинаковых условиях, обеспечиваться однотипным по питательности и режиму кормлением. Стоит не соблюдать, скажем, последнее условие, и свиньи в одной группе окажутся более жирными, а в другой — более тощими, чем определено нормой, то есть нарушится промышленный принцип однотипности продукции. Если продолжать докармливать худых животных до стандартного веса, их придется сдавать позднее планового срока. Нарушится другой промышленный принцип — ритм. Короче говоря, от животноводства на промышленной основе останется одно название.

Другой пример — новые птицефабрики. На современной птицефабрике, где выращивают три миллиона мясных цыплят-бройлеров в год (причем по весу эти цыплята — почти куры), цыплят считают не «по осени», а ежедневно. Каждый день здесь на убой сдают десять тысяч бройлеров почти одинакового

веса. Но явился этот «десятьтысячный» ритм не по щучьему велению. И кормление птиц и уход за ними налажены по часам и минутам. В точно определенное время специальные аппараты дают нужные команды. Кому? Машинам.

Так появляется на сцене еще один «кит» — механизация. Без нее современный животноводческий комплекс и представить невозможно. Прежде всего для его обслуживания потребовалась бы целая армия людей. К тому же ручной труд в животноводстве очень тяжел и иногда небезвреден для здоровья человека. Наконец, без механизации нельзя стандартизировать условия содержания животных.

Техника, применяемая в животноводстве, чрезвычайно разнообразна, ибо разнообразны и виды животных и способы их содержания: привязной и беспривязной — на фермах крупного рогатого скота, выгульный и безвыгульный — в свиноводстве, напольный и в клетках — на птицефабриках.

Сегодня можно определенно сказать, что не осталось ни одного из основных процессов на ферме, для механизации которого не существует соответствующих машин. Правда, не все они пока одинаково совершенны, но промышленность уже выпускает для нужд животноводства множество надежных, соответствующих своему назначению машин и механизмов. Другое дело, что эти машины появились еще далеко не в каждом совхозе или колхозе. Чтобы насытить техникой все хозяйства, нужно время.

Далее. Обязательное условие высокой продуктивности скота и птицы — надлежащий микроклимат в животноводческих помещениях. Уже четыре тысячи лет назад в Египте и Вавилоне существовали наставления о врачевании домашнего скота; в них имелись и упоминания о гигиене содержания. Однако во всех странах история гигиены животных была связана почти исключительно с выведением и разведением новых пород. «Комфорт» создавался лишь для элиты, для избранных представителей рода одомашненных животных.

Современное животноводство решает задачу создания должного комфорта для всего поголовья животных и птицы на ферме. Это — неперемное условие их высокой продуктивности. Температура, влажность воздуха, концентрация в нем пыли, микробов и ядовитых газов не должны превышать нормы. Поэтому уже издали видны возвышающиеся

над крышами животноводческих помещений вентиляционные шахты, а в самих помещениях смонтированы вентиляционно-отопительные установки, иногда и кондиционеры воздуха. Специальные датчики автоматически включают вентиляционные или отопительные системы, как только влажность или температура воздуха выходит за пределы нормы. Сглаживать колебания температуры внутри помещения помогают и стены. Их материал, конструкция и толщина для каждой природно-климатической зоны определяются после тщательных исследований и подбираются так, чтобы тепло излишне не просачивалось наружу, а холод не проникал внутрь помещений.

Чистота воздуха в помещениях зависит и от своевременной их очистки, а способ очистки — от конструкции полов. Существуют полы самых разнообразных конструкций: планчатые, сплошные со встроенными в них механизмами для очистки, решетчатые — их чистят не механически, а гидросмывом — и т. д. Столь необычное внимание к полам объясняется тем, что на современной ферме животное или птица вынуждены большую часть жизни, а иногда и всю жизнь находиться на полу.

На продуктивности животных заметно сказывается и режим освещения. Вот почему, чтобы не зависеть от нерегулярности естественного, солнечного света, появились помещения «слепые», без окон. Специальные программные устройства автоматически включают или выключают искусственный «дневной» свет в режиме, который установлен экспериментально как наиболее выгодный для данных животных.

И снова о кормлении. Помните у Крылова: «Беда, коль пироги начнет печи сапожник, а сапоги тачать пирожник». Чтобы избежать подобной беды, современные механизированные кухни для скота, как и вообще все машины в животноводстве, доверяют лишь тем, кто хорошо знает технику.

Животные и птицы не всеядны. Что охотно едят одни, в рот не возьмут другие. И все-таки, преодолев немалые трудности, ученые сумели привести в четкую систему многообразие предопределенных самой природой вкусов живых существ. К приме-

ру, полноценные комбикорма включают до двадцати кормовых компонентов, минеральных и витаминных добавок. Их можно по-разному подобрать из 230 кормовых средств, которыми располагает теперь комбикормовое производство. Число возможных комбинаций при этом выражается поистине астрономической величиной. Для того, чтобы подобрать самые рациональные комбинации ингредиентов, специалистам по кормлению приходится обращаться к помощи электронно-вычислительных машин.

Производство многих видов кормов сейчас осуществляется промышленным путем. Существуют и комбикормовые заводы, и заводы мясо-костной и хвойно-витаминной муки, и заводы по выпуску лизина. (Добавка к тонне кормов лишь одного килограмма лизина позволяет дополнительно получить 60 килограммов мяса!) Подобно лизину, «работают» и биологические ферменты — граммы окупаются килограммами. В ближайшие годы будет построено несколько крупных промышленных предприятий, выпускающих ферменты.

Давно замечено, что некоторым животным больше идут впрок измельченные корма. Поэтому зерно терли в ступах, мололи. Это был трудоемкий и малопроизводительный процесс, к тому же он не позволял получать частицы корма в нужных пределах. Дело в том, что у разных животных разные и системы пищеварения. Лошади, например, хорошо усваивают неизмельченный овес (правда, они его пережевывают), а вот свиньи жевать не любят. Корм для них на свинофермах сейчас «пережевывает» машина-дробилка. Для птицы зерно тоже нужно дробить, причем «дробинки» должны быть определенного размера — только тогда они будут усваиваться наилучшим образом.

Корма не только дробят, их смешивают, готовят в виде гранул, брикетов, паст и т. п. Любой современный способ приготовления кормов для животных преследует несколько целей. Одна из них — придать корму свойство, которое называется технологичностью. Расшифровывается этот термин так: корм должен легко поддаваться воздействию рабочих органов механических погрузчиков, транспортеров, дозаторов, смесителей, кормораздатчиков и других машин.

Гранулы, к примеру, весьма технологичны. Некоторые виды кормов — сенаж, комбикорма — технологичны сами по себе. Другие виды кормов делают технологичными с помощью машин — например, стали измельчать сено.

Сейчас наша промышленность серийно выпускает много видов кормоприготовительных машин. Но приготовить корм — это полдела; его еще нужно подать «к столу». Это делают машины-кормораздатчики. Они многообразны, потому что многообразны способы раздачи, виды, состояния и свойства кормов. Задача конструкторов — насколько возможно уменьшить количество типов машин, сделать их более универсальными, то есть способными работать на разных кормах.

То, о чем только что сказано, в первую очередь волнует конструкторов. Тех же, кто работает с машинами непосредственно на фермах, волнует прежде всего надежность техники. Вот характерная картина. Сдается в эксплуатацию новая ферма. Настроение у всех присутствующих, естественно, приподнятое. Но нет-нет на лицах приемщиков мелькает выражение озабоченности: как-то поведет себя все это техническое оборудование завтра, в повседневной эксплуатации. Чем больше машин на ферме, чем они сложнее, тем больше вероятность их поломок, неисправностей, отказов. Ведь что такое, на-

пример, неожиданная поломка кормораздатчика на крупной ферме? Дело не только в том, что не оберешься рева или кудахтанья. Главная беда — срыв режима кормления, неизбежное снижение продуктивности животных.

Еще одна проблема — нормирование раздачи кормов на фермах. Тут основная сложность в том, что, например, удой каждой коровы — величина не постоянная: он изменчив. Соответственно нужно менять и норму кормления. Но коров на крупной ферме множество. Как тут проследить за удоем каждой? И не только проследить, но своевременно назначить новую норму кормления.

Учет удоев и реакция на их изменения должны быть оперативными, гибкими, быстрыми. Не вооруженный технически человек с этим справиться не в состоянии. Поэтому для промышленных молочных комплексов недавно разработана автоматизированная система индивидуального нормирования корма в зависимости от удоев. Эта система автоматически собирает информацию об удое каждой коровы за несколько суток, обрабатывает ее на электронно-вычислительной машине и точно рассчитывает, сколько какому животному выдавать корма. В результате устанавливается не приблизительный, но именно оптимальный режим кормления. Эффективность действия установки особенно ощутима на крупных фермах. Недокорм животного приводит к ущербу от снижения удоа, перекорм — перерасход кормов, а все это означает многотысячные убытки.

Сельское хозяйство, в том числе такая его важнейшая отрасль, как животноводство, по организации производства и технической оснащенности неуклонно сближается с промышленностью. Но это не значит, что все животноводство будет базироваться исключительно на крупных и гигантских комплексах (они, кстати, намечены к строительству и возводятся пока только в окрестностях больших городов и промышленных центров). «Обычные», средние фермы будут эксплуатироваться еще долгое время, но обязательно комплексно механизированные. Для этого можно использовать уже существующие машины, механизмы и приборы.

Наше животноводство ведет счет на десятки тысяч тонн мяса, миллионы литров молока, миллиарды яиц. Как же собирают все это добро?

Многие из вас, наверное, видели американские «вестерны» с их героями — непрерывно стреляющими ковбоями. На самом деле воинствовать еще «по штату» положено гораздо более мирная работа: к примеру, отлов из стада откормленных бычков. Само слово «ковбой» и переводится на русский язык как «коровий мальчик», попросту — пастух. Отлов бычков и есть начало сбора будущего мяса. Раньше это делали с помощью лассо и арканов — тяжелая и небезопасная работа. Сейчас стараются облегчить даже отлов цыплят — бройлеров в птичниках. На соответствующие изобретения уже выданы патенты.

Улыбаетесь? А зря, хотя, спору нет, на первый взгляд это может показаться смешным. Но попробуйте-ка поймать руками хорошо откормленного, а потому полного сил и прыти цыпленка. Допустим, вам это в конце концов удалось. Теперь отловите еще 9 999 цыплят! Можете и не пытаться. А между тем именно до десяти тысяч цыплят приходится ежедневно отлавливать для убоя в птичниках современных бройлерных птицефабрик. Теперь понятно, что изобретение механического средства для

отлова птиц не чудачество, а суровая необходимость.

Сбор «урожая» мяса заканчивается тем, что откормленных животных автомобильным, железнодорожным или водным транспортом отправляют на мясокомбинаты. А вот птицу на мясо забивают непосредственно в хозяйствах. И не просто забивают, а доводят тушки до того товарного вида, в котором они и поступают в продажу, то есть ошпаренными, выпотрошенными, иногда и упакованными в целлофановые пакеты. В существующих цехах за смену забивается и обрабатывается до двух тысяч голов водоплавающей птицы, от трех до десяти тысяч бройлеров. Забитая электроглушением птица перемещается конвейером в камеру для ошпаривания, оттуда в бильные машины, где с тушек снимается оперение. Далее следуют машины и автоматы для потрошения тушек, их предварительного складывания, автоматической расфасовки по весу и, наконец, подачи в холодильные камеры склада. Это уже настоящая индустриальная поточная линия для обработки выращенной на мясо птицы.

Молоко у животных падают и на выгулах и на фермах. Доят с помощью передвижных и стационарных доильных установок. Машинное доение механизировало самый тяжелый ручной труд на молочной ферме, оно привело к исчезновению профессиональных забойщиков рук у доярок. Принципы машинного доения известны уже более ста лет. С тех пор техника такого доения непрерывно совершенствуется. К сожалению, с внедрением ее новшеств в практику у нас еще не все благополучно.

Создавая и внедряя доильное оборудование, приходится преодолевать одни трудности, обрабатывая и транспортируя надоенное молоко, — другие. Молоко — продукт капризный, в обращении с собой промедления не терпит. Оно скисает, при соприкосновении с воздухом теряет свои качества, насыщается бактериями. Поэтому молоко перевозят в закрытых цистернах. Разработаны способы транспортировки молока по подземным трубам. Такой молокопровод, заложенный от фермы, может напрямую питать молоком маслодельные, консервные и сыроваренные заводы. Опыт эксплуатации транспортных молокопроводов уже есть и у нас и за рубежом.

Яйца на птицефабриках собирают миллиардами. Существуют прямоточные, непрерывные, автоматизированные линии, охватывающие все операции — от сбора яиц у места яйцекладки до выдачи их со склада. Птицеводство вообще начало первым переходить на промышленные основы. Сейчас выпускаются все необходимые машины, из которых можно комплектовать технологические линии для обработки и сортировки семи — девяти тысяч яиц в час.

Хрупкость яичной скорлупы стала нарицательной. Поэтому нетрудно представить, с какой ювелирной точностью и аккуратностью работают машины на этих линиях. Маленькое яйцо поставило перед конструкторами много больших трудностей. Сейчас подготовлена к производству поточная автоматизированная линия, которая будет обрабатывать и сортировать 212 тысяч яиц в час!

Последняя по порядку (но, разумеется, не по значению) основа современного животноводства — кадры специалистов. Кадры, кадры, снова кадры... И трудности на каждом шагу. С одной стороны, людей на фермах в результате механизации и автоматизации становится все меньше. С другой стороны, сегодня животноводство требует

неизмеримо большего, чем вчера, числа хорошо подготовленных, высокообразованных специалистов. Вековые профессии животноводов самым радикальным образом меняют свой облик. Птичница, доярка, пастух, свиновод наших дней должны иметь специальное образование. Современным фермам нужно множество специалистов таких профессий, которые раньше к сельскому хозяйству вообще никакого отношения не имели, — например, операторов электронно-вычислительных машин.

...У популярности свои, пока мало изученные секреты. Скажем, едва ли не самая популярная у школьников профессия — киноактер. Но что представляет собой в действительности труд артиста кино, едва ли знает даже один из ста подростков, мечтающих о поступлении во ВГИК. Я очень уважаю профессию геолога, но убежден, что нынешняя повальная увлеченность ею в значительной степени порождена романтическими кинофильмами и гитарным фольклором.

В одной сельской школе провели опрос выпускников. Социологи интересовались, какая сельскохозяйственная профессия пользуется наибольшей популярностью. Первое место поделили профессии тракториста и комбайнера. Последнее место заняла профессия животновода.

Мне кажется, этому можно дать два объяснения. Первое: многие юноши и девушки считают, что труд в животноводстве — по-прежнему занятие тяжелое и грязное (в буквальном, а не переносном смысле слова). Второе: молодежь не знает, что нынешний животновод имеет дело с машинами, порою более сложными, чем трактор и комбайн.

В самом деле, многие ли читатели этой статьи слышали, что в мировой практике уже есть фермы-автоматы, где выполнение отдельных работ не требует ни участия, ни присутствия человека?

Многие ли видели выпущенную студией «Центрнаучфильм» цветную ленту «Тамбовский промышленный»? Это кинорассказ об экспериментальном свиноводстве-автомате, построенном в селе Новая Лада. На этом комплексе промышленного типа машинами для раздачи кормов, уборки помещений, обеспечением запрограммированного микроклимата управляют автоматы. Работать на таком объекте ничуть не менее интересно, чем быть оператором в современном промышленном производстве.

Никогда не был и вряд ли будет простым делом выбор молодым человеком будущей профессии, занятия по душе не на день — на всю трудовую жизнь. Всегда существовала и будет существовать капризная и изменчивая, как во всем другом, мода на отдельные профессии.

Но нужно, чтобы юноша или девушка, делая свой выбор, достаточно хорошо знали объективное содержание своей будущей профессии, а не руководствовались случайно сложившимися представлениями. Тогда их ждет гораздо больше радостных открытий, чем горьких разочарований.

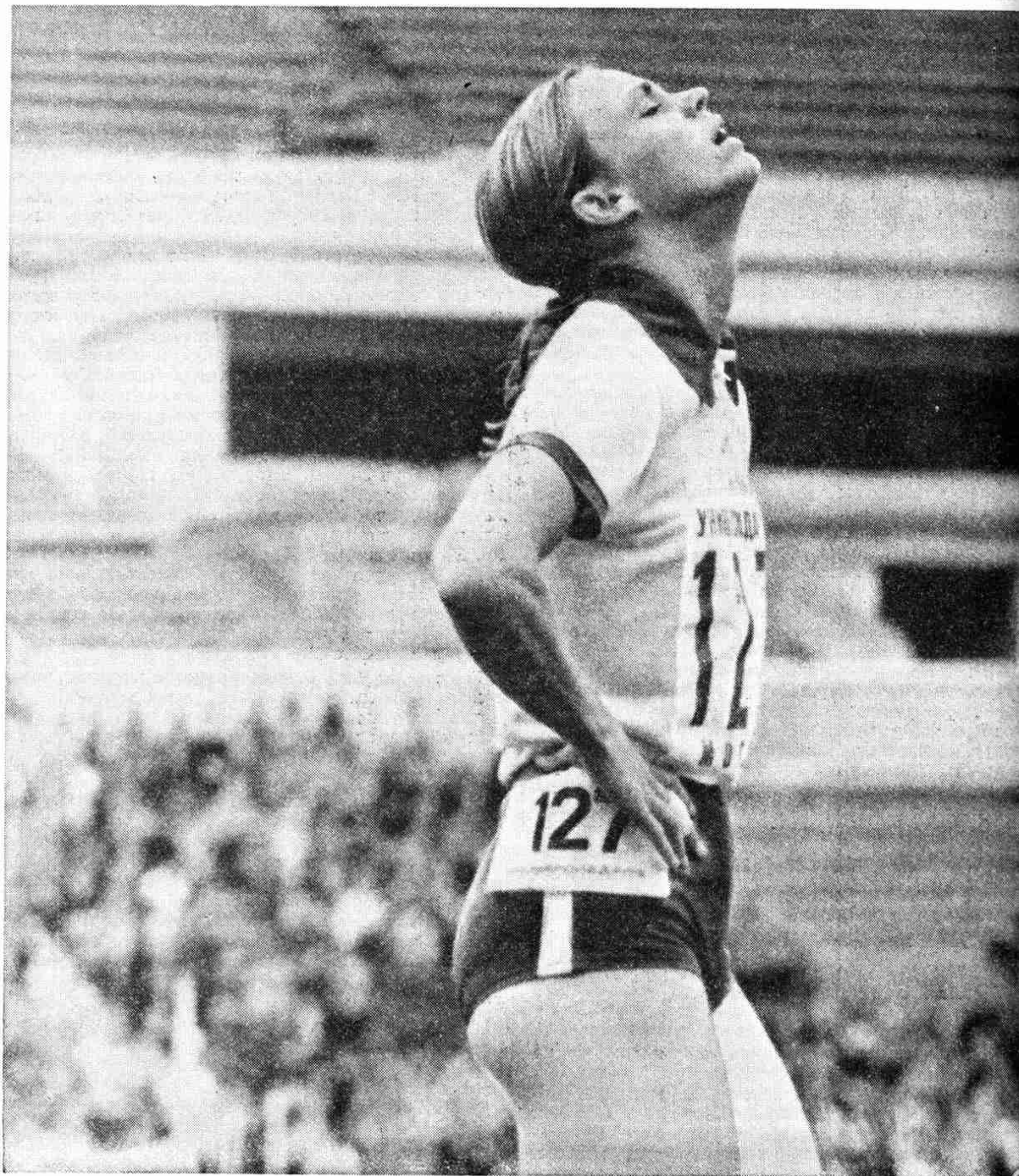
Те, кто придет завтра в индустрию ферм, найдут там перспективную, содержательную и, если хотите, увлекательную работу.

г. Киев.

ДЕВУШКА, РОДИВШАЯСЯ

Фото А. КАРЗАНОВА.

В ЮХАННУС

*Подлинным праздником
мира и дружбы*

*стала московская Универсиада,
в которой участвовало
более четырех тысяч студентов
из 72 стран.*

*На этой Универсиаде,
которая проходила в благотворной обстановке
разрядки международной напряженности,
юность земного шара продемонстрировала
стремление к взаимопониманию,
солидарности, к укреплению
спортивных связей.*

*Убедительны и чисто спортивные
итоги Универсиады-73.*

*Наибольшее количество медалей
завоевали советские студенты.*

*Отличились на Универсиаде
и многие из наших гостей.*

*Так, например, подлинной героиней
легкоатлетических состязаний
стала Мона-Лиза Пурсиайнен из Финляндии,
блистательно победившая
в забегах на 100 и 200 метров.*

*Мону-Лизу Пурсиайнен,
которой был вручен специальный
приз нашего журнала,
представляет читателям «Юности»
корреспондент АПН
в Финляндии Рейма РУХАНЕН.*

На снимке слева: Мона-Лиза Пурсиайнен
по окончании забега на 100 метров.

Сразу после финального забега на 200 метров, который принес Моне-Лизе вторую золотую медаль чемпионки студенческих игр, еще раз горячая ленинградка Марина Сидорова — основная соперница Моны-Лизы — подошла к ней, расцеловала и вручила подарок. Это не был жест на публику. Мону-Лизу полюбили в Москве не только зрители, но и соперницы. Эта сдержанная и строгая северянка выигрывала с большим преимуществом, но ни взглядом, ни жестом не подчеркивала своего превосходства. Ее сдержанность сочеталась с безукоризненным благородством, что очень соответствовало духу московской Универсиады.

Ей 22 года. Она родилась в июне, в канун самого большого летнего праздника финнов — в Юханнус (Янов день), когда солнце совсем не опускается за горизонт и в полночь зажигают костры, чтобы солнце взяло тепло людей и короткими зимними днями чаще заглядывало в каждый дом. Это праздник солнца, праздник начала лета.

Детство Моны-Лизы прошло в тихом северном городке Коккола. Мать ее повариха, отец дворник в местном шведском училище. Мона-Лиза рано занялась спортом. Ее увлек спортом дядя, который был одним из сильнейших лыжников Финляндии. Она любит выступать не только в крупных соревнованиях, но и участвовать, например, в традиционных матчах Хельсинкского (она студентка 3-го курса факультета физического воспитания) и Тартуского университетов. Кстати, с Универсиады она уехала сразу же после победы в забеге на 200 метров, чтобы выступить на следующий день перед земляками в Коккола.

Два года тому назад на матчевой встрече Швеция — Финляндия Мона-Лиза познакомилась со светловолосым барьеристом Паули Пурсиайненом, фамилию которого она стала носить с этого июня. Они живут в однокомнатной квартире в рабочей части Хельсинки. Перед самой Универсиадой я побывал у них в гостях. Мона-Лиза, смущаясь, угощала меня пирогами собственного изготовления.

— Вы любите готовить? — спросил я.

— Мона-Лиза очень любит дом, кухню, любит готовить, — ответил за нее Паули.

Паули вообще часто отвечал за нее, а Мона-Лиза лишь молчаливо с ним соглашалась. Она выглядела домашней и спокойной. Во всем верит мужу. Беспрекословно верит своему тренеру Пентти Хелину, создавшему в Финляндии свою школу спринта.

— Я начала тренироваться у Пентти Хелина, — говорила мне Мона-Лиза, — в том же году, когда познакомилась с Паули. Наверное, обе встречи повлияли положительно на мои результаты, — улыбалась она.

В Мюнхене она участвовала в полуфинальном забеге на 400 метров. В этом году победила в полуфинале Кубка Европы в Варшаве в забеге на 100 метров с результатом 11,19.

Она очень трудолюбива и исполнительна. Правда, характер у нее не совсем спринтерский: не умеет, например, злиться перед стартом. Однако на Универсиаде это не помешало ей.

— Каковы ваши дальнейшие планы? — спросил я Мону-Лизу в Москве.

— Хочу бежать на Олимпиаде в Монреале.

— А не расхочется ли это с вашими семейными планами?

— Нет, мой муж тоже спортсмен...

ВЛАДИМИР
СЕРГЕЕВ

ВОКРУГ ГТО

*Заметки воспитателя
рабочего общежития*

Помню общезаводский митинг около первой проходной ЗИЛа, посвященный введению нового комплекса «Готов к труду и обороне СССР». Выступали ветераны спорта, значкисты ГТО тридцатых годов, комсомольцы завода. В заключение решили: «Каждый молодой автозаводец обязан в ближайшие два года сдать нормативы ГТО».

С митинга я шел несколько озабоченный. В горячке приняли столько всяких обязательств по сдаче комплекса, а сумеем ли выполнить эти обязательства в срок? Нужно бы сначала подготовить базы, актив, стадионы. Об этом и следовало вести разговор на митинге, а у нас с трибуны провозглашали: «Сдадим! Сдадим!» И ни слова о том, где будем сдавать, как. И уже пришла телефонограмма: «Подготовить не менее 25 человек значкистов к летней спартакиаде в июне». Да разве же такие вещи делают за три месяца? Чепуха какая-то получается. Хорошее дело превращают в лотерею...

Замечаю, как постепенно у нас наметилась опасная тенденция в работе по сдаче нормативов ГТО, — назову ее гетеманией. Гетемания — это стремление некоторых руководителей любым путем накачать как можно больше значкистов в своем коллективе. «План по ГТО — любой ценой!» — вот девиз таких руководителей. Но сдать нормы ГТО не так-то легко. Тут штурмом и наскоком не возьмешь. Нормы специально на то и рассчитаны, чтобы их сдавать в течение двух лет. Именно за это время и должен человек приобщиться к физкультуре. Но некоторые руководители, видя, как щедро награждают тех, кто уже выдал на-д-орá большое количество значкистов, и как ругают тех, кто отстаёт, жмут всю на физоргов. А те, идя на поводу, делают все, чтобы упростить сдачу нормативов. Такой физорг не особенно заботится о тренировках, о подготовке людей к сдаче, не консультируется с врачом. Его цель — охватить сдачей норм как можно больше людей.

Столкнулся со спортивным инструктором Денисенко. Я пришел посмотреть, как у него идут дела в общежитии, просмотрел карточки сдающих нормы ГТО. Все вроде в порядке.

— Уже сдали двадцать четыре человека, — с гордостью сказал Денисенко. — На серебряный.

— Странно, совсем недавно у вас было мало значкистов.

— Темпы! — поднял большой палец Денисенко.

Я начал знакомиться со значкистами. Спрашиваю молодого парня:

— Как оценить жизненную емкость легких?

Молчание.

— Каковы признаки перетренированности?

Опять молчание. Никто из пяти спрошенных не ответил на эти мои вопросы.

— Вы что-нибудь попроще им задайте, — сказал спортивный инструктор.

Мне все стало ясно. Если уж сам спортивный руководитель не знает, что это вопросы из тех двадцати классических вопросов, на которые нужно отвечать при втором зачетном требовании, то что же спрашивать с ребят! Я сказал спортивному инструктору, что так нормы сдавать нельзя. Он в ответ заявил, что, мол, теория без практики мертва, что теория лучше познается в практике.

— Но ведь в инструкции по сдаче нормативов ясно сказано, что нельзя нарушать очередность зачетных требований. Вначале надо было сдать теорию, а потом уж и сами нормативы.

— Это бюрократизм. Я творчески подхожу к ГТО, — выпалил Денисенко.

А спустя неделю в общежитие приехала врач, курирующая наш участок. К ней подошел парень с бледным лицом и потускневшими глазами.

— Что с вами?

— Сам не знаю. Болят мышцы, голова, нет аппетита, плохо сплю. Никогда такого не было.

Врач осмотрела парня, поставила диагноз — перетренированность — и велела немедленно прекратить на две недели всякие тренировки.

— Не могу, — заупрямился парень. — Мы взяли обязательство всей бригадой сдать нормативы ГТО к седьмому ноября. Все сдали, а я вот отстал...

Каждому на заводе ясно, что такое техника безопасности. Каждый знает, как у нас сурово за ее нарушения наказывают: лишают премии и даже увольняют с завода. Но ведь и в ГТО есть своя техника безопасности. Это правила личной гигиены (второе зачетное требование). Так почему же его нарушают, а нарушители, прямо скажем, отделываются легкими замечаниями?

Штампо-механический цех — один из лучших на ЗИЛе по пропаганде и сдаче нормативов ГТО. Коллектив цеха постоянно завоевывает призовые места на соревнованиях по легкой атлетике, лыжам, футболу, туризму.

В чем секрет успеха? Может, им создали особые условия, может, план легкий? Ничего подобного! Руководители цеха за физкультуру и спорт агитируют не только словами, а делом и своим личным примером. Это здесь зародился ставший крылатым на ЗИЛе девиз: «Лучше и действенней всяких мер для руководства — личный пример».

Я разговорился в цехе со слесарем Анатолием Зайцевым, значкистом ГТО.

— Говорили нам о необходимости сдачи нормативов давно, но я все это как-то пропускал мимо ушей, — сказал мне Анатолий. — Зачем, мол, мне ГТО, я ведь и так физическим трудом занимаюсь. А потом повел нас Анатолий Михайлов — наш физорг и секретарь цехового бюро комсомола — на стадион. Смотрю: на беговой дорожке все наше начальство. Впереди бежит потный начальник цеха, Евгений Сер-

геевич Лавушкин, за ним парторг Иван Павлович Ипполитов, на другой стороне прыгает в длину предцехкома Федор Иосифович Гришин... «Что они тут делают?» — спросили мы Михайлова. «Тренируются для сдачи норм ГТО, — сказал он. — Каждый день по часу пропадают на стадионе». Ну, думаю, раз уж они, забитые делами, нашли время для тренировок, то мне и подавно надо сдавать. На другой день нас пришло на тренировки человек пятьдесят из цеха.

— Анатолий, все говорят, что занятия физкультурой повышают производительность труда. Ты это ощутил на себе?

— Еще бы! То, бывало, я сменное задание с трудом вытягивал, а домой шел как вареный. А потом, как стал тренироваться для сдачи норм, вдруг постепенно почувствовал, что делаюсь выносливее и сильнее. Судите сами: раньше я выполнял норму лишь на 101—102 процента, а теперь спокойно даю 125 и больше. И это не считаю пределом. Теперь смена кончается, а меня хватает хоть еще на одну смену.

В наш разговор включился еще один значкист ГТО — член цехового комсомольского бюро, ударник коммунистического труда Лев Капитонов.

— Лева, — сказал я ему, — вот многие ребята жалуются, что нет времени сдавать нормативы.

— Чепуха. Время всегда можно найти. Причем все это окупается. Я бы посоветовал всем, кто жалуется, проанализировать свой день. И они увидят, сколько даром тратится времени. Там проболтал с товарищем полчаса, там просидел у телевизора два часа, хотя ничего поучительного не было, там в домино играл. Ограничь все эти пустые занятия, и время, чтобы сдать нормативы, найдется. Мне лично, признаюсь уж по секрету, ГТО помог даже улучшить заработок. Да, да, я стал сильнее, бодрее и теперь за те же семь часов сорок минут делаю в полтора раза больше, чем раньше. ГТО во всех отношениях — дело рентабельное: и для здоровья, и для государства, и в материальном отношении.

После разговора с ребятами я спросил секретаря комитета комсомола цеха Анатолия Михайлова:

— У вас бывают случаи упрощенного подхода при сдаче нормативов?

— Чего греха таить, в первое время кое-кто пытался упростить сдачу — пропускали теорию, добавляли сантиметры, но мы сразу же это дело пресекли и теперь строго контролируем. Вот недавно был такой случай. Один товарищ решил помочь своему другу сдать норму по бегу. Пробежал раз стометровку, фамилию пишет свою. Потом смотрим: еще раз выходит на старт. А в карточку просит записать уже другую фамилию. Мы с помощником директора завода по физкультурной работе Мошкаркиным его взяли, что называется, с поличным. Ну, попало ему и его другу крепко. Многие требовали, чтоб вообще уволить с завода за такие проделки. Но ребята молодые — дали слово исправиться, и сейчас оба тренируются.

Затем Михайлов вынул из стола небольшой листок бумаги с надписью «Удостоверение»:

— Ну что это такое? Его даже стыдно показать друзьям. Простая бумажка. А ведь дается на всю жизнь. Мы слышали, что на некоторых заводах спортклубы решили сами выпускать хорошие удостоверения. Вы же знаете, какие удостоверения мы на заводе даем своим допризывникам, прошедшим курс подготовки. — Анатолий вынул из стола документ, похожий чем-то на вузовский диплом, только «корочки» алые. На внешней стороне золотыми буквами вытиснено: «Наказ допризывнику». — Вот это будешь хранить всю жизнь, им будешь гордиться. Почему же нельзя и для значка ГТО сделать подобное удостоверение?

Беседуя с председателем комиссии по ГТО ЗИЛа А. М. Ставицким.

— Чтобы покончить с приписками в ГТО, мы решили создать по своей инициативе контрольную комиссию, — говорит Александр Михайлович. — Сюда вошли физкультурники, имеющие спортивное образование, а также руководители спортклуба «Торпедо». Вот только вчера проверяли значкистов и ход сдачи нормативов в отделе технического контроля. Проверили у одних бег, у других прыжки, у третьих теорию. Учитывали все до десятой доли секунды. А они, черти, в основном показали результаты даже лучше тех, которые записаны в карточках. А все дело в том, что после сдачи нормативов они продолжают заниматься физкультурой. Вот это нам и надо. А самого физорга отдела Раису Кавакбаеву проверили по всем показателям. Можно сказать, даже придирались, спрашивали больше, чем положено знать по нормативам ГТО, но ничего — сдала. И вот теперь будем постоянно проверять каждый цех. Да не один раз. Сегодня проверим одних значкистов, через месяц в этом же цехе — других. Проверку так или иначе пройдут все. Ведь кое-кто рассчитывает взять ГТО штурмом, а затем прекратить занятия. Такие значкисты нам не нужны.

— А если кто не подтвердит свои результаты или выяснится, что после сдачи нормативов человек бросил заниматься физкультурой?

— Дисквалифицируем.

— Вы сказали, что создали эту комиссию по своей инициативе...

— Да, такая комиссия не предусмотрена. Но жизнь доказала, что она нужна, если мы не хотим это дело пустить на самотек и обесценить звание «Значкист ГТО».

Мы привыкли считать, что сдача нормативов спортивного комплекса укрепляет только здоровье. Но вот какую историю я хочу рассказать. На участке № 9 (общежития ЗИЛа для удобства называются участками) есть комната № 45. Года два тому назад она была одной из самых «трудных» комнат. Случались тут частенько выпивки, драки, в комнате было грязно. Беседы воспитателя помогали мало: комната по-прежнему жила своей жизнью. Но вот начались соревнования на спартакиаде, зачеты которой входили в комплекс ГТО. Мы пригласили на спартакиаду ребят из сорок пятой комнаты. Ребята сильные, крепкие. Сначала они победили на первенстве подъезда, потом на первенстве общежития. Это их сплотило, дало уверенность, что они и в самом деле чего-то стоят. Им захотелось участвовать в спартакиаде общежитий. Но тренер и воспитатель сказали: пока не наведете в комнате порядок, ни о каких соревнованиях и речи быть не может.

И ребята навели порядок. Старостой выбрали Александра Смирнова. Вскоре комната стала одной из лучших на участке. Ребят допустили к соревнованиям. И они добились многого — благодаря этим ребятам участок завоевал кубок по футболу. Все это воспитатель и спортивный инструктор использовали для того, чтобы увеличить требования к ребятам. Заставили их, например, делать утреннюю гимнастику. Вскоре это вошло в привычку. И сейчас комната № 45 является одной из лучших не только в общежитии, но и в отделе. Ребята все занимаются спортом: кто гимнастикой, кто бегом, кто туризмом, кто футболом. Все имеют отличные характеристики из цеха. Все занимаются и самовоспитанием. Прекратились выпивки, четверо уже бросили курить. Теперь сорок пятая сама помогает воспитывать других...

УТОЧНЯЯ ИЛЬФА И ПЕТРОВА

В конце прошлого столетия по распоряжению русского Главного штаба была издана книга «От Энтото до реки Баро». Подзаголовок гласил: «Отчет о путешествии в Юго-Западные области Эфиопской империи в 1896—1897 гг.». Автором книги был «лейб-гвардии его величества полка поручик» Булатович. Книга вызвала большой интерес. Вскоре вышло второе сочинение Булатовича: «С войсками Менелика II» — дневник похода из Эфиопии к озеру Рудольфа.

И вот совсем недавно, спустя три четверти века, обе работы, объединенные в одну книгу, снова изданы, на этот раз Институтом востоковедения Академии наук СССР. Кто же такой Булатович и почему после длительного забвения его сочинения вновь привлекли к себе внимание?

Хочу напомнить, что Булатовичем интересовались еще писатели Ильф и Петров. Илья Ильф набрел на его имя, листая страницы случайно попавшего к нему иллюстрированного приложения к московской газете «Русское слово» за 1914 год, под названием «Искры». Особенно заинтересовала Ильфа та страница, где в полной парадной форме был изображен brave офицер Булатович, о котором в тексте говорилось, что он возглавлял «Черный бунт» на «Святой Горе» Афона (Греция).

Эта страница биографии Булатовича подсказала авторам «Двенадцати стульев» образ «гусара-схимника» — графа Алексея Буланова, о котором назидательно рассказывает Воробьянинов Остап Бендер. Однако Булатович вовсе не был полупомешанным фанатиком, который едва не закончил свои дни в гробу, кишемшем клопами. Подлинная история «гусара-схимника» узнается из предисловия к академическому изданию книги Булатовича («С войсками Менелика II»), принадлежащего перу известного востоковеда, доктора исторических наук И. С. Кацнельсона.

Какова же эта история? Выходец из родовитой дворянской семьи, Александр Ксаверьевич Булатович с отличием окончил одно из са-

мых привилегированных учебных заведений того времени — Александровский лицей. Перед молодым титулярным советником открывалась блестящая карьера, но вдруг Булатович раздумал быть чиновником. Неожиданно для всех он поступил рядовым солдатом в лейб-гвардии гусарский полк. К 22 годам (он родился в 1870 году) Булатович дослужился до первого офицерского чина. Опять перед ним открылась возможность сделать карьеру, на этот раз на военном поприще: он был знатен, богат, ничем не опорочен, имел уже славу первоклассного кавалериста. И снова — «вдруг»... Александр Ксаверьевич бросает лейб-гвардию и добивается включения в состав миссии русского Красного креста, которая в 1896 году направлялась в Эфиопию. Негус Менелик II только что одержал под Адуа блистательную победу над итальянскими завоевателями.

Второе путешествие Булатовича в Эфиопию было связано с установлением с нею дипломатических отношений. Его назначили командиром казачьего конвоя, сопровождавшего первого русского посла Власова. Прибыв в Аддис-Абебу, brave кавалерист узнал, что Менелик II собирается присоединить к своему государству местность, прилегающую к северному берегу озера Рудольфа. Туда с войсками направлялся рас (вождь) Вальде Георгис. Негус сразу разрешил Булатовичу участвовать в этом походе. Свои впечатления Булатович изложил в докладе, представленном в Русское географическое общество, за что автора наградили серебряной медалью общества.

В третий раз Булатович направился в полюболюбившую ему страну в 1899 году, на этот раз по заданию Министерства иностранных дел. Менелик II не раз восторгался «железной энергией русского офицера», его выносливостью и мужеством, «перед которым отступают все преграды и опасности».

А. К. Булатович возвратился в Россию с высокой наградой: золотым щитом и саблей.

Вскоре по высочайшему повелению гусар был отправлен на Даль-

ний Восток. Ему присваивают чин ротмистра, даются еще несколько орденов, а также право носить французский орден Почетного легиона, полученный им за спасение французского миссионера. Приняв участие в военных действиях в Маньчжурии, Булатович вернулся домой. И снова «вдруг» он подает в отставку, чтобы принять пострижение в монахи. Причиной явилась ли неразделенная любовь, то ли раскаяние в участии в кровавых и жестоких войнах. Так или иначе, новоявленный «отец Антоний» в 1906 году прибывает на Афон. Здесь, в Андреевском монастыре, Булатович собрался обрести покой. Он взял с собой эфиопского мальчика, брошенного родителями и тяжело раненного во время кровавого сражения; Булатович выхаживал его, крестил, нарекал Василием и обучил русскому языку и грамоте. Именно его имели в виду Ильф и Петров, когда писали, что на запятках графской кареты стоял абиссинец, вызывавший своей чернотой и тонким станом изумление прохожих. Но Василий скоро запросился на родину, а вскоре и Булатович отправился в Эфиопию, где задержался примерно на год. Когда он вернулся на «Святую Гору», там возникла распря между двумя группировками монахов. «Отец Антоний» примкнул к несправедливо обиженным монахам — выходцам из простого крестьянства, прозванным «простецами». Царское правительство и синод распорядились случившееся как подрыв «основ». «Черный бунт» был подавлен вооруженной силой, и в Россию было вывезено несколько сот смутьянов.

Во время первой мировой войны Булатович добровольно отправился на фронт, служил в передовом отряде Красного креста, а одно время состоял полковым священником и, участвуя в боях, показал храбрость и самоотверженность. После революции Булатович вернулся в свое родовое имение вблизи Сум, построил там скит, где снова собрался замаливать грехи. Но в 1919 году его убили бандиты.

Недавно местные краеведы разыскали и привели в порядок могилу Булатовича, отдав тем самым дань уважения русскому путешественнику, сыгравшему столь значительную роль в познании Эфиопии.

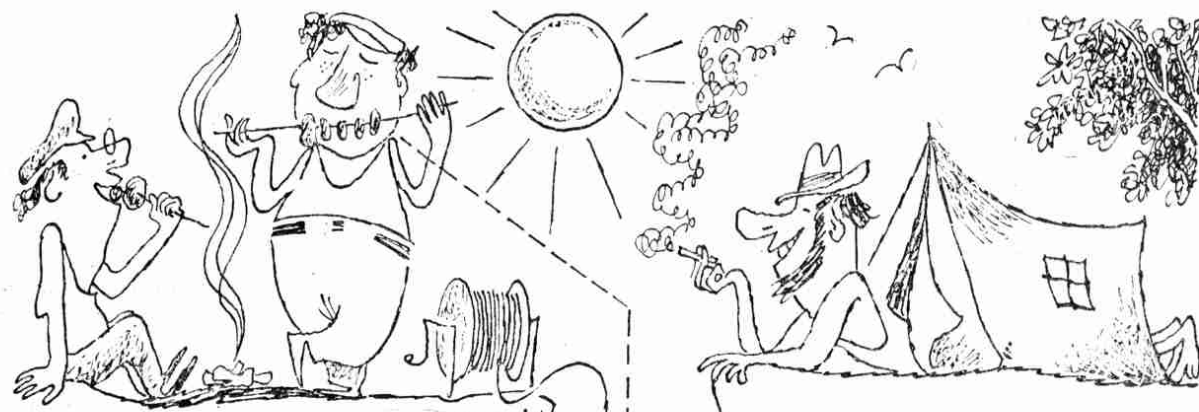
Ф. КАМЕНСКИЙ

НИКОЛАЙ ЕЛИН,
ВЛАДИМИР КАШАЕВ

Две юморески

Рисунки И. ОФФЕНГЕНДЕНА.

конец эксперимента

Сегодня у меня большой день: я согласился стать участником смелого эксперимента. На спор. Опустят меня в пещеру и там оставят. Не насовсем, конечно, а сколько смогу высиживать. Дадут с собой запас воды, продукты, денег рублей двадцать на всякий случай и будут ждать, когда я засну. Тогда надо только за веревочку дернуть, и меня тут же наверх вытащат. Наши ребята хотят через меня проверить, сколько времени человек может в одиночестве находиться. Я для них самая подходящая кандидатура. Если все будет в порядке, то мы еще посмотрим, кому вперед это надоест — мне или им!

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ. Сажу в пещере второй час. Ребята просили меня наблюдать за своими ощущениями. Наблюдаю... Пока ощущений никаких нет. Ага! Вот только что чихнул! Сделал запись об этом в бортовом журнале. Чихнул вторично. Думаю, что это не от простуды, а от повышенного чувства ответственности.

ДЕНЬ ВТОРОЙ. Перед началом эксперимента меня предупреждали, что одиночество обостряет все чувства. Я тогда не очень поверил, а теперь вижу, что так оно и есть. Начиная с позавчерашнего дня испытываю серьезное обострение аппетита. Что-то будет дальше?!

ДЕНЬ ТРЕТИЙ. Обострилось обоняние. По запаху чую: там, наверху, жарят шашлык. А мне одних концентратов надавали! Тоже мне, называется, товарищи!

ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ. Осязание тоже обострилось. Вчера под подкладкой пиджака обнаружил трещку. Видимо, я когда-то спрятал ее туда от жены и забыл. А может, когда спускался вниз, надел чужой пиджак...

ДЕНЬ ПЯТЫЙ. Обострилось зрение. Сегодня рассмотрел, что это не трещка, а рубль. Да к тому же рваный. Склеивать не стал. Сунул его обратно за подкладку.

ДЕНЬ ШЕСТОЙ. Стал исключительно острым слух. Отчетливо слышу разговор на иностранном языке. Поскольку наверху все говорят только по-русски, видимо, я слышу сквозь землю, как кто-то беседует на той стороне земного шара.

ДЕНЬ СЕДЬМОЙ. Резко обострилась память. И это погубило весь эксперимент... Эй, поднимайте меня скорее!.. Быстрее, быстрее, а то может случиться беда! Эксперимент закончен! Я забыл дома выключить утюг!!!

звезда поэта

Поэту явилась муза. Во сне. Будто бы села она на край кровати и говорит вроде с укоризной:

— Ты все спишь? Так и талант проспать можно. Другие-то в это время работают, творят чего-нибудь.

— Ведь ночь же на дворе, — недовольно отвечает поэт.

— Ну и что же, что ночь! Это, если хочешь знать, самое лучшее для поэта время. Луна там разная, звезды...

— Меня это не вдохновляет, — сухо сказал поэт.

— Ну?! — удивилась муза. — У тебя, что же, и звезды своей нету?

— Какой звезды?

— Путеводной, какой же еще! У каждого человека своя звезда должна быть. А уж про поэта и говорить нечего.

— Вот еще, со звездой возиться, — поморщился поэт. — Что я с нее иметь буду?

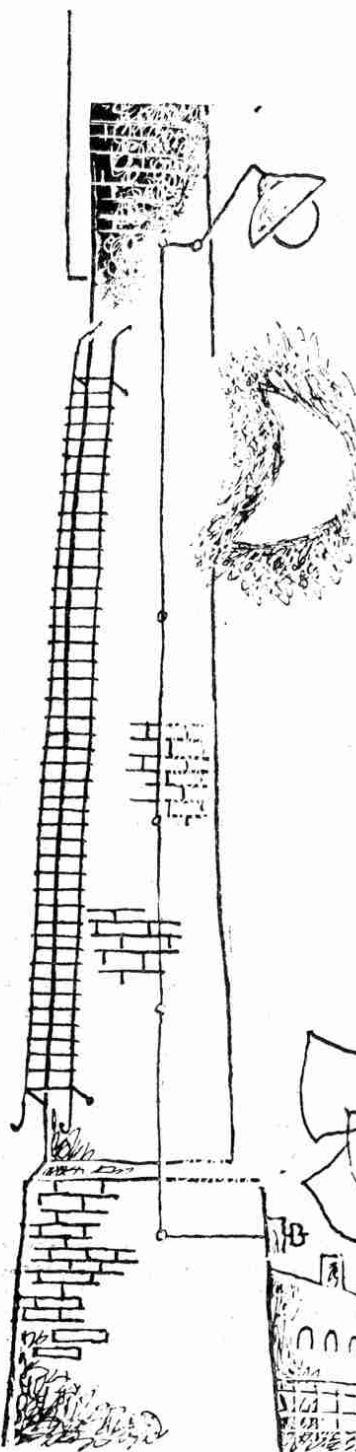
— Как что! Да ведь пока она светит, тебе все время везти будет!

— Ну да! — изумился поэт. — В самом деле? Если так, завтра же присмотрю себе подходящую звезду.

— А вдруг завтра пасмурно будет? — возразила муза. — Давай уж лучше сейчас. Вон какое небо звездное...

Поэт чихнул, перевернулся на другой бок и проснулся.

— До чего странный сон, — пробормотал он. — А что, может, и вправду... того... попробовать?

Он посмотрел в окно. С кроватки ему была видна только одна звезда, обосновавшаяся в небе совсем низко. Она была какого-то неприветливого беловато-оранжевого оттенка, но выбирать не приходилось, потому что подходить к окну и искать другую у поэта не было настроения.

— Вот это и будет моя звезда, — решительно сказал он, снова отвернувшись к стене и удовлетворенно захрапел.

Поэт проспал до обеда. Потом он принимал ванну, листал от скуки старые журналы, чистил ногти и благополучно дотянул до вечера. Посмотрев напоследок телевизор, он уже хотел ложиться спать, но вдруг случайно поглядел в окно. Небо казалось занавешенным серым солдатским одеялом. И только над самым горизонтом ярко светилась одна-единственная звезда оранжевого оттенка.

— М-да, — сказал поэт и почесал в затылке. — Однако...

Он вздохнул, достал карандаш и бумагу и принялся за работу. Сначала дело подвигалось туго, но потом откуда-то неожиданно пришло вдохновение. Поэт забыл обо всем. Он ходил по комнате, грыз карандаш фабрики «Светочи» и в сладких муках рождал стихи. К утру были готовы цикл сонетов и текст двух песен для телепередачи «А ну-ка, дедушки!».

Поэт удивленно посмотрел на себя в зеркало и лег спать. Проснулся он к вечеру. Побрился, повязал широкий галстук и пошел в кафе на углу, где ежедневно собиравались его приятели. Но едва он вышел на улицу, как перед глазами, словно красный глаз светофора, запрещающе засветилась все та же бело-оранжевая звезда.

Поэт резко повернул домой. До рассвета он успел создать новую поэму и стихи, рекламирующие серебристый хек.

Так продолжалась каждая ночь. Неугомонная звезда не давала ему выходных. Шел дождь или завывала пурга, пасмурное ли было небо или сияло чистой, как носовой платок фокусника, но каждый вечер в одном и том же месте зажигалась невзрачная оранжевая точка. Поэт работал как проклятый. Из-под его пера выходили вещи одна лучше другой. Его трудолюбие приводило в изумление даже видавших виды усидчивых романистов.

Но однажды поэт случайно взглянул в окно весенним солнечным днем и аж раскрыл рот от удивления. Его звезда горела на небе как ни в чем не бывало. Вздвигаясь, он протер глаза, выбежал на улицу и все понял. Его труженица-звезда оказалась просто оранжевой лампочкой, укрепленной на вершине высоченной заводской трубы, лампочкой, которую забыли утром выключить и которая сейчас горела наверху, неуместная и никому не нужная.

Поэт долго стоял, потрясенный таким оборотом дела. А когда пришел в себя, бросился к телефону и яростно закричал в трубку:

— Это завод? Почему не экономите энергию? Хотите вылететь в трубу?

Однако лампочку так и не выключили, и поэту волей-неволей пришлось засесть за работу. Но теперь вдохновение больше не посещало его. Он прождал его день, два, три... Безрезультатно.

Тогда поэт закинул неоконченную рукопись под кровать, оделся, подошел к трубе, лично щелкнул выключателем и с чистой совестью направился в кафе.

Л. ТРЕЕР

ПОХОД

Было утро месяца июня. На школьном дворе галдели пионеры, веселые, как звенящие будильники. Вокруг стояли родители, печально глядя на детей.

Папы и мамы приподнимали рюкзаки, набитые тушонкой и свитерами, вздыхали и пытались поцеловать наследников. Наследники отбивались и самостоятельно за таскивали зеленые горы рюкзаков на свои хрупкие лопатки.

Тревожно и радостно пропела труба. Десятидневный поход по нехоженным тропам начался.

Караван с песней обогнул ларек, где тридцать три богатыря склонились над пеной, и вышел на тракт. Родители плелись сзади, выкрикивая названия лекарств и призывы к осторожности.

Отряд свернул в лес. На горизонте, в дрожащем зное, плавали благословляющие персты.

Дети шли торжественно, как первопроходцы. Впереди ступал физрук Петр Мамонтов. Он расталкивал ветви сосен квадратными плечами и убивал комариные тучи. Ответственные за гербарий шли сзади, щипая флору. Специалисты по фауне хватили насекомых. Пахло хвоей и формалином.

Между пионерами развернулось соревнование: «Иди быстрее! Иди дальше! Иди качественней!» Найденный наконечник стрелы — след татаро-монгольского ига — вручался победителю.

Тридцать претендентов шли быстро и качественно. Природа не спеша раздвигала перед ними занавес, и юные зрители с тихим восторгом смотрели на сцену.

В Голубом Каньоне они пили воду, чистую, как совесть новорожденного. На Орлином Утесе туристы держались за облака и чертили метровые приветствия пионерам других планет.

На привалах дети разжигали костер и, повизгивая от удовольствия, ели кашу — бесхитростную, как лицо двоечника, и вкусную, как самая первая каша на Земле.

Ночью, когда дети засыпали, появлялись лесные духи. Духам было под сорок. У них горели глаза и ныли натертые ноги. Духи хотели есть, но никто из них не трогал продукты юных туристов.

Тени неслышно скользили по лагерю, усаживались у спальных мешков, из которых торчали детские головы, похожие на редиску, и, раскачиваясь, бормотали что-то.

Потом лесные духи принимались штопать одежду туристов и приводить в порядок их обувь.

Когда первая птица приветствовала рассвет, духи исчезали.

Беззаботные дети не замечали по утрам, что отлетевшая пуговица пришита, а дыра на ковбойке аккуратно заштопана.

На седьмую ночь, когда кабаньий клык месяца вспорол мешок неба и звезды хлынули серебряной рекой, ученик шестого «В» класса Семен Кошкин проснулся от поцелуя. Семен увидел своего папу.

У папы было измученное лицо с запущенной щетиной. Папа жевал какую-то траву, а по щеке у него катилась мутная слеза.

— Папа! — сказал Семен Кошкин и приподнялся.

Кошкина-старшего не было. Лишь странные тени уходили большими прыжками на северо-восток. Утром школьник Кошкин рассказал физику Мамонтову ночное видение.

Физрук слушал с улыбкой чемпиона.

— Сеня! — сказал он, жуя ягоду. — У тебя слабые мышцы. Надо меньше читать. Надо спать ночью, Сеня.

Отряд совершил стремительный бросок с нехоженой тропы на хоженую и в положенное время, без единого засорения желудка, с песней вернулся домой.

Вечером того же дня из леса вышла группа оборванных людей. Люди брели темными городскими переулками, и прохожие, прижимаясь к заборам, протягивали им ценности. Люди не брали ценности, а просили кефир. Им было под сорок.

Все родители, кроме папы Кошкина, добрались домой вполне благополучно. Дети мыли пап и мам в семи водах, кормили яичницей и кефиром, мазали зеленкой. Папы и мамы засыпали, плача от счастья.

Заблудившийся Кошкин-старший был найден геологами через месяц. Он спал на дереве в гнезде пернатого. Родитель совершенно одичал и не хотел возвращаться в город.

Сейчас папа Кошкина Семена чувствует себя хорошо. Лишь иногда, проснувшись ночью, он крадется в комнату сына, чтобы пришить оторванную пуговицу.

г. Новосибирск.

В. СУМАРЕВ. (Минск).

Свадьба.

Цена 40 коп.
Индекс
71420

